

№ 4 (73)
2025

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России имени И.Ф. Шилова

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени И. Ф. Шилова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
И. В. Никитенко,
доктор юридических наук, профессор

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
доктор юридических наук, доцент

Ответственный секретарь
Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:

М. В. Бавсун,
доктор юридических наук, профессор;
А. М. Баранов,
доктор юридических наук, профессор;
А. С. Бахта,
доктор юридических наук, профессор;
С. С. Безруков,
доктор юридических наук, доцент;
В. Н. Борков,
доктор юридических наук, профессор;
Б. Б. Булатов,
доктор юридических наук, профессор;
В. Ф. Васюков,
доктор юридических наук, профессор;
С. И. Давыдов,
доктор юридических наук, доцент;
Е. В. Демидова-Петрова,
доктор юридических наук, доцент;
А. Н. Древал,
доктор юридических наук, профессор;
Н. Н. Егоров,
доктор юридических наук, профессор;
Ю. И. Кулешов,
доктор юридических наук, профессор;
С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор;
Н. Е. Мерещкий,
доктор юридических наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Баранов А. М. Меры пресечения: традиция и современность / 5

Уголовное право

Басова Т. Б., Кулешов Ю. И. Исключительные обстоятельства в контексте статьи 64 Уголовного кодекса Российской Федерации – исключение, подтверждающее правило? / 12

Бегишев И. Р., Рыбушкин Н. Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против безопасности персональных данных: анализ статьи 272¹ Уголовного кодекса Российской Федерации / 19

Квасников Е. С. Необходимая оборона в российском уголовном праве: вопросы целесообразности изменения закона / 24

Деревянская Т. П., Шаганова О. М. Содействие террористической деятельности (часть 1 статьи 205¹ Уголовного кодекса Российской Федерации): отдельные вопросы квалификации / 31

Миронова Г. Н., Малетина М. А. Оценка вреда здоровью потерпевшего, выразившегося в наступлении психического расстройства / 37

Швейгер А. О. Некоторые вопросы оценки пределов необходимой обороны и их превышения / 46

Долгиев А. А. Конфиденциальное сотрудничество как юридическое основание статуса иностранного агента: теория и правоприменительные последствия / 53

Мялицына М. А. Совершение «незаконных действий» как способ принуждения к даче показаний / 61

Криминология

Дерюга А. Н., Дерюга Н. Н. Уголовная и административная педология: соотношение предметов / 69

Ольховникова Н. А. Критерии общественной опасности жестокого обращения с животными / 75

Феденко М. Л. Актуальные проблемы в сфере противодействия латентной преступности / 81

Уголовно-исполнительное право

Сысоева А. С. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих малолетних детей / 88

К. В. Муравьев,
доктор юридических наук, доцент;
А. А. Пуньшиева,
доктор юридических наук, доцент;
И. М. Середа,
доктор юридических наук, профессор;
А. Е. Чечетин,
доктор юридических наук, профессор;
С. В. Шевелева,
доктор юридических наук, профессор;
Н. Г. Шурухов,
доктор юридических наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова

Корректор
Н. Б. Хохлова

Компьютерная верстка и дизайн
О. Ф. Вальченко

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук по научной специальности
5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Журнал отнесен к категории К2.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-77679
от 10 февраля 2020 г.

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 30.12.2025.
Дата выхода в свет 12.01.2026.
Бум. офис. Формат 60×84^{1/8}.
Усл. печ. л. 20,0 Тираж 300 экз.
(1-й завод: 1–50 экз.). Заказ № 52.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России
имени И. Ф. Шилова.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru,
тел. (4212) 92-02-59

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России
имени И. Ф. Шилова, 2025

Криминалистика

Ким С. С. Криминалистические последствия недостаточной
подготовленности судей к разбирательству с участием присяж-
ных: анализ апелляционной практики и пути оптимизации / **95**

Карамшов Н. М. Правовое регулирование борьбы с террориз-
мом в Российской Федерации и Республике Таджикистан / **104**

Судебно-экспертная деятельность

Прокофьева Е. В., Гаужаева В. А. Возможности реконструкции
падения с высоты средствами компьютерного моделирования
в целях установления достоверных обстоятельств произошед-
шего события / **114**

Юрин В. М., Нурушев А. А., Федоренко В. А., Балтабаев С. А.
Криминалистическое исследование следов применения автома-
тического карабина М 4 калибра 5,56 мм / **121**

Курганникова Т. П. Тактика проведения реконструкции при
производстве судебно-баллистических исследований / **131**

Чулков И. А. Влияние глушителя звука выстрела на особенно-
сти проявления дополнительных следов выстрела при стрельбе
патронами 9×18 мм / **138**

Руднев А. И., Самуйленко Л. В. Особенности криминалисти-
ческого исследования видеоизмененных маркировочных обозна-
чений, нанесенных при помощи ударных клеев / **144**

Правоохранительные органы в сфере борьбы с преступностью

Кобец П. Н., Никитенко И. В. Сотрудничество полиции и об-
щественности в сфере охраны общественного порядка (обзор
международной практики) / **152**

Деревянко Е. О., Политов В. Е. Актуальные вопросы между-
народного сотрудничества органов внутренних дел Россий-
ской Федерации в области противодействия коррупции / **159**

Уголовно-правовые науки в зарубежных странах

Набиева З. Р. Особенности конвергенции норм уголовного права
на территории Китая в период монгольского владычества / **166**

Информация для авторов / 172

№ 4 (73)
2025

VESTNIK

of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
named after I. F. Shilov

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
named after I. F. Shilov

Editorial board:

Editor-in-Chief
I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Professor

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Derjuga
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:
M. V. Bavsun,
Doctor of Law, Professor;
A. M. Baranov,
Doctor of Law, Professor;
A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor;
S. S. Bezrukov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. N. Borkov,
Doctor of Law, Professor;
B. B. Bulatov,
Doctor of Law, Professor;
V. F. Vasyukov,
Doctor of Law, Professor;
S. I. Davydov,
Doctor of Law, Associate Professor;
E. V. Demidova-Petrova,
Doctor of Law, Associate Professor;
L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;
N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor;
Yu. I. Kuleshov,
Doctor of Law, Professor;
S. Ya. Lebedev,
Doctor of Law, Professor;
N. E. Meretsky,
Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Criminal procedure law

Baranov A. M. Preventive measures: tradition and modernity / 5

Criminal law

Basova T. B., Kuleshov Yu. I. Exceptional circumstances in the context of article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation – an exception that confirms the rule? / 12

Begishev I. R., Rybushkin N. N. Criminal law characteristics of crimes against personal data security: analysis of article 2721 of the Criminal Code of the Russian Federation / 19

Kvasnikov E. S. Necessary defense in russian criminal law: issues of expediency of changing the law / 24

Derevianskaia T. P., Shaganova O. M. Assistance to terrorist activities (article 2051 of the Criminal Code of the Russian Federation): certain issues qualifications / 31

Mironova G. N., Maletina M. A. Assessment of the harm to the victim's health, expressed in the onset of a mental disorder / 37

Shweyger A. O. Some issues of assessing the limits of necessary defense and their excess / 46

Dolgiev A. A. Confidential cooperation as a legal basis for the status of a foreign agent: theory and law enforcement consequences / 53

Myalitsyna M. A. "Illegal actions" as a means of coercing testimony / 61

Criminology

Deryuga A. N., Deryuga N. N. Criminal and administrative penology: the ratio of subjects / 69

Olkhovnikova N. A. Criteria for the public danger of cruelty to animals / 75

Fedenko M. L. Current problems in the field of combating latent crime / 81

Penal enforcement law

Sysoeva A. S. Execution of punishment in the form of imprisonment in relation to women with minor children / 88

K. V. Muravyov,
Doctor of Law, Associate Professor;
L. A. Pupysheva,
Doctor of Law, Associate Professor;
I. M. Sereda,
Doctor of Law, Professor;
A. E. Chechetin,
Doctor of Law, Professor;
S. V. Sheveleva,
Doctor of Law, Professor;
N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor
E. Yu. Kolobanova

Proofreader
N. B. Khokhlova

Typesetting and design
O. F. Valchenko

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published by scientific specialties
5.1.4. Criminal law sciences (legal juridical sciences)

The journal is classified as K2.

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИИ № ФС77-77679 of February, 10, 2020.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 30.12.2025.
Issue: 12.01.2026.
Format 60×84 1/8. Size 20,0 printer sheets. Circulation 300 copies (1–50 copies).
Order 52. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok, Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru,
tel. (4212) 920-259

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, 2025.

Criminalistic

Kim S. S. Criminalistic consequences of judges lack of preparedness for jury trials: an analysis of appellate practice and ways to optimize / **95**

Karamshoev N. M. Legal regulation of the counteraction to terrorism in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan / **104**

Forensic expertise activity

Prokofieva E. V., Gauzhaeva V. A. The possibility of reconstructing fall from a height by means of computer modeling in order to establish reliable circumstances of the event / **114**

Yurin V. M., Nurushev A. A., Fedorenko V. A., Baltabaev S. A. Forensic examination of traces of use of the M4 automatic carbine of 5.56 mm caliber / **121**

Kurgannikova T. P. Tactics for conducting reconstruction in forensic ballistic examinations / **131**

Chulkov I. A. The effect of a shot silencer on the appearance of additional traces of a shot when firing 9 × 18 mm cartridges / **138**

Rudnev A. I., Samuilenko L. V. Features of forensic study of modified marking symbols applied using impact marks / **144**

Law enforcement agencies in the field of combating crime

Kobets P. N., Nikitenko I. V. Police and public cooperation in the sphere of public order protection (review of international practice) / **152**

Derevyanko E. O., Politov V. E. Current issues of international cooperation of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the field of anticorruption / **159**

Criminal law sciences in foreign countries

Nabieva Z. R. Features of convergence of criminal law norms in China during the period of mongol rule / **166**

Information for authors / **172**

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 5–11.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 5–11.

Научная статья
УДК 343.13

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Александр Михайлович Баранов^{1,2}

¹ Омская академия МВД России, Омск

² Южно-Уральский государственный университет, Челябинск
baranowam@list.ru

Аннотация. В статье анализируется правоприменительная практика органов предварительного следствия и суда по применению мер пресечения в досудебном производстве по уголовным делам. С учетом многолетней практики применения мер пресечения и конституционного права личности на свободу обосновывается вывод о том, что в современном уголовном процессе должны применяться всего две меры пресечения: заключение под стражу и запрет определенных действий. Обе меры пресечения должны избираться на основании судебного решения. Закон должен устанавливать единый порядок и сроки применения мер пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, судебный порядок, сроки, заключение под стражу, запрет определенных действий, подписка о невыезде

Для цитирования: Баранов А. М. Меры пресечения: традиция и современность // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 5–11.

PREVENTIVE MEASURES: TRADITION AND MODERNITY

Alexander M. Baranov^{1,2}

¹ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk

² South Ural State University, Chelyabinsk
baranowam@list.ru

Abstract. The article analyzes the law enforcement practice of the preliminary investigation and court authorities on the application of preventive measures in pre-trial criminal proceedings. Taking into account the long-term practice of applying preventive measures

and the constitutional right of an individual to freedom, the conclusion is substantiated that in modern criminal proceedings only two preventive measures should be applied: detention and prohibition of certain actions. Both preventive measures must be chosen on the basis of a court decision. The law should establish a uniform procedure and time limits for the application of preventive measures.

Keywords: preventive measures, judicial procedure, time limits, detention, prohibition of certain actions, written undertaking not to leave

For citation: Baranov A. M. Preventive measures: tradition and modernity // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4(73): 5–9.

Вопрос о видах мер пресечения, сроках и порядке их применения в уголовном судопроизводстве на первый взгляд – сугубо утилитарный, предназначенный для обсуждения юристам. В действительности же проблема мер пресечения в уголовном процессе – лишь верхушка социального вопроса о соразмерности принуждения в обществе и даже вопроса философии о свободе личности. И вроде бы уже есть ответы на эти вопросы, но в тот или иной период перед обществом и государством вновь возникает проблема о степени свободы личности, о праве государства на ограничение, о форме, об основании, о степени и сроке ограничения свободы.

Чем больше занимаешься познанием уголовного процесса, тем глубже осознаешь, что отечественное уголовно-процессуальное право по своему содержанию и форме доктринально находится в парадигме Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в том числе и в вопросе применения мер пресечения. Это не хорошо и не плохо, это факт. Как представляется, одна из причин тому – преемственность знания. Чем лучше мы знаем труды наших учителей и их учителей, тем сложнее выйти за границы нашего знания. Конечно, нельзя сказать, что в практике и теории уголовного процесса в вопросе мер пресечения не было изменений. Были! В первую очередь они были вызваны принятием новых законов об уголовном судопроизводстве. Так было в 20, 60, 90-х гг. XX в.

Итак, попробуем обосновать, что доктринально подход к вопросу о мерах пресечения в уголовном процессе не изменился с эпохи принятия Устава уголовного судопроизводства.

В соответствии с гл. VI «О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия» УУС (ст. 415, 416)* судебным следователем могли быть избраны следующие меры пресечения: 1) отобрание вида на жительство или обязательство подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) отдача под особый надзор полиции; 3) отдача на поруки; 4) взятие залога; 5) домашний арест и 6) взятие под стражу.

УПК РСФСР в качестве мер пресечения закреплял: 1) подписку о невыезде (ст. 93); 2) личное поручительство (ст. 94); 3) поручительство общественной организации (ст. 95); 4) заключение под стражу (ст. 96); 5) залог (ст. 99); 6) наблюдение командования воинской части (ст. 100); 7) отдачу несовершеннолетнего под присмотр (ст. 394).

Действующий УПК РФ в ст. 98 предусматривает следующие виды мер пресечения: 1) подписку о невыезде; 2) личное поручительство; 3) наблюдение командования воинской части; 4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; 5) запрет определенных действий; 6) залог; 7) домашний арест; 8) заключение под стражу.

При сравнении списков мер пресечения обнаруживаем, что радикального изменения в их видах не произошло. Принципиальные изменения коснулись субъектов, имеющих право применять меры пресечения. По УУС все меры пресечения, в том числе и заключение под стражу, применялись судебным, но все же следователем самостоятельно. В наше время, до начала

* Устав уголовного судопроизводства. 20 ноября 1864 г. <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=lrzzwpjq6f776078814>

судебной реформы в 1992 г., только заключение под стражу применялось с санкции прокурора. Остальные меры пресечения дознавателем и следователем применялись самостоятельно (!). Напомним, по действующему УПК меры пресечения: заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий – избираются по судебному решению. Иные меры пресечения дознавателем и следователем применяются самостоятельно.

Прослеживается интересная закономерность: возможности на перемещение/миграцию, а следовательно, и на уклонение от уголовного преследования у личности существенно расширились, в это же время государство/общество ограничило право субъекта, осуществляющего уголовное преследование, на самостоятельное применение мер пресечения (ограничения права на свободу). Таким образом, эффективность применения мер пресечения и возможности воспрепятствования уклонению от уголовного преследования у органов расследования существенно снизились. Вместе с тем задачи, стоящие перед следствием и дознанием, не изменились (!).

Практика, как утверждал К. Маркс, – критерий истины*. Но только передовая практика – добавлял мой учитель Валерий Петрович Гмырко. Практика применения мер пресечения всегда зависит от проводимой государством уголовной политики. К сожалению, сведений о процентном и количественном показателях применения мер пресечения в период действия Устава уголовного судопроизводства найти не удалось.

Безусловно, уголовные репрессии до судебной реформы 1992 г. были куда жестче в сравнении с сегодняшним днем. В конце 80-х и первой половине 90-х гг. практика применения мер пресечения складывалась следующим образом. Примерно к 30 % обвиняемых избиралась мера пресечения – заключение под стражу, около 70 % – подписка о невыезде и в пределах 1 % – иные меры пресечения. В разные годы, в зависимости от роста тяжких преступлений и повторного совершения преступлений обвиняемыми в период привлечения к уголовной ответственности, менялось соотношение мер «заключение под стражу» и «подписка о невыезде». Эти изменения носили незначительный характер и не влияли на общую практику применения мер пресечения.

Для оценки эффективности и востребованности закрепленных в действующем УПК РФ мер пресечения обратимся к статистике их применения в досудебном производстве. Для наглядности практика применения мер пресечения: заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий – приведена в таблице вместе со значениями количества лиц, осужденных по приговорам, вступившим в законную силу, и лиц, осужденных к реальному лишению свободы. Исследовался период с 2017 по 2022 г.,** с 2017 по 2019 г. – до введения и с 2020 по 2022 г. – после введения меры пресечения «запрет определенных действий».

* Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1–4. https://phil.ulstu.ru/files/studentam/4.1_tezis.pdf

** При подготовке таблицы были использованы данные, полученные из следующих источников: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 05.07.2025); Андроник Н. А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. С. 5; Ахметгалеев В. Р. Тактико-криминалистические особенности применения мер пресечения в процессе предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. С. 3.

Год	Осуждено по приговорам, вступившим в законную силу	Осуждено к реальному лишению свободы	Заключение под стражу, % от осуж., % от лиш. своб.	Домашний арест, % от осуж., % от лиш. своб.	Залог, % от осуж., % от лиш. своб.	Запрет определенных действий, % от осуж., % от лиш. своб.
2017	697054	200225	113269 16,25 56,57	6442 0,92 3,21	133 0,019 0,06	0
2018	658291	190325	102205 15,52 53,70	6329 0,96 3,32	108 0,016 0,056	0
2019	598207	175117	94632 15,81 54,03	6038 1,0 3,44	77 0,012 0,043	0
2020	530998	149681	84919 15,99 56,73	6949 1,3 4,64	244 0,045 0,16	1850 0,348 1,23
2021	565523	158923	87905 15,54 55,31	6828 1,2 4,29	25 0,004 0,015	2565 0,453 1,61
2022	578774	167188	87687 15,15 52,44	7407 1,27 4,43	71 0,012 0,042	3085 0,53 1,84

Внимательный анализ применения мер пресечения позволяет сделать вывод о том, что заключение под стражу на протяжении последних лет применяется в отношении 15–16 % от общего числа лиц, осужденных судом, и в пределах 52–57 % от лиц, осужденных к лишению свободы. Домашний арест, запрет определенных действий и залог – вместе в пределах 2 % от числа всех осужденных и не более 6 % от лиц, осужденных к лишению свободы. Следовательно, принимая во внимание ничтожное количество случаев применения мер пресечения в виде личного поручительства, наблюдения командования воинской части и присмотра за несовершеннолетним, в отношении примерно 78 % лиц, осужденных судом, применялась мера пресечения в виде подписки о невыезде, а в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, подписка о невыезде применялась примерно в 40 % случаев.

В сравнении с советской эпохой, применение меры пресечения в виде заключения под стражу снизилось почти в два раза в досудебном производстве (15 % вместо 30). Весьма сомнительно, что такое снижение произошло в связи с появлением домашнего ареста и запрета определенных действий, поскольку почти на 10 % возросло применение меры пресечения в виде подписки о невыезде. По нашему мнению, на произошедшее изменение практики применения мер пресечения следователями и дознавателями в большей степени повлияло общее смягчение уголовной политики, а именно увеличение с двух до трех лет лишения свободы в санкции наказания за преступление как условие применения заключения под стражу; уменьшение срока наказания в виде лишения свободы либо его отмена за ряд преступлений, исключающих возможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу; установление в ст. 108 УПК РФ прямого запрета на применение заключения под стражу в отношении отдельных лиц и за отдельные виды преступлений. Совсем незначительное влияние оказало усложнение порядка избрания данной меры пресечения по судебному решению.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что за последние шестьдесят пять лет, в период действия УПК РСФСР и УПК РФ, невзирая на существенные изменения в экономике, общественном мировоззрении, уголовной политике, в порядке применения мер пресечения в досудебном производстве по уголовным делам, востребованными выступают всего две меры пресечения – заключение под стражу и подписка о невыезде. И этот факт

никак нельзя списать на косность «советского правосознания», поскольку у большинства современных дознавателей, следователей, прокуроров и судей совершенно иное правосознание, а очень многие из них родились в постсоветскую эпоху.

Каким же может быть совершенствование видов мер пресечения в досудебном производстве? Существуют разные предложения. Заместитель министра юстиции В. В. Федоров предложил расширить практику применения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, в частности, в виде залога*. Весьма сомнительна реализация данного предложения на практике. Не хотят следователи применять данную меру пресечения. Статистика эпохи развитого социализма, да и современного российского капитализма, показывает, что мера пресечения в виде залога не отвечает правосознанию и ценностям российского общества, а потому не востребована у правоприменителя.

Возможно ли в дальнейшем снижение применения заключения под стражу как меры пресечения в досудебном производстве? Согласно данным, приведенным в таблице, около 45 % лиц, осужденных к лишению свободы, на момент постановления приговора не находились под стражей. Оценка эффективности применения мер пресечения невозможна без сведений о количестве лиц, скрывшихся от органов следствия и суда. По данным В. Д. Редозубова, количество разыскиваемых преступников, скрывшихся от следствия, в 2021 г. составило 40 775 чел., в 2022 г. – 39 173 чел., в 2023 г. – 39 512 чел. В 2023 г. значительно (на 20,37 %) выросло количество вновь объявленных в розыск. Количество разыскиваемых, скрывшихся на судебной стадии судопроизводства, в 2022 г. составило 24 967 чел. (рост на 0,71 % по сравнению с 2021 г.). В 2023 г. произошло снижение числа скрывшихся от суда разыскиваемых на 6,99 % (1746 чел.) [1].

И последнее обстоятельство, которое учитывается следователями, но о котором не пишут в научных работах. Это организационные проблемы работы с лицом, находящимся под стражей. Напомним, что лица содержатся под стражей в следственных изоляторах, которые находятся в ведении ФСИН. Порядок работы с лицами, содержащимися в СИЗО, за последние годы существенно усложнился с точки зрения организации, что, в свою очередь, объективно повлекло увеличение сроков расследования и содержания под стражей. Давно ушло в прошлое, когда следователь мог прибыть для работы в СИЗО с подследственным без предварительной заявки. Теперь заявку на работу с лицом, содержащимся под стражей, следователи подают за несколько дней с учетом загруженности СИЗО, предварительно согласовывая возможную дату с защитником. Если по какой-либо причине в назначенный день невозможно участие защитника или других привлеченных лиц, то работа в СИЗО переносится на более поздний срок. По этой причине следователи обращаются в суд за применением меры пресечения «заключение под стражу» уже только в тех случаях, когда избрание иной меры пресечения просто невозможно. Косвенно это подтверждается статистикой удовлетворения судьями ходатайств следователей о заключении под стражу. В 2024 г. в российские суды поступило 97 000 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, 88 % из них были удовлетворены**.

Исходя из сложившегося правоприменения, по нашему убеждению, должно быть всего две меры пресечения – заключение под стражу и запрет определенных действий. Приведем аргументы. Прежде всего, следует указать на тот факт, что залог как мера пресечения фактически не применяется***. Меры пресечения в виде поручительства, наблюдения

* Минюст задумался о расширении практики применения залога. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50191/> (дата обращения: 03.07.2025).

** Ведомости. Российские суды удовлетворили 88 % ходатайств об арестах в 2024 году. URL: <https://dzen.ru/a/Z7dO-DCGzVdrNtTB?ysclid=mck0ftniy378216765> (дата обращения: 03.07.2025).

*** В ряде стран залог не существует в виде самостоятельной меры пресечения, а выступает дополнительной гарантией надлежащего поведения лица при применении к нему меры пресечения, не связанной с заключением под стражу.

командования, присмотра родителей абсолютно неэффективны. Мера пресечения – запрет определенных действий по своему содержанию поглощает такие меры пресечения, как домашний арест и подписка о невыезде. При ее применении можно возложить на лицо ограничения, которые входят в содержание домашнего ареста и подписки о невыезде.

Как правило, такое предложение вызывает вопрос: что же, дознаватель и следователь лишаются самостоятельности в применении принуждения к обвиняемому с целью обеспечения его надлежащего поведения до постановления приговора судом? Но в распоряжении лиц, осуществляющих досудебное производство, имеется такая мера принуждения, как обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ). Как же следователю обойтись без подписки о невыезде – самой распространенной меры пресечения? В одних случаях ее заменит запрет определенных действий, в тех же случаях, когда не будет оснований для избрания меры пресечения, вполне будет достаточно применить к лицу обязательство о явке.

Оставление в качестве мер пресечения заключения под стражу и запрета определенных действий позволит решить и другой важный вопрос – о порядке избрания мер пресечения.

Существующий ныне порядок применения мер пресечения, с одной стороны, сложился в результате длительного исторического периода, а с другой – в результате правовой реформы 1992 г. В настоящее время четыре из восьми мер пресечения в досудебном производстве избираются по судебному решению, остальные – самостоятельно следователем. При этом порядок их избрания различный. Так сложилось. Есть ли какое-то научное обоснование существующих различий? Нам не удалось найти в научной литературе исследований по данной проблеме. Безусловно, относительно каждой в отдельности из мер пресечения, порядка избрания той или иной меры пресечения, есть масса исследований диссертационного и иного уровня. Но вот почему он для каждой из мер пресечения свой? Почему нет общего порядка? Первое объяснение, как представляется, заключается в том, что отличия в порядке применения разных мер пресечения и невозможность установления единой процедуры обусловлены различием в самой сущности и содержании мер пресечения. Если исходить из посыла, что для современных правоотношений и эффективного правоприменения следует оставить всего две меры пресечения – заключение под стражу и запрет определенных действий, то в таком случае нет никаких препятствий для установления единого порядка применения обеих мер пресечения в одной статье закона.

Справедливость требует отметить попытки Пленума Верховного Суда РФ сблизить процедуры мер пресечения, избираемых по судебному решению*. Идея о необходимости только судебного порядка ограничения права на свободу посредством мер пресечения все чаще стала обсуждаться на страницах научной литературы [см., напр., 2]. Как говорится, новое – это хорошо забытое старое. Мысль о применении всех мер пресечения только по судебному решению для науки российского уголовного процесса не нова. Еще в начале XX в. П. И. Люблинский отмечал, что «органом применения мер пресечения должен являться суд» [3, с. 201].

Что касается сроков применения мер пресечения, то здесь также наблюдается отсутствие единого правового регулирования, и причины те же – сложившиеся исторически правоприменение и нормотворчество.

Для таких мер пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ), личное поручительство (ст. 103 УПК РФ), наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК РФ), присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ), законодатель вообще не установил срока их действия после избрания. В ст. 100 УПК РФ установлен срок применения меры пресечения к подозреваемому вне зависимости от ее вида – до предъявления обвинения. В ч. 9, 10 ст. 105¹

* О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41.

относительно действия запрета определенных действий установлены разные сроки – в зависимости от вида запрета и тяжести преступления: по тяжким преступлениям он достигает 24 месяцев, по особо тяжким – 36 месяцев, что значительно превышает срок содержания под стражей. Для мер пресечения – домашний арест, залог законодатель установил сроки, аналогичные срокам заключения под стражу.

Руководствуясь идеей о том, что при применении любой из мер пресечения происходит ограничение конституционного права личности на свободу, закон должен устанавливать единый порядок и единые сроки применения мер пресечения.

Список источников

1. Редозубов В. Д. Организация розыска преступников, скрывшихся от следствия и суда, оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Амурского государственного университета. 2025. Вып. 108. С. 24–30.
2. Ткачёва Е. С., Баранов А. М. Избрание мер пресечения на основании судебного решения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 48. С. 20–27.
3. Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. М., 1906.

Информация об авторах

А. М. Баранов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы Юридического института Южно-Уральского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the authors

A. M. Baranov – Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Law Institute of South Ural State University, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; принята к публикации 03.10.2025.

The article was submitted 03.10.2025; accepted for publication 03.10.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 12–18.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 12–18.

Научная статья
УДК 343.01

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 64 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ИСКЛЮЧЕНИЕ, ПОДТВЕРЖДАЮЩЕЕ ПРАВИЛО?

Татьяна Борисовна Басова¹, Юрий Иванович Кулешов^{2, 3}

¹ Юридическая школа Дальневосточного федерального университета, Владивосток

² Дальневосточный филиал Всероссийского государственного университета юстиции, Хабаровск

³ Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Хабаровск

¹ basova.tb@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0797-230X>

^{2, 3} oven5656@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется исключение из правил, содержащееся в ст. 64 УК РФ, нормы которой отражают право суда назначить наказание более мягкое, чем предусмотрено за данное преступление, при наличии исключительных обстоятельств. Проанализированы различные подходы к определению оснований признания смягчающих и иных обстоятельств в качестве исключительных. Выявлена неопределенность понятия «исключительные обстоятельства». Представлена научная дискуссия о балансе и «нейтрализации» противоположных по значению обстоятельств. Рассмотрены проблемы судебной практики в контексте ст. 64 УК РФ, связанные с применением положений ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона. Сделан вывод о необходимости законодательной конкретизации правил применения ст. 64 УК РФ и приведения в соответствие норм Общей и Особенной частей УК РФ.

Ключевые слова: назначение наказания, исключительные обстоятельства, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства

Для цитирования: Басова Т. Б., Кулешов Ю. И. Исключительные обстоятельства в контексте статьи 64 Уголовного кодекса Российской Федерации – исключение, подтверждающее правило? // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 12–18.

Original article

EXCEPTIONAL CIRCUMSTANCES IN THE CONTEXT OF ARTICLE 64 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION – AN EXCEPTION THAT CONFIRMS THE RULE?

Tatyana B. Basova¹, Yuri I. Kuleshov^{2,3}

¹ Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

² All-Russian State University of Justice, Khabarovsk

³ Far Eastern Branch of the V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Khabarovsk

¹ basova.tb@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0797-230X>

^{2,3} oven5656@mail.ru

Abstract. The article examines the exception to the rule contained in Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation, the provisions of which reflect the court's right to impose a more lenient punishment than that provided for a given crime in the presence of exceptional circumstances. Various approaches to defining the grounds for recognizing mitigating and other circumstances as exceptional are analyzed. The ambiguity of the concept of "exceptional circumstances" is revealed.

A scientific discussion is presented on the balance and "neutralization" of circumstances of opposite importance. The problems of judicial practice in the context of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation related to the application of the provisions of Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation on the retroactive force of the criminal law are considered. It is concluded that there is a need for legislative specification of the rules for the application of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation and for bringing into line the norms of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: sentencing, exceptional circumstances, mitigating circumstances, aggravating circumstances

For citation: Basova T.B., Kuleshov Yu.I. Exceptional circumstances in the context of article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation – an exception that confirms the rule? // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 12–18.

Excepthio probat regulam – исключение подтверждает правило – известное латинское изречение, часто используемое в юридической науке и практике, означает, что наличие исключения доказывает существование правила, из которого это исключение сделано.

В уголовном праве исключение из правила содержится в ст. 64 УК РФ, нормы которой дают суду правомочие, при наличии исключительных обстоятельств, назначить наказание более мягкое, чем предусмотрено за данное преступление.

Действительно, «специальные правила назначения наказания предусматривают учет особых условий, предусмотренных УК и УПК РФ, что позволяет суду в полной мере индивидуализировать наказание» [1, с. 98]. Возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, регламентированная законодателем в ст. 64 УК РФ, – одно из средств индивидуализации наказания.

Положения назначения такого наказания криминалисты именуют правилом учета обстоятельств, которое законодатель поместил в ч. 1 ст. 64 УК РФ: «При наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии

участника группового преступления раскрытию этого преступления наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного».

Данное правовое предписание с учетом положения, обозначенного в ч. 2 ст. 64 УК РФ, указывает на то, что исключительными могут быть признаны как отдельные смягчающие обстоятельства, так и совокупность таких обстоятельств. Из этого проистекает правовая природа правил учета судом исключительных обстоятельств: суд усматривает наличие по делу исключительно смягчающих обстоятельств.

В абз. 2 п. 12 утратившего силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 02.04.2013) было подчеркнуто, что суд вправе признать исключительными как отдельные смягчающие обстоятельства, так и их совокупность.

Однако в абз. 1 п. 40 действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 18.12.2018) высший судебный орган уточнил позицию по этому вопросу и разъяснил, что ст. 64 УК РФ следует применять и при наличии обстоятельств, отягчающих наказание.

Действительно, несмотря на то, что законодатель в ст. 64 УК РФ не делает ссылку на необходимость усмотрения по делу наличия отягчающих обстоятельств, высший судебный орган делает вывод, что если они имеются, то допускается чрезвычайное смягчение наказания по правилам ст. 64 УК РФ. Позиция Пленума Верховного Суда РФ была воспринята в уголовно-правовой доктрине по-разному.

Так, по мнению О. Ф. Сундуровой, установление судом отягчающего обстоятельства должно исключать возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление [2, с. 360]. Тем самым она ставит под сомнение целесообразность учета отягчающих обстоятельств при назначении наказания в порядке ст. 64 УК РФ.

М. Ф. Мингалимова полагает, что установление по уголовному делу отягчающих обстоятельств не может не сказываться на оценке имеющихся смягчающих обстоятельств. Смягчающие и отягчающие обстоятельства как бы нейтрализуют друг друга, если первые понижают, то вторые повышают степень общественной опасности преступления и (или) личности виновного и тем самым влияют на пределы уголовной ответственности и наказания [3, с. 105]. По этому поводу высказался Л. А. Кругликов: «... как представляется, по общему правилу, отягчающие обстоятельства значимы: они должны приниматься во внимание судом, ибо при их наличии трудно констатировать существенное уменьшение степени общественной опасности преступления, чего требует закон в качестве основания применения ст. 64 УК РФ» [4, с. 900]. Некоторые специалисты, не вступая в дискуссию по этому вопросу, отмечают, что статья 64 УК РФ может применяться и при наличии обстоятельств, отягчающих наказание [5, с. 32].

Дискуссионным при оценке правила учета обстоятельств является вопрос об определении наличия исключительных обстоятельств как основания для применения обозначенного правила. Споры обусловлены тем, что термин «исключительные обстоятельства» является оценочной категорией. Вместе с тем еще в советское время высший судебный орган страны при рассмотрении конкретного дела дал разъяснение, что исключительные обстоятельства «определяются исходя не из общей характеристики степени общественной опасности деяния, а с учетом конкретных обстоятельств, специфичных для данного дела и являющихся в каждом конкретном случае предметом индивидуальной оценки»*.

* Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 02.02.1978 по делу А. и Д. // Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР. 1971–1979. М., 1981. С. 213.

В современной уголовно-правовой доктрине практически единодушно признано, что «в законе не названы смягчающие обстоятельства, которые бы изначально относились к разряду исключительных. Признание обстоятельства исключительным относится к компетенции суда» [6, с. 103]. Немало исследователей стремились отыскать ответ на вопрос о том, какие обстоятельства признаются исключительными, но пока он остается открытым.

Между тем наиболее удачное объяснение тому, почему специалистам не удается внятно определить критерии применения правила о назначении более мягкого наказания, чем это предусмотрено за конкретное преступление, дает Д. С. Дядькин: конструкция нормы, представленной в ч. 1 ст. 64 УК РФ, содержит внутренние противоречия. Глубокий научный анализ этой правовой нормы позволил ученому сделать вывод о том, что «в качестве исключительного обстоятельства может выступать: 1) любое смягчающее наказание обстоятельство, характеризующее общественную опасность преступления; 2) единственное обстоятельство, характеризующее общественную опасность личности виновного, – активное способствование раскрытию преступления, изобличению других соучастников группового преступления» [7, с. 306–307]. Обращаясь к положению ч. 2 ст. 64 УК РФ, согласно которому исключительными могут быть признаны как отдельные смягчающие обстоятельства, так и их совокупность, автор утверждает: «В этом случае законодатель не делает никаких различий между смягчающими обстоятельствами, характеризующими общественную опасность преступления и общественную опасность личности виновного. Более того, специально отмечено, что исключительным обстоятельством может быть признана совокупность смягчающих обстоятельств, причем, опять же, подобная совокупность может состоять из обстоятельств, оказывающих влияние на общественную опасность как преступления, так и личности виновного» [8].

В свое время М. Н. Становский пришел к выводу, что «исключительными обстоятельствами следует считать сочетание любых обстоятельств, в том числе и смягчающих, которые в совокупности свидетельствуют о значительно меньшей степени общественной опасности личности виновного и совершенного им преступления по сравнению с другими случаями совершения преступления этого вида» [9, с. 278]. И эта позиция относительно критериев применения правила о назначении более мягкого наказания, чем это предусмотрено за конкретное преступление, признается уголовно-правовой доктриной и большинством специалистов.

Назначение наказания в порядке ст. 64 УК РФ допускается при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами совершенного деяния, с ролью виновного в преступлении, с его поведением как в ходе, так и после совершения преступления, а также с иными факторами. Аналогичное смягчение возможно и в случае, когда участник группового преступления активно оказывает содействие раскрытию этого преступления.

Важно, чтобы признаваемые исключительными цели и мотивы виновного лица не носили злонамеренного или корыстного характера; они должны свидетельствовать о том, что преступление было совершено вследствие обстоятельств, которые уголовный закон признает основанием для смягчения ответственности, например, лицо действовало в силу серьезного душевного потрясения и т. п.

На протяжении многих лет при назначении наказания по ст. 64 УК РФ суды оценивают все смягчающие обстоятельства как исключительные, независимо от того, предусмотрены ли они законом, связаны ли они с правонарушением или личностью виновного. Например, при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, кассационные инстанции Верховного Суда РФ соглашались с мнением судов нижестоящих инстанций, которые признали исключительными такие смягчающие обстоятельства, как «наличие у осужденных малолетних детей, положительные характеристики, состояние здоровья, добровольное возмещение имущественного и морального ущерба, причиненных

потерпевшему, раскаяние в содеянном, осуществление общественно полезной деятельности, совершение пожертвований в благотворительных целях»*, «активное содействие подсудимым раскрытию и расследованию преступления, положительные данные о личности и раскаяние»**.

И еще один момент, на котором хотелось бы остановиться, исследуя исключительные обстоятельства в контексте ст. 64 УК РФ.

В судебной практике в связи с внесением изменений в УК РФ федеральными законами, улучшающими положение осужденных, возникают трудности при пересмотре приговоров в порядке ст. 10 УК РФ (обратная сила уголовного закона), связанные с назначением либо со смягчением наказания. При этом положения ст. 64 УК РФ стали таким универсальным средством, применяя которое, суды фактически и при отсутствии перечисленных в указанной статье связанных с личностью и поведением виновного, а также с обстоятельствами преступления оснований получили возможность назначить виновному соответствующее требованиям уголовного закона, принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и общим началам (ст. 60 УК РФ) наказание.

Согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ, наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, 231 и ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ к преступлениям небольшой тяжести следует относить умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы.

Однако, когда в 2011 г. вносились эти изменения в уголовный закон***, законодатель не учел, что по ряду преступлений категории небольшой тяжести санкциями статей предусмотрены такие альтернативные наказания, которые, согласно требованиям уголовного закона (ч. 1 ст. 73 УК РФ), невозможно назначить условно. К таким посягательствам относятся, например, преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 119 УК РФ, в санкции которой названы альтернативные наказания в виде обязательных работ, ограничения свободы, принудительных работ, ареста и лишения свободы; ч. 1 ст. 112 УК РФ, по которой можно назначить наказание в виде ограничения свободы, принудительных работ, ареста или лишения свободы и др. Пересматривая с учетом положений об обратной силе уголовного закона (ст. 10 УК РФ) ранее постановленные приговоры, по которым виновные были осуждены за совершение преступлений небольшой тяжести к наказанию в виде лишения свободы условно, суды были поставлены в ситуацию, когда никакой другой вид наказания, предусмотренный санкцией статьи, не может быть назначен с применением ст. 73 УК РФ, то есть условно.

Выходом из сложившейся ситуации для правоприменителя стала статья 64 УК РФ. Между тем, исходя из положений уголовного закона (ст. 64 УК РФ), исключительные обстоятельства должны быть связаны либо с личностью и поведением виновного, либо с обстоятельствами преступления и существенно уменьшать степень общественной опасности преступления. При этом, хотя при постановлении приговора и назначении наказания суд и не находил обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, и оснований к применению положений ст. 64 УК РФ, исключительным при последующем пересмотре приговора с учетом положений ст. 10 УК РФ признавалось судом

* Определение суда кассационной инстанции Верховного Суда РФ от 03.07.2025 по делу № 11-УД25-13-А4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Определение суда кассационной инстанции Верховного Суда РФ от 12.09.2024 по делу № 49-УД24-19-А4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ.

именно то обстоятельство, что ни один из видов наказания, предусмотренный санкцией статьи, кроме лишения свободы, не мог быть назначен осужденному условно.

Так, изменяя приговор районного суда и постановление Президиума в отношении А., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ назначила осужденному по ч. 1 ст. 119 УК РФ наказание с применением ст. 64 УК РФ в виде 1 года исправительных работ с удержанием 10 % заработка в доход государства условно с испытательным сроком 1 год. Мотивом принятого решения стало то обстоятельство, что имеющиеся в санкции ч. 1 ст. 119 УК РФ виды наказания ухудшают положение осужденного и не предусматривают применения условного наказания*.

Такие же решения были приняты еще по ряду уголовных дел, в том числе и по тем, где виновные были осуждены за преступления, ранее относившиеся к категории средней тяжести, а в связи с изменениями, внесенными в Уголовный кодекс РФ, тяжесть указанных преступлений стала небольшой.

Например, по делу Б., осужденной районным судом по ч. 1 ст. 290 УК РФ в редакции 2003 г. к наказанию в виде лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу, с учетом положений ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона, улучшающей положение осужденной, о необходимости квалификации содеянного Б. по ч. 1 ст. 290 УК РФ в редакции Федерального закона № 97-ФЗ от 4 мая 2011 г. и возможности исправления виновной без реального отбывания наказания, в связи с этим учла совершение преступления впервые, удовлетворительную характеристику, возраст осужденной, признав данные обстоятельства смягчающими наказание, а их совокупность – исключительными обстоятельствами, и назначила наказание с применением ст. 64 УК РФ в виде исправительных работ с ежемесячным удержанием процентов из заработка с применением положений ст. 73 УК РФ – условно. При этом было указано на то, что предыдущими судебными инстанциями не были приняты во внимание изменения, внесенные в уголовный закон, согласно которым содеянное Б. относится к категории преступлений небольшой тяжести (ст. 15 УК РФ), по которым не допускается возможность назначения наказания в виде лишения свободы лицам, впервые совершившим такие преступления при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств (ст. 56 УК РФ)**.

Аналогичная ситуация сложилась и при пересмотре в надзорном порядке Верховным Судом РФ судебных решений в отношении Н., осужденного районным судом по ч. 1 ст. 112 УК РФ к 9 месяцам лишения свободы. Суд надзорной инстанции отметил, что Н. признан виновным в совершении преступления небольшой тяжести впервые, отягчающих обстоятельств судом не установлено. Санкция ч. 1 ст. 112 УК РФ предусматривает альтернативные лишению свободы виды наказания. Между тем, с учетом того, что ни одно из наказаний, предусмотренных санкцией ч. 1 ст. 112 УК РФ, не может быть применимо к Н., Судебная коллегия нашла данное обстоятельство исключительным и признала необходимым при назначении наказания применить положения ст. 64 УК РФ, назначив Н. наказание в виде исправительных работ***.

Правильность таких выводов Суда относительно применения положений ст. 64 УК РФ при названных обстоятельствах подтверждается и высказыванием профессора Е. В. Благова о том, что «специфику обстоятельств, учитываемых при применении ст. 64 УК, РФ следует связывать с отраженными в ней особенностями назначения наказания. Исключительными соответствующие обстоятельства, скорее всего, должны считаться только вследствие того, что

* Надзорное определение Верховного Суда РФ от 28.02.2013 № 11-Д13-5 по делу А. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Надзорное определение Верховного Суда РФ от 12.12.2012 № 37-Д12-30 по делу Б. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Надзорное определение Верховного Суда РФ от 28.02.2013 № 34-Д12-12 по делу Н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

они являются основанием для назначения наказания не в пределах санкции статьи Особенной части уголовного законодательства, как требует ст. 60 УК РФ, а более мягкого, чем предусмотрено за данное преступление [10, с. 60].

В связи с изложенными проблемами, возникающими при применении положений ст. 64 УК РФ при назначении и смягчении наказания осужденным, в том числе и с учетом положений ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона, полагаем целесообразным:

- на законодательном уровне конкретизировать правила назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за данное преступление, а также сформулировать дефиницию «исключительное обстоятельство» и, возможно, перечень исключительных обстоятельств;
- привести в соответствие между собой положения ст. 15 (категории преступлений) и 56 (лишение свободы на определенный срок) УК РФ с санкциями статей его Особенной части, что будет способствовать соблюдению судами общих начал назначения наказания и единообразию судебной практики.

Список источников

1. Дядькин Д. С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
2. Сундуrowa O. Ф. Усиление уголовного наказания: вопросы дифференциации и индивидуализации: моногр. Тольятти: Волжский ун-т им. В. Н. Татищева, 2006.
3. Мингалимова М. Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств: моногр. М.: Юрлитинформ, 2021.
4. Полный курс уголовного права: в 5 т. / А. И. Бойцов [и др.]; под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. Автор главы – Л. Л. Кругликов.
5. Затеппин О. К. Назначение наказания: новые разъяснения Пленума Верховного Суда // Уголовный процесс. 2019. № 6 (174).
6. Мингалимова М. Ф. Указ. соч.
7. Дядькин Д. С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания: моногр. М.: Спутник+, 2016.
8. Там же.
9. Становский М. Н. Назначение наказания. СПб.: Юрид. центр Пресс, 1999.
10. Благов Е. В. Об обстоятельствах, учитываемых при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 5.

Информация об авторах

Т. Б. Басова – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии;

Ю. И. Кулешов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева.

Information about the authors

T. B. Basova – Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology;

Yu. I. Kuleshov – Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice; professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern Branch of the V. M. Lebedev Russian State University of Justice.

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; принята к публикации 20.11.2025.

The article was submitted 14.11.2025; accepted for publication 20.11.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 19–23.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 19–23.

Научная статья
УДК 343.3/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: АНАЛИЗ СТАТЬИ 272¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ильдар Рустамович Бегишев¹, Николай Николаевич Рыбушкин²

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

¹ begishev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

² nikolay.rebushkin@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4878-724X>

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному анализу ст. 272¹ УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконные операции с персональными данными. В условиях цифровизации общественных отношений и массового использования информационных технологий защита персональных данных приобретает особую актуальность. Авторы исследуют уголовно-правовую природу данного состава преступления, анализируют его объективные и субъективные признаки, рассматривают систему квалифицирующих обстоятельств. Особое внимание уделяется проблемам разграничения с административными правонарушениями и смежными составами преступлений; критически оценивается законодательная техника конструирования нормы, выявляются пробелы и коллизии уголовно-правового регулирования; формулируются предложения по совершенствованию уголовно-правовых механизмов защиты персональных данных в контексте современных вызовов информационной безопасности.

Ключевые слова: персональные данные, информационная безопасность, компьютерная информация, неправомерный доступ, трансграничная передача данных, биометрические персональные данные, киберпреступность, информационные технологии

Для цитирования: Бегишев И. Р., Рыбушкин Н. Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против безопасности персональных данных: анализ статьи 272¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 19–23.

Original article

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST PERSONAL DATA SECURITY: ANALYSIS OF ARTICLE 272¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ildar R. Begishev¹, Nikolay N. Rybushkin²

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

² Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

¹ begishev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

² i_naughty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4878-724X>

© Бегишев И. Р., Рыбушкин Н. Н., 2025

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of Article 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for illegal transactions with personal data. In the context of digitalization of public relations and mass use of information technologies, personal data protection is becoming particularly relevant. The authors examine the criminal-legal nature of this corpus delicti, analyze its objective and subjective features, and consider a system of qualifying circumstances. Special attention is paid to the problems of distinguishing between administrative offenses and related crimes. The paper critically evaluates the legislative technique of norm construction, identifies gaps and conflicts of criminal law regulation. The authors formulate proposals for improving criminal law mechanisms for personal data protection in the context of modern information security challenges.

Keywords: personal data, information security, computer information, unauthorized access, cross-border data transfer, biometric personal data, cybercrime, information technology

For citation: Begishev I. R., Rybushkin N. N. Criminal and Legal characteristics of Crimes against Personal data Security: Analysis of Article 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 19–23.

Развитие информационного общества и глобальная цифровизация социально-экономических процессов обусловили необходимость формирования соответствующих правовых механизмов защиты персональных данных граждан. В этом контексте введение в Уголовный кодекс Российской Федерации* ст. 272¹ «Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения», устанавливающей ответственность за незаконные операции с персональными данными, представляется закономерным шагом законодателя, направленным на обеспечение информационной безопасности личности.

Данная норма отражает стремление российского законодателя к гармонизации национального законодательства с международными стандартами защиты персональных данных, в частности, с положениями Общего Регламента по защите данных Европейского союза [1]. Статья 272¹ УК РФ занимает особое место в системе норм о преступлениях в сфере компьютерной информации, поскольку специально направлена на охрану персональных данных как особого вида информации, имеющей повышенную социальную ценность.

Актуальность исследования данной нормы обусловлена не только ее новизной, но и сложностью уголовно-правовой конструкции, множественностью охватываемых деяний, а также возможными значительными проблемами правоприменения, связанными с неопределенностью ряда оценочных понятий и недостаточной разработанностью судебной практики. Мы солидарны с мнением И. О. Копенкина, полагающего, что защита персональных данных, а именно недостаточная степень ответственности за нарушение конфиденциальности персональных данных, является слабым местом российской уголовно-правовой системы [2].

Статья 272¹ УК РФ устанавливает ответственность за сложный комплекс деяний, связанных с незаконным обращением персональных данных. Родовым объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок. Видовой объект составляют отношения в сфере безопасности компьютерной информации, а непосредственный объект представлен отношениями по обеспечению безопасности персональных данных как особого вида компьютерной информации.

Особенностью конструкции ст. 272¹ УК РФ является ее бланкетный характер, предполагающий необходимость обращения к нормативным актам, регулирующим оборот персо-

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7412.

нальных данных, прежде всего к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Это обстоятельство создает определенные трудности в правоприменении, поскольку требует от правоохранительных органов глубокого понимания специального законодательства в области информационных технологий.

Предметом преступления выступает компьютерная информация, содержащая персональные данные. При этом законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от категории персональных данных, выделяя обычные персональные данные (ч. 1), персональные данные несовершеннолетних, специальные категории персональных данных и биометрические персональные данные (ч. 2). Такая градация отражает различную степень общественной опасности посягательств на различные виды персональной информации.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, характеризуется альтернативным составом действий, включающих использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные. Законодатель использует широкий понятийный аппарат, раскрывая содержание термина «передача» через указание на распространение, предоставление и обеспечение доступа к информации.

Принципиальным элементом объективной стороны является способ получения персональных данных. Уголовная ответственность наступает только в случае, если информация была получена путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным незаконным путем. Данное требование служит важным критерием, отграничивающим уголовно наказуемые деяния от административных правонарушений.

Особый интерес представляет анализ понятия «неправомерный доступ» сквозь призму ст. 272¹ УК РФ. В отличие от ст. 272 УК РФ, где неправомерный доступ является самостоятельным составом преступления, в рассматриваемой норме он выступает в качестве способа совершения преступления. Это создает определенные проблемы квалификации при совокупности преступлений.

Формулировка «иным незаконным путем» представляется излишне широкой и может порождать проблемы с принципом определенности уголовного закона. На наш взгляд, данная формулировка требует более четкого нормативного определения или судебного толкования для обеспечения единообразного понимания границ криминализации.

Часть 6 ст. 272¹ УК РФ выделяет в качестве самостоятельного состава создание и обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для незаконного оборота персональных данных [3]. Данная норма направлена на противодействие созданию технической инфраструктуры для совершения преступлений с персональными данными и отражает превентивный подход законодателя к борьбе с киберпреступностью.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо должно осознавать незаконный характер своих действий с персональными данными и желать их совершения. Особого внимания заслуживает вопрос о необходимости осознания виновным факта получения персональных данных незаконным путем [4]. На наш взгляд, для квалификации по ст. 272¹ УК РФ необходимо, чтобы лицо знало или допускало, что обрабатываемые им персональные данные были получены незаконным способом.

В ч. 6 рассматриваемой статьи законодатель прямо указывает на признак заведомости при создании информационных ресурсов для незаконного оборота персональных данных. Это требование существенно повышает порог доказывания умысла и служит дополнительной гарантией против необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Специальный субъект предусмотрен в квалифицирующем признаке «использование служебного положения», что требует наличия у виновного соответствующих полномочий в сфере обработки персональных данных.

Система квалифицирующих признаков ст. 272¹ УК РФ построена по принципу прогрессивного усиления ответственности в зависимости от способа совершения преступления, его последствий и характеристик субъекта.

Часть 3 ст. 272¹ УК РФ содержит квалифицирующие признаки, отражающие повышенную общественную опасность деяния: корыстная заинтересованность, причинение крупного ущерба, совершение группой лиц по предварительному сговору и использование служебного положения. Признак корыстной заинтересованности следует понимать шире, чем просто получение материальной выгоды, включая в него стремление к избежанию материальных затрат.

Особо квалифицирующие признаки (ч. 4 и 5) включают трансграничную передачу персональных данных, наступление тяжких последствий и совершение преступления организованной группой. Выделение трансграничной передачи [5] в качестве особо квалифицирующего признака отражает озабоченность законодателя проблемой утечки персональных данных российских граждан за рубеж и соответствует тенденциям обеспечения цифрового суверенитета.

Понятие «тяжкие последствия» не раскрывается в законе и представляет собой оценочную категорию, что может создавать проблемы в правоприменении. Представляется необходимым развитие судебной практики для выработки критериев отнесения последствий к категории тяжких.

Важной проблемой правоприменения является отграничение преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, от административных правонарушений в области защиты информации (ст. 13.11 «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных», ст. 13.12 «Нарушение правил защиты информации» КоАП РФ) и смежных составов преступлений.

От административных правонарушений данное преступление отличается прежде всего способом получения персональных данных. Административная ответственность предусмотрена за нарушения в области обработки персональных данных при их законном получении, тогда как уголовная ответственность наступает только при условии незаконного получения данных.

Разграничение со ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» требует особого внимания к предмету преступления. Если при неправомерном доступе предметом может быть любая компьютерная информация, то статья 272¹ УК РФ специально направлена на защиту персональных данных. При совершении неправомерного доступа с целью последующих незаконных операций с персональными данными возникает вопрос о квалификации по совокупности преступлений.

Отграничение от мошенничества (ст. 159 УК РФ) проводится по направленности умысла: если целью незаконных операций с персональными данными является хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, содеянное должно квалифицироваться как мошенничество.

На наш взгляд, практика применения ст. 272¹ УК РФ выявляет ряд системных проблем, требующих законодательного и правоприменительного решения.

Во-первых, недостаточная определенность ряда понятий, используемых в диспозиции статьи, создает трудности в квалификации. Термины «иным незаконным путем», «тяжкие последствия», «крупный ущерб» требуют либо законодательного уточнения, либо развернутого судебного толкования.

Во-вторых, сложность доказывания умысла на незаконное получение персональных данных создает препятствия для эффективного применения нормы. Особенно это касается случаев, когда между моментом получения данных и их незаконным использованием проходит значительное время.

В-третьих, отсутствие четких критериев разграничения уголовной и административной ответственности может приводить к неправильной квалификации деяний. Необходима

выработка единых подходов к оценке общественной опасности нарушений в области обработки персональных данных.

Эти проблемы требуют комплексного подхода к совершенствованию уголовно-правового регулирования, чтобы обеспечить последовательность и предсказуемость правоприменительной практики в условиях быстро развивающихся цифровых технологий.

Развитие цифровых технологий [6], в том числе искусственного интеллекта и больших данных, ставит новые вызовы перед системой уголовно-правовой защиты персональных данных. По нашему мнению, перспективными направлениями совершенствования законодательства являются:

1) уточнение понятийного аппарата и критериев разграничения уголовной и административной ответственности;

2) создание специальных норм об ответственности за незаконные операции с биометрическими персональными данными и данными, получаемыми с использованием технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, можно заключить, что статья 272¹ УК РФ представляет собой важный инструмент уголовно-правовой защиты персональных данных в условиях цифровизации общественных отношений. Несмотря на определенные недостатки законодательной техники и возможные проблемы правоприменения, данная норма отражает соответствующую реакцию законодателя на современные вызовы информационной безопасности. Эффективность применения ст. 272¹ УК РФ в значительной степени будет зависеть от развития судебной практики, уточнения оценочных понятий и совершенствования механизмов доказывания по данной категории дел.

Список источников

1. Талапина Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 5. С. 117–150.
2. Копенкин И. О. Необходимость ужесточения уголовно-правовой ответственности защиты персональных данных в современных условиях // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева. 2024. № 1 (72). С. 152–154.
3. Шутова А. А. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот персональных данных // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2024. Т. 166, № 6. С. 122–134.
4. Жук О. Д. Об усилении уголовной ответственности за незаконный оборот персональных данных физических лиц, за неправомерный доступ к таким персональным данным, распространение и использование их в преступных целях // Законодательство. 2024. № 2. С. 58–62.
5. Бахтеев Д. В., Сосновикова А. М., Казенас Е. В. Преодоление нелегальной трансграничной передачи персональных данных // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 4. С. 943–972.
6. Денисович В. В., Кудряшов А. В., Перемолотова Л. Ю. Особенности применения современных цифровых технологий в сфере охраны персональных данных // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 100–106.

Информация об авторе

И. Р. Бегишев – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса;

Н. Н. Рыбушкин – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, доцент кафедры уголовного права.

Information about the author

I. R. Begishev – Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, professor of the Department of Criminal Law and Procedure

N. N. Rybushkin – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, associate professor of the Department of Criminal Law.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 02.06.2025; accepted for publication 02.06.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 24–30.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 24–30.

Научная статья

УДК 343.3/.7

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНА

Евгений Сергеевич Квасников

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск
evgen1219@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>

Аннотация. В статье исследуются проблемы практики применения ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» и дискуссионные вопросы возможной модернизации данной уголовно-правовой нормы. Проводится компаративный анализ регламентации необходимой обороны в уголовном законодательстве зарубежных стран. Приводится судебная статистика и судебная практика по применению ст. 37, 108, 114 УК РФ. На основе изучения судебной практики выявлены системные ошибки при квалификации деяний, совершенных в состоянии необходимой обороны. Установлены детерминанты, обуславливающие некорректное применение рассматриваемой нормы. Доказывается тезис о неэффективности законодательных изменений без устранения первопричин ошибок в квалификации, связанных с интерпретацией пределов допустимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, изменение закона, ошибки квалификации

Для цитирования: Квасников Е. С. Необходимая оборона в российском уголовном праве: вопросы целесообразности изменения закона // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 24–30.

Original article

NECESSARY DEFENSE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: ISSUES OF EXPEDIENCY OF CHANGING THE LAW

Evgeny S. Kvasnikov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk
evgen1219@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>

Abstract. The article examines the problems of the practice of applying Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation “Necessary defense” and controversial issues of possible modernization of this criminal law norm. A comparative analysis of the regulation of necessary defense in the criminal legislation of foreign countries is carried out. The article provides judicial statistics and judicial practice on the application of Articles 37, 108, 114 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the study of judicial practice, systemic errors have been identified in the qualification of acts committed in a state of necessary defense. The determinants that

determine the incorrect application of the norm in question have been established. The thesis is proved that legislative changes are ineffective without eliminating the root causes of errors in qualifications related to the interpretation of the limits of permissible defense.

Keywords: necessary defense, law change, qualification errors

For citation: Kvasnikov E. S. Necessary defense in russian criminal law: issues of expediency of changing the law // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 24–30.

Актуальность исследования необходимой обороны в рамках уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния, не вызывает сомнений: противоречивая судебная практика по применению ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона», нередкие случаи отмены обвинительных приговоров и прекращения уголовных дел за отсутствием состава преступления в отношении обороняющихся лиц, а также активный характер научной дискуссии по данной проблематике [1; 2]. Как отмечал А. Ф. Кони, закон о необходимой обороне вечен, поскольку основан на праве необходимости, он вытекает из человеческой природы [3]. Реализуя ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации относительно права каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, статья 37 УК РФ исключает уголовную ответственность за причинение вреда при обороне от общественно опасного посягательства.

Однако грань между дозволенной обороной, превышением ее пределов либо умышленным преступлением тонка. Судебная статистика по применению ст. 108 УК РФ «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», ст. 114 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», за предшествующие 5 лет выглядит следующим образом:

– в 2020 г. число осужденных по ч. 1 ст. 108 УК РФ составило 227 (оправдан – 1); по ч. 2 ст. 108 УК РФ осужденных не было; по ч. 1 ст. 114 УК РФ – осуждено 421 (оправдано – 2); по ч. 2 ст. 114 УК РФ осуждено 4;

– в 2021 г. число осужденных по ч. 1 ст. 108 УК РФ составило 248 (оправдан – 1); по ч. 2 ст. 108 УК РФ осужденных не было; по ч. 1 ст. 114 УК РФ – осуждено 412; по ч. 2 ст. 114 УК РФ осуждено 6;

– в 2022 г. число осужденных по ч. 1 ст. 108 УК РФ составило 214 (оправдано – 2); по ч. 2 ст. 108 УК РФ осужденных не было; по ч. 1 ст. 114 УК РФ – осуждено 416 (оправдано – 7); по ч. 2 ст. 114 УК РФ осуждено 10;

– в 2023 г. число осужденных по ч. 1 ст. 108 УК РФ составило 192 (оправдано – 3); по ч. 2 ст. 108 УК РФ – осуждено 2; по ч. 1 ст. 114 УК РФ – осуждено 345 (оправдано – 2); по ч. 2 ст. 114 УК РФ осуждено 3;

– в первом полугодии 2024 г. число осужденных по ч. 1 ст. 108 УК РФ составило 83 (оправдано – 7); по ч. 2 ст. 108 УК РФ осужденных не было; по ч. 1 ст. 114 УК РФ – осуждено 171 (оправдано – 2); по ч. 2 ст. 114 УК РФ осуждено 2*.

Таким образом, при количестве осужденных лиц 2756, число оправданных – 27. При этом, во-первых, оправдательные приговоры чаще выносят при освещении случаев обороны от общественно опасных посягательств в средствах массовой информации и широком общественном резонансе таких случаев [4]. В качестве примера можно привести историю Александра Краснова, оборонявшегося от нескольких десятков агрессивно настроенных людей, вооруженных цепями и арматурами. Обороняясь, Краснов применил оружие, в результате

* Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 10.04.2025).

чего смертельно ранил одного из нападавших и причинил легкое ранение другому нападавшему. Изначально в отношении Краснова было возбуждено уголовное дело по ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 30 ст. 105 УК РФ. Данное дело вызвало широкий общественный резонанс, и после обращений родственников Краснова в Следственный комитет Российской Федерации убийство и покушение на убийство было переквалифицировано на ст. 108 УК РФ «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны», затем Александр был вовсе оправдан – суд посчитал, что последний действовал в состоянии необходимой обороны*.

Во-вторых, точное количество случаев вынесения обвинительных/оправдательных приговоров по уголовным делам, где, так или иначе, действия подсудимых оценивались на предмет соответствия ст. 37, 38 УК РФ, остается неизвестным. Но учитывая высокие показатели уровня насильственной преступности в целом и рост семейно-бытового насилия [5], полагаем, что число таких приговоров вряд ли можно считать небольшим.

Границы необходимой обороны закреплены в законе, но в силу вариативности жизненных обстоятельств правоприменителю они кажутся порой размытыми. Об этом свидетельствует судебная практика по применению ст. 37 УК РФ, которая отличается случаями отмены судом высшей инстанции обвинительных приговоров судов низших инстанций. Так, например, Верховный Суд Российской Федерации прекратил уголовное дело в отношении В. по ее обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, за отсутствием в ее действиях состава преступления (апелляционным определением ее действия были переквалифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ). Верховный Суд РФ отметил, что в отношении В. со стороны потерпевшего Р. было применено насилие, опасное для жизни В., – нанесение ударов, в том числе по ее голове, удерживание и надавливание на горло, в результате чего В. начала задыхаться и терять сознание. Вырвавшись, она ударила Р. ножом. Верховный Суд РФ указал на ошибочность вывода судов о том, что в отношении В. применялось насилие, не опасное для жизни (данный вывод сделан с существенным нарушением положений ст. 37 УК РФ)**.

Аналогичное решение о прекращении уголовного дела в отношении обороняющегося М. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления принял Верховный Суд РФ, указывая на ошибочность выводов судов нижестоящих инстанций***.

Сколько именно вынесено обвинительных приговоров с ошибками в квалификации необходимой обороны, история умалчивает. Ведь не каждый осужденный готов проходить рутинный путь обжалования через все инстанции, вплоть до Верховного Суда.

Вместе с тем, как было отмечено, право необходимой обороны – право необходимости. Необходимость законодательной регламентации причинения «позитивного» вреда презюмируется, осознается и обществом, и государством. Однако в связи с несовершенством практики применения ст. 37 УК РФ, и представители уголовно-правовой доктрины, и законодатели инициируют внесение изменений/дополнений в рассматриваемую уголовно-правовую норму. Например, внесение дополнений в ст. 37 УК РФ о праве обороны при незаконном проникновении в жилище [6, с. 253; 7, с. 159]. В очередном законопроекте № 648716–8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» предлагается внести уточнение пределов необходимой обороны, дополнив ст. 37 УК РФ фактически специальной нормой, которая регулирует вопросы пределов необходимой обороны исключительно в пределах жилища обороняющегося. Ранее в Государственную Думу РФ не раз вносились законопроекты по изменению/дополнению ст. 37 УК РФ****. В названном законопроекте предлагается не считать превышением пределов необходимой обороны действия лица, которые направлены

* Интернет-сайты. URL: <https://www.ivanovonews.ru/reports/1289276/>; <https://cursiv.ru/news/2022/02/18/bastrykin-popravit-sosnovikova/> (дата обращения: 18.04.2025).

** Кассационное определение Верховного Суда РФ от 02.09.2021 по делу № 16-УД21–14-К4.

*** Кассационное определение Верховного Суда РФ от 05.09.2023 по делу № 25-УД23–12-К4.

**** Законопроекты: № 265537–6 от 23.04.2013, № 745275–6 от 17.03.2015, № 1106899–6 от 23.06.2016, № 122117–8 от 12.05.2022 и др.

на защиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для его жизни или жизни находящихся рядом с ним лиц, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, либо на защиту своего имущества при незаконном проникновении посягающего лица в его жилище. Таким образом, авторы законопроекта предлагают ввести в уголовный закон принцип «мой дом – моя крепость», который сейчас такого закрепления не имеет.

Следует отметить, что данный принцип нашел свое отражение в уголовном законодательстве зарубежных стран. Например, в уголовном законодательстве США распространена *castle doctrine* (доктрина крепости), в соответствии с которой владелец жилища имеет право его защищать любыми способами – осуществлять любые действия в отношении незаконно проникших в жилище лиц, включая причинение им смерти (*deadly force*) [8, с. 98]. Отдельные уголовно-правовые нормы, регламентирующие защиту неприкосновенности жилища в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния, содержатся в уголовном законодательстве Израиля (ст. 34 йод 1), Франции (п. 1 ст. 126–б) и ряда других государств [9]. В уголовном законодательстве Китая (ст. 20) и Испании (ст. 21) право на причинение вреда при самозащите личности включает право на причинение вреда при посягательстве на имущество.

Мы относимся к числу сторонников позиции, предполагающей расширение мер дозволенной обороны в жилище [10, 11]. Однако без искоренения причин порочной правоприменительной практики по квалификации необходимой обороны, регламентированной в нынешнем виде (ст. 37 УК РФ в ред. от 28.02.2025), считаем, что с принятием указанного законопроекта правоприменение в лучшую сторону кардинально не изменится, поэтому надо искать причины неправильного применения ст. 37 УК РФ. Анализ правоприменения позволил выявить несколько таких причин.

1. Требование правоприменителя неоправданно «идеального» соответствия между угрозой и способами защиты. Соответствие избранных способов защиты является одним из препятствий отграничения необходимой обороны от «беспредельной обороны» [12, с. 32].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19 (далее – ПП ВС № 19) прямо указано, что не могут влечь уголовную ответственность действия обороняющегося, если нападавшему вред причинен несоразмерно больший по сравнению с характером и опасностью посягательства, когда посягательство было неожиданным и обороняющийся не мог объективно оценить степень опасности. Состояние душевного волнения, вызванное посягательством, не может не учитываться.

В «Обзоре судебной практики ВС РФ за 2019 г.» отмечается, что «суды нижестоящих инстанций нередко подходят формально к оценке соразмерности защиты, требуя буквально соответствия между способами посягательства и защиты»*. В обзоре также приводятся примеры отмены приговоров, где суды требовали «симметричного» ответа посягательству (например, запрет применять оружие против безоружного, но агрессивного нападавшего). Сложившаяся судебная практика часто впадает в крайность, требуя от обороняющегося невозможного – хладнокровного расчета в условиях стресса. Отсюда большинство отмененных обвинительных приговоров по ст. 108 УК РФ связано именно с неправильной оценкой соразмерности. ВС РФ последовательно исправляет эту практику, но проблема сохраняется на уровне нижестоящих судов.

Как представляется, требование точного соответствия средств защиты и нападения противоречит самой природе необходимой обороны. Определить строгие параметры способов защиты, даже в зависимости от общественной опасности посягательства, очень сложно,

* Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а порой невозможно. Уголовный закон не требует точной соразмерности защиты и посягательства – в законе речь идет о явном несоответствии средств защиты. «Явное» – это совершенно очевидное, открытое, видимое*. Поэтому требовать от обороняющегося выбора минимально достаточных средств защиты в условиях стресса недопустимо.

2. Из предыдущей причины непосредственно вытекает следующая – обвинительный уклон правоприменителя относительно оценки действий обороняющегося лица. Обороняющийся находится в заведомо невыгодном положении. По ошибочным случаям квалификации можно судить о том, что от обороняющегося требуется невозможный уровень соразмерности причинения вреда. Данная проблема стала настолько распространена, что в 2022 г. были приняты дополнения в ПП ВС № 19, напоминающие правоприменителю об обязанности суда исходить из принципа презумпции невиновности обороняющегося (п. 13). Тем не менее, даже спустя два года после принятия указанных дополнений, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции, отменяя апелляционное определение Иркутского областного суда, оставившее без изменения приговор в отношении Д., в части ее осуждения по ч. 4 ст. 111 УК РФ**, указал: «... мотивируя отсутствие со стороны ФИОб общественно опасного посягательства в отношении Д., суд указал, что Д. самостоятельно приняла решение о том, чтобы пройти в балок, вмешаться в конфликт между ФИОб и ФИО10, имея реальную возможность избежать этого... При проверке доводов подсудимого о совершении общественно опасного деяния в состоянии необходимой обороны суд обязан исходить из принципа презумпции невиновности, в том числе учитывать, что подсудимый не обязан доказывать свою невиновность... Утверждение как суда первой инстанции, так и апелляционной инстанции о том, что Д. имела реальную возможность не заходить в балок, позвать на помощь других работников, проживающих в соседних вагончиках, противоречит требованиям уголовного закона о праве на самооборону от преступного посягательства»***.

Таким образом, несмотря на дополненные в 2022 г. разъяснения в ПП ВС № 19, в настоящий момент судебная практика по применению ст. 37 УК РФ продолжает характеризоваться обвинительным уклоном относительно квалификации действий обороняющегося.

3. При квалификации правоприменитель анализирует ситуацию, связанную с посягательством, с позиции «холодной логики» – рационально и целесообразно ли действовал обороняющийся или нет. В связи с этим в квалификации есть доля субъективистского восприятия правоприменителем обстоятельств ситуации, и оно противоречит восприятию обороняющегося лица в момент нападения. Так, например, можно представить восприятие обороняющегося в скоротечной ситуации беспричинного нападения на него с острым предметом, в темном ограниченном пространстве. В данной ситуации обороняющийся причинил посягающему смерть. Вот только квалификация действий обороняющегося прошла целых три этапа: умышленное убийство; убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны; отсутствие в деянии состава преступления, поскольку имела место необходимая оборона****.

Очевидно, что, когда на кону стоит жизнь обороняющегося, проявление инстинкта самосохранения – совершенно нормальное явление. Однако далеко не всегда, обороняясь, возможно действовать логично, рационально и целесообразно. На этот случай в ст. 37 УК РФ закреплена часть 2¹, в которой говорится как раз о необходимости учитывать субъективное

* Толковый словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (дата обращения: 13.04.2025).

** Апелляционное определение Иркутского областного суда от 08.04.2024 по делу № 22–1156/2024. URL: https://oblsud-irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=62917742&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 22.04.2025).

*** Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.11.2024 по делу № 77–4415/2024. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=31581356&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 22.04.2025).

**** Официальный сайт Иркутского областного суда. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=445 (дата обращения: 10.05.2024).

восприятие обстоятельств нападения именно обороняющимся (не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения).

4. Ошибки при квалификации деяния в целом, не связанные с предыдущими тремя причинами. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ, при защите от реального посягательства с применением насилия, опасного для жизни, обороняющееся лицо вправе причинить любой вред. То есть в данном случае, если такое посягательство действительное и наличное, превысить пределы необходимой обороны нельзя. Выдержка из обвинительного приговора: «... ФИО2 накинулась на ФИО15 с ножом, с целью нанести последней удар ножом... совершила посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося. В связи с этим у ФИО15 возникло право на активную защиту от преступных действий ФИО2, однако она прибегла к ней способом, явно не соответствующим характеру и степени общественной опасности посягательства, то есть предприняла такие защитные действия, которые превысили пределы необходимой обороны, а именно ФИО15... после того, как выхватила из руки ФИО2 нож, опасаясь, что ФИО2 продолжит совершать в отношении нее противоправные действия... нанесла ФИО2 не менее девятнадцати ударов ножом в грудную клетку, шею, подключичную область, плечо и руку, при этом имея возможность пресечь противоправные действия ФИО2 иным, менее опасным способом, избрав неоправданно суровые, заведомо для нее излишние средства защиты, то есть применила защиту, не соответствующую характеру и опасности посягательства на нее со стороны ФИО2 и, превышая пределы необходимой обороны, осознавая, что она может причинить вред здоровью ФИО2, который не был необходим для предотвращения возможности совершения ФИО2 указанных выше действий»*. ФИО15 была осуждена по ч. 1 ст. 108 УК РФ.

То есть, суд изначально признает, что имело место реальное посягательство с применением насилия, опасного для жизни. Затем констатирует, что ФИО15 выбрала способ защиты, не соответствующий характеру и опасности посягательства. На наш взгляд, в данной ситуации действия ФИО15 нужно было оценивать с позиции наличности посягательства. Пределы ч. 1 ст. 37 УК РФ нарушить нельзя при условии реальности и наличности посягательства. В противном случае действия ФИО15 должны быть квалифицированы по ст. 105 УК РФ, а не по 108 УК РФ.

Таким образом, причины неправильного применения ст. 37 УК РФ заключаются, во-первых, в требованиях правоприменителя неоправданно «идеального» соответствия между угрозой и способами защиты; во-вторых, в обвинительном уклоне правоприменителя относительно оценки действий обороняющегося лица; в-третьих, в субъективистском восприятии правоприменителем обстоятельств ситуации, а не с позиции обороняющегося; в-четвертых, в ошибочной квалификации в целом.

Резюмируя изложенное, полагаем, что содержание ст. 37 УК РФ самодостаточно. Страдает только правоприменение. Необходимости вносить изменения в ст. 37 нет, поскольку изначально не направив в нужное русло правоприменительную практику, и с принятыми изменениями (дополнениями) в регламентацию необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния, применение ст. 37 УК РФ будет страдать. Также есть основания полагать, что возрастет злоупотребление правом на необходимую оборону. Ведь еще без принятых изменений в практике встречаются случаи такого злоупотребления**.

* Приговор Николаевского-на-Амуре городского суда (Хабаровский край) от 06.07.2020 по делу № 1-81/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xFlu9MK9SnY3/> (дата обращения: 16.04.2025).

** См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 05.12.2024 по делу № 6-УД24-14-А5. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2430006 (дата обращения: 13.04.2025).

Для нормального функционирования ст. 37 УК РФ необходимо устранить первопричины ошибок в квалификации, связанных с интерпретацией пределов допустимой обороны: оценивать субъективистское восприятие обстоятельств нападения обороняющимся, а не с позиции «холодной» логики; не требовать от действий обороняющегося лица неоправданно «идеального» соответствия между угрозой и способами защиты; исключить обвинительный уклон в оценке действий обороняющегося.

Список источников

1. Журавлёва И. А., Власов Ю. А., Юсова Ю. С., Николаев К. Д. Юридическая оценка необходимой обороны по уголовному законодательству РФ: теория и практика // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 1А. С. 326–338.
2. Власов Ю. А. Рассмотрение уголовных дел, содержащих признаки необходимой обороны, с участием присяжных заседателей // Российский судья. 2021. № 2. С. 17–23.
3. Щеглов А. Ф., Мальков Б. Н. «Секрет» нравственного долголетия А. Ф. Кони // Российское правосудие. 2015. № 4. С. 87–93.
4. Никонорова Ю. В., Акимов П. А. Проблемы правоприменения в уголовных делах по необходимой обороне в России: анализ обвинительной тенденции и недостаточного учета судебных решений высших инстанций // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 1. С. 31–37.
5. Мосиенко Т. А., Меркулов М. М. Актуальные проблемы семейно-бытового насилия в России и странах СНГ // Гармонизация национальных правовых систем в условиях современного развития Евразийского экономического союза: сб. науч. статей по материалам XVII междунар. науч.-практ. конф. (Ростов н/Д, 8–10 сентября 2022 г.) / под ред. А. Н. Позднышова, И. В. Рукавишниковой, Р. Г. Непранова. Ростов н/Д: Ростовский гос. экономический ун-т «РИНХ», 2023. С. 262–269.
6. Замалеева С. В. Необходимая оборона лица от посягательства при незаконном проникновении в жилище // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 252–253.
7. Филиппов П. М., Ковалева О. А. Соотношение принципа неприкосновенности жилища по законодательству России и доктрины необходимой обороны в соответствии с уголовным правом США // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 153–161.
8. Васильева О. И. Конституционное право граждан на самозащиту жилища от неправомерного посягательства: к вопросу о совершенствовании правового регулирования // Юридическая мысль. 2017. № 1(99). С. 95–99.
9. Классен А. Н., Якуньков М. А. Зарубежное законодательство о необходимой обороне // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2007. № 4 (76). С. 73–77.
10. Лукки Е. В. Право на необходимую оборону при посягательствах на членов семьи, находящихся в жилище // Проблемы права. 2018. № 3. С. 95–100.
11. Меркурьев В. В., Новиков А. В., Тараканов И. А., Слабкая Д. Н. Защита от общественно опасных посягательств, сопряженных с нарушением неприкосновенности жилища: особенности правовой оценки условий необходимой обороны // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 2А. С. 402–414.
12. Коваленко К. О. Проблемы определения соответствия мер защиты характеру и опасности посягательства при необходимой обороне // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2 С. 30–34.

Информация об авторе

Е. С. Квасников – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права.

Information about the author

E. S. Kvasnikov – kandidat nauk, degree in Law, senior lecturer of the Department of Criminal Law.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 21.06.2025; принята к публикации 21.06.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 21.06.2025; accepted for publication 21.06.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 31–36.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 31–36.

Научная статья
УДК 343.3/.7

СОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ЧАСТЬ 1 СТАТЬИ 205¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ): ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Татьяна Павловна Деревянская¹, Ольга Михайловна Шаганова²

¹ Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

¹ yurkina-tanya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7379-2857>

² olga.shaganova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены некоторые вопросы квалификации содействия террористической деятельности по объективной стороне. Основная проблема заключается в отсутствии законодательного толкования признаков деяния, что порождает неоднозначность их понимания в уголовно-правовой доктрине. Особые трудности вызывает разграничение таких форм противоправной деятельности, как склонение, вербовка и иное вовлечение лица в террористическую деятельность. Сложившаяся правовая неопределенность негативно сказывается на единообразии судебной практики и создает риски нарушения принципов законности и справедливости при привлечении виновных к уголовной ответственности. В связи с этим особую актуальность приобретает разработка названных юридических дефиниций, которые бы однозначно определяли содержание объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205¹ УК РФ.

Ключевые слова: квалификация, терроризм, преступления террористической направленности, содействие террористической деятельности, склонение, вербовка, иное вовлечение

Для цитирования: Деревянская Т. П., Шаганова О. М. Содействие террористической деятельности (часть 1 статьи 205¹ Уголовного кодекса Российской Федерации): отдельные вопросы квалификации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 31–36.

Original article

ASSISTANCE TO TERRORIST ACTIVITIES (ARTICLE 205¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): CERTAIN ISSUES QUALIFICATIONS

Tatiana P. Derevianskaia¹, Olga M. Shaganova²

¹ Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul

¹ yurkina-tanya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7379-2857>

² olga.shaganova@yandex.ru

Abstract. The article presents some questions of the qualification of assistance to terrorist activities on the objective side. The main problem is the lack of a legislative interpretation of the signs of the act, which creates ambiguity in their understanding in the criminal law doctrine. Distinguishing between such forms of illegal activity as persuasion, recruitment and other involvement of a person in terrorist activities is particularly difficult. The current legal uncertainty negatively affects the uniformity of judicial practice and creates risks of violating the principles of legality and justice when bringing perpetrators to criminal responsibility. In this regard, the development of these legal definitions is particularly relevant, which would unambiguously determine the content of the objective side of the corpus delicti provided for in Part 1 of Article 205¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: qualification, terrorism, crimes of a terrorist nature, assistance to terrorist activities, persuasion, recruitment, other involvement

For citation: Derevianskaia T. P., Shaganova O. M. Assistance to terrorist activities (article 205¹ of the Criminal code of the Russian Federation): certain issues qualifications // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4(73): 31–36.

Квалификация содействия террористической деятельности (ч. 1 ст. 205¹ УК РФ) представляет собой сложную и многоаспектную проблему, поскольку размытость границ между пониманием пособничества, подстрекательства и, собственно, участия в террористическом акте обуславливает значительные трудности при привлечении виновных лиц к ответственности.

Объективная сторона данного преступления охватывает разнообразные формы противоправного поведения: от прямого склонения к преступной деятельности до более сложных методов – вербовки и иного вовлечения лиц в совершение преступлений, предусмотренных ст. 205², ч. 1 и 2 ст. 206, ст. 208, ч. 1–3 ст. 211, ст. 220, 221, 277, 278, 279, 360 УК РФ, а также вооружение и специальную подготовку потенциальных исполнителей указанных преступлений.

Подобная законодательная конструкция обоснована и учитывает многостадийность содействия террористической деятельности. Норма права построена таким образом, чтобы пресекать преступную деятельность на любом этапе ее реализации – от начальной стадии радикализации и вербовки до непосредственной подготовки терактов. При этом в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» не раскрывается содержание склонения, вербовки и иного вовлечения, однако определяются возможные способы воздействия на персонифицированное лицо либо на группу лиц (уговоры, подкуп, угрозы, просьбы и т. д.). Указанное обстоятельство приводит к тому, что в отдельных судебных решениях понятия «склонение» и «вовлечение» взаимозаменяются. Например, Верховным Судом РФ была рассмотрена апелляционная жалоба на приговор Волгоградского областного суда, по которому Б. осуждена по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ. В описательно-мотивировочной части приговора указывалось, что Б. была признана виновной в содействии террористической деятельности, выразившейся в склонении путем уговоров и предложений граждан Н. и К. вступить в незаконное вооруженное формирование. В свою очередь, в описательно-мотивировочной части апелляционного определения Верховного Суда РФ, напротив, фигурирует понятие «вовлечение», а в резолютивной части – «склонение»*.

Несмотря на представленную проблему сложности установления признаков отдельных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, анализ доктринальных положений и различных постановлений Пленума Верховного Суда РФ все же позволяет установить отличия между

* Решение Верховного Суда: определение № 16-АПУ23–3 от 16.05.2023. Судебная коллегия по уголовным делам, апелляция. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

данными признаками. Так, А. А. Кашкаров совершенно справедливо полагает, что такие виды преступной деятельности, как склонение и вовлечение, не следует рассматривать как тождественные деяния [1, с. 148].

Проанализируем названные преступные действия. В теории уголовного права чаще всего склонение определяют как побуждение лица на совершение каких-либо действий [2]. Верховный Суд РФ придерживается схожей точки зрения. В п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» разъясняется, что под склонением необходимо понимать любые умышленные действия, направленные на возбуждение у лица желания ... *. Следовательно, можно утверждать, что под склонением к совершению любого из преступлений, указанных в ст. 205², 206, 208, 211, 220, 221, 277–279 и 360 УК РФ, понимаются осознанные и целенаправленные действия, заключающиеся в стремлении побудить у другого лица или группы лиц решимость осуществить хотя бы одно из них. Иными словами, ключевым признаком склонения является умышленное воздействие на другое лицо (группу лиц), призванное сформировать у него намерение совершить преступление. Таким образом, предлагаем под склонением понимать умышленные действия, осуществляемые любым способом, которые направлены на возбуждение у склоняемого лица (группы лиц) желания совершить хотя бы одно из предусмотренных в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ преступлений.

Несмотря на такую широкую трактовку склонения, вербовка выделена законодателем в качестве самостоятельного деяния, имеющего свои особенности. В самом широком смысле, согласно позиции А. В. Иногамовой-Хегай, под вербовкой следует понимать деятельность, направленную на наем лица, достижение сделки или соглашения с ним при помощи использования ненасильственных способов воздействия на вербуемое лицо [3, с. 387]. Пленум Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» дает похожее определение вербовки в целях описания признаков ст. 127¹ УК РФ, а именно: вербовкой является поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, в том числе на территории иностранного государства, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека.

Рассматривая сущность вербовки, необходимо подчеркнуть ее ключевую особенность, принципиально отличающую ее от иных форм вовлечения в противоправную деятельность, которая выражается в виде найма, предполагающего не просто склонение лица к совершению преступлений, а предложение вербуемому и последующее получение им материальной или иной выгоды за выполнение действий террористической направленности. Этот признак является определяющим как в доктрине уголовного права, так и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58. Например, С. А. Гореткин [4] указывает данный критерий как главный признак вербовки.

Вместе с тем В. П. Степалин [5, с. 717–718] называет и другие характерные признаки вербовки, позволяющие отграничить ее от склонения, – длительность и систематичность. В связи с этим, по мнению А. В. Иногамовой-Хегай, вербовка указана в качестве самостоятельного деяния в диспозиции ст. 205¹ УК РФ [6, с. 387]. Мы разделяем эту позицию, так как вербовка представляет собой сложный процесс, выходящий за рамки простого склонения лица к совершению террористического акта. Она включает в себя не только формирование

* Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ) может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т. п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие.

у человека преступного умысла, но и дальнейшую подготовку, помощь в реализации задуманного, а также постоянное взаимодействие и поддержку на всех этапах противоправной деятельности. Вербовка предполагает не только вовлечение, но и участие в длительном процессе как со стороны вербовщика, так и со стороны вербуемого.

Кроме того, считаем, что к числу признаков вербовки следует отнести и ее поэтапный характер, так как вербовка является процессом, который имеет определенные стадии. На поэтапный характер вербовки указывает, например, В. О. Давыдов, который считает, что технологически вербовка представляет собой цепочку последовательных взаимосвязанных элементов [7, с. 92], а, по мнению С. А. Гореткина, вербовка является многоступенчатым процессом и имеет сложную структуру [8, с. 280]. При этом авторы выделяют три стадии вербовки: определение объекта вербовки, установление с ним контакта и предложение участия в террористической деятельности. Такие же стадии вербовки описаны и в методических рекомендациях Антитеррористического центра государств – участников СНГ [9, с. 14–17]. При вербовке в сети Интернет эти стадии представлены следующим образом: вербовщик добавляется в друзья, некоторое время наблюдает за жертвой: оценивает посты, следит за содержанием социальной сети, а затем начинает беседу с учетом позиции вербуемого лица, используя при этом методы психологической манипуляции. После общения на отдаленную тематику и при наличии установления контакта вербовщик постепенно начинает распространять экстремистские идеи.

Таким образом, полагаем, что применительно к ч. 1 ст. 205¹ УК РФ будет верным следующее определение вербовки. Это длительные систематические действия, имеющие поэтапный характер, направленные на поиск и наем лиц для совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹ УК РФ.

Перечень действий, предусмотренных ч. 1 ст. 205 УК РФ, не является закрытым, о чем свидетельствует формулировка, используемая в диспозиции нормы, – «иное вовлечение лица». Позиция законодателя, на наш взгляд, связана с тем, что указать полный перечень деяний не представляется возможным в связи с постоянным совершенствованием преступных способов содействия терроризму. Идеологическая обработка лица или группы лиц, направленная на изменение взглядов, убеждений о порядке и справедливости, поведения человека (группы лиц), когда насилие становится законным и обоснованным средством достижения цели, размещение в этих целях информации дискредитирующего характера в отношении представителей власти и т. д. – все это можно отнести к категории «иное вовлечение». Учитывая тот факт, что современный терроризм представляет собой сложную систему политических, религиозных и идеологических процессов, а также принимая во внимание открытость информационного пространства, полагаем, что словосочетание «иное вовлечение» применяется в статье обоснованно. В связи с этим под «иным вовлечением» в содействие террористической деятельности предлагаем понимать любые умышленные действия, направленные на вовлечение лица в террористическую деятельность, не охватываемые понятиями «склонение» и «вербовка».

Толкование таких альтернативных действий, как вооружение и подготовка, приводится в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Под вооружением следует понимать снабжение оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой и тому подобным лиц, принимающих участие в террористической деятельности. Отметим, что при установлении данного действия, те предметы, которые представляли названное вооружение, органам предварительного следствия в обязательном порядке следует отправлять на экспертизу в целях соотнесения их к различным видам оружия, перечисленным в ФЗ «Об оружии».

Сущность подготовки состоит в обучении правилам обращения с оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой, со средствами связи, правилам ведения боевых действий, а также в проведении соответствующих инструктажей, тренировок, стрельб, учений и т. п. По нашему мнению, указанное действие тесно взаимосвязано с вербовкой, поскольку лица, ее осуществляющие, в последующем реализуют подготовку будущих террористов.

Таким образом, полагаем, что основная проблема квалификации содействия террористической деятельности заключается в отсутствии законодательного толкования признаков деяния. В целях разграничения таких форм противоправной деятельности, как склонение, вербовка и иное вовлечение лица в террористическую деятельность, предлагаем в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разграничить содержание терминов «склонение», «вербовка» и «иное вовлечение», указав их дефиниции наряду с терминами «вооружение» и «подготовка». Считаем возможным закрепить следующие определения.

Склонение – умышленные действия, осуществляемые любым способом, направленные на возбуждение у склоняемого лица (группы лиц) желания совершить хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205² ч. 1, 2 ст. 206, ст. 208, ч. 1–3 ст. 211, ст. 220, 221, 277–279, 360 УК РФ.

Вербовка – длительные систематические действия, имеющие поэтапный характер, направленные на поиск и наем лиц для совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹ УК РФ.

Иное вовлечение – умышленные действия, направленные на вовлечение лица в террористическую деятельность и не охватываемые понятиями «склонение» и «вербовка».

Полагаем, что данное предложение позволит исключить разрозненность правоприменительной практики и повысит точность квалификации преступлений, связанных с терроризмом.

Список источников

1. Кашкаров А. А. Уголовно-правовая характеристика склонения и вовлечения в преступную деятельность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 2. С. 141–146.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жеваков [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 792 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Иногамовой-Хегай. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 572 с.
4. Гореткин С. А. Понятие, виды и сущность вербовки для осуществления террористической деятельности // Молодой ученый. 2024. № 20 (519). С. 279–281.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 1359 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Иногамовой-Хегай. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013.
7. Давыдов В. О. К вопросу о криминалистически значимых признаках вербовочной деятельности, осуществляемой членами транснациональных экстремистских формирований с использованием информационно-коммуникационных технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Ч. II. Юридические науки. 2016. Вып. 4. С. 92–99.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2012.
9. Предупреждение вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации: метод. рекомендации. СПб.: ООО «Издательство «РУСЬ», 2016. 64 с.

Информация об авторах

Т. П. Деревянская – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии;

О. М. Шаганова – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the authors

T. P. Derevyanskaya – *kandidat nauk*, degree in Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology;

O. M. Shaganova – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 26.06.2025.

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 26.06.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 37–45.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 37–45.

Научная статья

УДК 343.61

ОЦЕНКА ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПОТЕРПЕВШЕГО, ВЫРАЗИВШЕГОСЯ В НАСТУПЛЕНИИ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

Галина Николаевна Миронова¹, Мария Александровна Малетина²

¹ Омская академия МВД России

² Барнаульский юридический институт МВД России

¹ mgn2007@mail.ru, ORCID: 0000–0002–2318–0695

² mamaletina85@mail.ru, ORCID: 0009–0007–3410–6574

Аннотация. Принятие Конституционным Судом Российской Федерации решения по вопросу конституционности норм ст. 111 и 112 УК РФ, а также последовавшее за ним нормативное изменение медицинских критериев определения степени тяжести вреда здоровью человека привели к необходимости переосмысления подходов к толкованию норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за причинение вреда здоровью человека. В связи с принятием новых медицинских критериев определения степени тяжести вреда здоровью человека возникает ситуация установления в подзаконном нормативном правовом акте критериев, не совпадающих по своему содержанию с буквально указанными в тексте уголовного закона. Таким образом, оценка степени тяжести последствий, выразившихся в наступлении психического или иного заболевания, может приводить к субъективности при определении степени общественной опасности преступления и тяжести последствий, наступивших для потерпевшего. В целях исключения возможности произвольного толкования признаков тяжкого вреда здоровью человека предлагается внести изменения в текст уголовного закона, заменив в диспозиции ст. 111 УК РФ формулировку «психическое расстройство» на «психическое расстройство, носящее стойкий и выраженный характер».

Ключевые слова: психическое расстройство, тяжкий вред здоровью, уголовная ответственность, дифференциация уголовной ответственности, критерии вреда здоровью

Для цитирования: Миронова Г. Н., Малетина М. А. Оценка вреда здоровью потерпевшего, выразившегося в наступлении психического расстройства // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 37–45.

Original article

ASSESSMENT OF THE HARM TO THE VICTIM'S HEALTH, EXPRESSED IN THE ONSET OF A MENTAL DISORDER

Galina N. Mironova¹, Maria A. Maletina²

¹ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

¹ mgn2007@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2318-0695

² mamaletina85@mail.ru, ORCID: 0009-0007-3410-6574

Abstract. The adoption by the Constitutional Court of the Russian Federation of a decision on the constitutionality of the provisions of Articles 111 and 112 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the subsequent regulatory change in the medical criteria for determining the severity of harm to human health, led to the need to rethink approaches to the interpretation of criminal law provisions providing for liability for causing harm to human health. In connection with the adoption of new medical criteria for determining the severity of harm to human health, a situation arises in which criteria are established in a by-law that do not coincide in content with those literally specified in the text of the criminal law. Thus, the assessment of the severity of the consequences that have occurred, expressed in the onset of a mental or other illness, may lead to subjectivity in determining the degree of public danger of a crime and the severity of the consequences that have occurred for the victim. In order to exclude the possibility of arbitrary interpretation of the signs of serious harm to human health, it is proposed to amend the text of the criminal law by replacing in the disposition of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation changes the wording “mental disorder” to “mental disorder of a persistent and pronounced nature.”

Keywords: mental disorder, serious harm to health, criminal liability, differentiation of criminal liability, criteria for harm to health

For citation: Mironova G. N., Maletina M. A. Assessment of the harm to the victim's health, expressed in the onset of a mental disorder // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 37–45.

В качестве одного из признаков, требующих оценки при рассмотрении дел о причинении вреда здоровью человека, выступает определение степени тяжести такого вреда (тяжкий, средней тяжести либо легкий), исходя из диспозиций ст. 111, 112, 115 УК РФ. Одним из признаков тяжкого вреда здоровью выступает факт наступления психического расстройства.

В связи с жалобой гр. Б. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) рассмотрел вопрос о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем нормативные положения ст. 111 и 112 УК РФ. В частности, заявитель оспаривал допустимость произвольной квалификации причиненного ему вреда как вреда средней тяжести (ст. 112 УК РФ) при фактическом наличии у него в результате примененного насилия психического расстройства как признака тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)*. Реагируя на сложившуюся проблемную ситуацию, а также на решение КС РФ, Министерство здравоохранения РФ издало приказ «Об утверждении порядка определения степени тяжести вреда,

* По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 112 УК РФ, а также п. 3 правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.: постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-п. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

причиненного здоровью человека»* (далее – Медицинские критерии), изменяющий содержание отдельных признаков тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Непосредственному изменению подверглось и толкование признака «психическое расстройство». Если ранее пункт 6.8 Медицинских критериев давал толкование понятия «психическое расстройство», то пункт 5.1.8 нового приказа уже использует формулировку «психическое расстройство, носящее стойкий и выраженный характер». Однако содержащиеся в данном подзаконном нормативном правовом акте положения не снимают полностью остроты с существующей проблемы, а лишь дополнительно демонстрируют необходимость корректировки законодательных предписаний.

Проблемы отнесения того либо иного повреждения (заболевания) к конкретной категории степени тяжести вреда здоровью являлись и ранее предметом научной дискуссии [напр., 1; 2; 3]. При этом в большинстве своем авторы соглашались с необходимостью решения вопросов отнесения того либо иного повреждения к соответствующей группе, исходя из актуальных показателей неблагоприятности последствий для потерпевшего [напр., 4]. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды, как правило, дают комплексную оценку наступившего у потерпевшего психического расстройства. В том случае, если оно являлось результатом полученной черепно-мозговой травмы или иных повреждений, относящихся к тяжкому вреду здоровью (например, опасность для жизни в момент причинения вреда либо переломы свода и основания черепа и др.), то такое деяние квалифицируется по ст. 111 УК РФ**. Если же психическое расстройство развилось в результате незначительных повреждений, то его оценка в зависимости от различных обстоятельств может происходить как по ст. 111, так и по ст. 112 УК РФ. При этом, квалифицируя совершенное деяние по ст. 111 УК РФ исключительно на основании признака «повлекшее психическое расстройство», суды, исходя из буквального толкования ст. 111 УК РФ, не прибегают к детальному анализу полученного расстройства и особенностей его тяжести для потерпевшего***. Обоснование тяжкого вреда здоровью исключительно наступившим психическим расстройством, когда иные повреждения сами по себе не могут быть отнесены именно к тяжкому вреду, влечет оспаривание приговора и попытки перекалфикации содеянного на ст. 112 УК РФ****.

Возникающие спорные ситуации квалификации, несомненно, требуют разрешения как на уровне руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, так и в рамках нормативных предписаний, однако последние в настоящее время сохраняют противоречивый характер. В связи с этим периодически происходят попытки переосмыслить установленные критерии тяжкого вреда здоровью для частных случаев, повлекших не такие значительные последствия для потерпевшего. Например, Верховный Суд Российской Федерации отказал в удовлетворении искового заявления гр. В. о признании недействующими п. 6.11 и 6.11.1 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Минздравсоцразвития*****, которые в конкретном случае позволили квалифицировать перелом плеча как тяжкий вред без учета реальных последствий

* Об утверждении порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения РФ от 08.04.2025 № 172н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Напр., приговор Братского городского суда Иркутской области № 1–462/2018 1–9/2019 от 08.05.2019 по делу № 1–462/2018; приговор Вохомского районного суда Костромской области № 1–21/2017 от 18.09.2017 по делу № 1–21/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 17.04.2025).

*** Напр., приговор Центрального районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области № 1–19/2019 1–256/2018 от 04.02.2019 по делу № 1–19/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 17.04.2025).

**** Приговор Индустриального районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики № 1–230/2015 1–5/2016 от 17.05.2016 по делу № 1–230/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 17.04.2025).

***** Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24.04.2008 № 194н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и исхода лечения (потерпевшая находилась на излечении менее 10 дней). Заявитель обращал внимание на тот факт, что оспариваемые нормы «не учитывают реальные возможности медицины по полному восстановлению пострадавших согласно ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»^{*}. Это свидетельствует о том, что в зависимости от случая нормы, регулирующие оценку тяжести вреда здоровью человека, трактуются по-разному.

Обязательность решения КС РФ для правоприменительных органов подкрепляется формулированием конкретного указания на недопустимость иного истолкования нормативных предписаний, результатом чего становится необходимость расширенного толкования соответствующего признака, опираясь при этом на критерии, не закрепленные в УК РФ. Речь идет об указании дополнительных свойств психического расстройства, не предусмотренных ст. 111 УК РФ. Критерии тяжкого вреда здоровью человека имеют буквальное толкование и прямое совпадение с диспозицией данной нормы. Например, потеря речи, слуха в буквальном смысле означает утрату возможности воспроизводить либо воспринимать звуки. Заболевание наркоманией либо токсикоманией, согласно п. 5.1.9 Медицинских критериев, должно только лишь находиться в прямой причинно-следственной связи с вредом, причиненным здоровью человека, без какой-либо конкретизации степени тяжести заболевания, его стойкости, выраженности и других особенностей болезненного состояния потерпевшего. В то же время «психическое расстройство» в п. 5.1.8 Медицинских критериев дополняется новыми признаками, не содержащимися в УК РФ, и формулируется уже как «психическое расстройство, носящее стойкий и выраженный характер». Такого рода разъяснение подзаконного нормативного акта буквально изменяет содержание уголовного закона даже без вмешательства законодателя.

КС РФ справедливо указал на то обстоятельство, что «наличие у лица психического расстройства может по-разному отражаться на его интеллектуальном и волевом уровне, в частности, на способности к адекватному восприятию окружающей обстановки, к осознанию себя и к адекватному поведению»^{**}. Соответственно, формальное приравнивание любого (даже неглубокого и кратковременного) расстройства психики потерпевшего по степени его тяжести к иным повреждениям (заболеваниям), указанным в ст. 111 УК РФ (полная потеря речи, зрения, слуха и т. д.), конечно же, не может удовлетворять требованиям справедливости. Однако устранение данного противоречия должно происходить путем изменения норм уголовного законодательства (в том числе подзаконных актов, непосредственно раскрывающих содержание нормативных предписаний, т. е. Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека), а не смыслового содержания уже существующих норм. Например, Л. А. Шмаров обращает внимание на необходимость переосмысления большинства из существующих критериев вреда здоровью, связанного с психическим состоянием здоровья потерпевшего [5].

Рассматриваемая проблема связана во многом с отсутствием законодательных подходов к дифференциации ответственности в зависимости от степени тяжести наступившего психического расстройства. Об этом справедливо высказывается А. А. Ткаченко, а именно, что «психическое расстройство, находящееся в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью потерпевшему, согласно существующим научным представлениям, в принципе может отвечать квалифицирующим признакам всех степеней тяжести вреда здоровью» [6].

В то же время вывод, сделанный КС РФ, на наш взгляд, нельзя признать удовлетворительным и конструктивным для формирования единообразной правоприменительной практики. Некорректность вывода относительно того, что «часть 1 ст. 111 и часть 1 ст. 112 УК РФ

^{*} Верховный Суд признал законными критерии отнесения переломов к тяжкому вреду здоровью. Красногвардейский районный суд Республики Крым. URL: <https://krasnogvardeiskiy.krm.sudrf.ru/> (дата обращения: 19.04.2025).

^{**} По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 112 УК РФ, а также п. 3 правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.: постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-п.

предполагают в качестве общего правила квалификацию насильственного деяния, повлекшего психическое расстройство потерпевшего, как причинения тяжкого вреда здоровью, который должен устанавливаться с учетом заключения судебно-медицинской экспертизы», связана с тем обстоятельством, что статья 112 УК РФ, предусматривающая ответственность за причинение **средней тяжести вреда здоровью человека**, не содержит каких-либо критериев тяжкого вреда здоровью человека. В частности, статья 112 УК РФ не содержит отсылки к психическому заболеванию как самостоятельному критерию (признаку) вреда здоровью средней тяжести. Эта норма оперирует лишь экономическим показателем тяжести вреда здоровью, т. е. периодом нахождения лица на излечении и степенью утраты общей трудоспособности лица. Если исходить из данных показателей, то уголовно-правовая оценка причинения вреда здоровью, выразившегося в психическом заболевании, которое повлекло утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть, может быть оценена и как вред здоровью средней тяжести (ст. 112 УК РФ) или даже как легкий вред здоровью (ст. 115 УК РФ) при утрате общей трудоспособности менее 10 %.

Кроме того, КС РФ фактически установил собственные правила, буквально уточняющие критерии тяжести вреда здоровью человека, и пришел к выводу, что психическое расстройство, наступившее вследствие воздействия на потерпевшего, не считается тяжким вредом здоровью, если:

« – наступившее вследствие причиненных повреждений психическое расстройство потерпевшего свидетельствует о неглубоком и кратковременном расстройстве психики;

– отсутствуют основания для признания его недееспособным или ограничения его в дееспособности;

– психическое расстройство не сопровождается стойкими или обостряющимися болезненными проявлениями, не создает медицинских противопоказаний к выполнению отдельных видов профессиональной деятельности или деятельности, связанной с источником повышенной опасности. Когда лечение лица с таким психическим расстройством не порождает заметных угроз его социальному благополучию, тогда пациенты с подобными психическими расстройствами не отличаются принципиально по своему правовому и фактическому положению от пациентов с физическими повреждениями или иными соматическими состояниями»^{*}.

КС РФ посчитал, что в контексте принципов равенства и справедливости отсутствуют разумные конституционные основания не применять такого рода критерии и в случае причинения повреждений, которые повлекли психические расстройства, сами по себе не повлиявшие существенно на психическое и социальное благополучие потерпевшего.

Соглашаясь с содержанием указанных критериев, необходимо отметить, что КС РФ, скорее, все же был вынужден признать соответствие данных норм Конституции РФ в силу деструктивности иного решения. Фактически же решение проблемы должно происходить в плоскости законотворчества и состоять в переформулировании данных признаков ст. 111 УК РФ. Формулирование же дополнительных критериев, уточняющих признак, прямо предусмотренный в ст. 111 УК РФ, таким образом, чтобы даже его наступление позволяло квалифицировать деяние по ст. 112 УК РФ, создает порочную практику правоприменения.

Признав конституционность существующих норм (ст. 111, 112 УК РФ), КС РФ сформулировал новое правило оценки степени тяжести вреда здоровью человека как причинения вреда здоровью средней тяжести в случае, если психическое расстройство не относится к тяжелым и при этом отсутствуют предпосылки для длительного негативного влияния такого психического расстройства на социальное благополучие потерпевшего.

^{*} По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 112 УК РФ, а также п. 3 правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.: постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-п.

Необходимо заострить внимание на том обстоятельстве, что в рамках новых Медицинских критериев определения степени тяжести вреда здоровью человека наименование данного признака было скорректировано под влиянием упомянутого решения КС РФ, однако остались неучтенными нормы уголовного закона, где в качестве единственного (в исследуемом контексте) критерия отнесения вреда здоровью к категории тяжкого содержит формулировку «наступление психического расстройства». Соответственно, по замыслу законодателя, любое из психических расстройств, полученное в результате насильственного воздействия на потерпевшего, – это тяжкий вред здоровью без учета иных самостоятельных критериев (например, полной утраты профессиональной трудоспособности либо стойкой утраты общей трудоспособности). К схожим выводам приходит и С. В. Полубинская [7].

Если ранее диспозиция ст. 111 УК РФ, так и коррелирующие с ней Правила определения степени тяжести вреда здоровью человека* устанавливали, что критериями тяжести вреда здоровью человека являются, помимо прочего, психическое расстройство (п. 6.8); заболевание наркоманией либо токсикоманией (п. 6.9); неизгладимое обезображивание лица (п. 6.10), возникновение которых должно находиться в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью, т. е. быть его последствием, то в новых Медицинских критериях подходы к данным признакам изменились. В частности, пункт 5.1.8 Медицинских критериев дополнительно указывает, что в случае, если психическое расстройство не носит стойкого и выраженного характера, то степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, устанавливается исходя из длительности расстройства здоровья или степени стойкой утраты общей трудоспособности. Представляется, что в таком случае иные вышеперечисленные критерии также требуют оценки, исходя из их соответствия экономическому либо социальному критерию.

Многие критерии тяжкого вреда здоровью также могут быть оценены на основании дополнительных признаков, сформулированных исключительно в позиции КС РФ. Например, заболевание наркоманией (ч. 1 ст. 111 УК РФ), а также неизгладимое обезображивание лица. Очевидно, что если наркомания и токсикомания, согласно МКБ-10**, относятся к разновидностям психических расстройств (пп. F10–19 – психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением психоактивных веществ, синдром зависимости от психоактивных веществ) [8], то и на них должно распространяться правило, сформулированное КС РФ. Таким образом, данные признаки вообще утрачивают свое самостоятельное значение критерия степени тяжести вреда здоровью, а их содержание полностью становится подчиненным иным критериям – утрате профессиональной трудоспособности либо стойкой утрате общей трудоспособности.

При определении признака неизгладимости обезображивания лица суд не устанавливает, сколько пластических операций потребуется для устранения возникшего обезображивания. Учитывая, что современные медицинские технологии позволяют устранять большое количество шрамов и другого рода повреждений, оценка причиненного повреждения также (если следовать логике КС РФ) должна исходить из существующих возможностей медицины и значимости лица (как части тела) для потерпевшего, исходя из его профессии, семейного положения и т. д., или, используя формулировку новых Медицинских критериев, исходя из стойкости и выраженности.

Аналогичным образом прерывание беременности в результате воздействия на организм потерпевшей может не повлечь для нее даже расстройства здоровья средней тяжести (по времени нахождения на излечении), но сопоставление данных критериев между собой, очевидно,

* Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** Международная классификация болезней (МКБ-10). Краткий вариант, основанный на Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра, принятой 43 Всемир. ассамблеей здравоохранения. URL: https://skpgp1.ru/files/STANDARTYI/mezhdunarodnaya_klassifikaciya_boleznej_mkb_10.pdf.

не является корректным. В противном случае можно потребовать от суда (и эксперта) учета огромного количества факторов. Например, желала ли потерпевшая прерывать беременность, были ли показания для прерывания беременности, имелись ли у плода аномалии развития, была ли беременность запланированной (желательной), какая по счету это беременность, имело ли место искусственное оплодотворение, каков срок беременности и знала ли вообще потерпевшая о ней и т. д. Указанные факторы, несомненно, тоже будут влиять на положение потерпевшей и размер наказания виновного, однако они не могут выступать в роли устойчивого, претендующего на объективность критерия дифференциации ответственности.

Аналогичным образом необходимо было бы учитывать и возрастные особенности при повреждениях (травмах) у пожилых лиц (уменьшение эластичности связок, хрупкость костной ткани и т. д.), так как при одинаковом физическом воздействии на организмы пожилого потерпевшего, взрослого мужчины (женщины) или ребенка последствия будут, очевидно, различными. Однако правила определения степени тяжести вреда здоровью человека уже содержат необходимые критерии и детально описывают все факторы, подлежащие учету. Новые же критерии, на которые указывает КС РФ, не соответствуют данным характеристикам и, значит, могут трактоваться судебными органами по своему усмотрению.

В то же время утрата органа либо его функций относится к категории тяжкого вреда здоровью вне зависимости от того, насколько сильно потерпевший нуждался в использовании данного органа. Данные признаки самодостаточны и не могут произвольно трактоваться правоприменителем на основе привязки их к трудоспособности и иным критериям вреда здоровью. То обстоятельство, что лицо с психическим расстройством гипотетически может сохранять возможность профессиональной деятельности, юридически не может характеризовать данный критерий, как минимум, из-за формального отсутствия их взаимосвязи в нормах права. Более того, даже наличие психиатрического диагноза в истории болезни лица и соответствующих сведений в базе данных психоневрологического диспансера* влечет за собой ограничения на осуществление отдельных видов деятельности, на трудоустройство, прохождение службы и т. д., чем также существенно затрудняет жизнедеятельность потерпевшего.

Однако нормативное решение данного вопроса должно оставаться в рамках законодательного процесса. Если КС РФ установил, что данный вопрос требует актуализации (например, уже не соответствует изменившимся общественным отношениям, отстал от технологического прогресса и т. д.), то он должен обладать правом указать на данное обстоятельство законодателю, а не самостоятельно изменять положения нормативных правовых актов. В противном случае возникает ситуация правовой неопределенности, когда формальные предписания закона принципиально искажаются мнением судебного органа и дополняются субъективными оценочными критериями, в рамках подзаконного нормативного правового акта, не прошедшими законодательного обсуждения.

Еще раз подчеркнем, что нами не ставится под сомнение необходимость выработки адекватных средств дифференциации ответственности в зависимости от степени тяжести вреда здоровью человека и корректного отнесения того либо иного повреждения (заболевания) к тому критерию, который реально отражает степень его неблагоприятности и тяжести для потерпевшего, однако решение подобных вопросов должно происходить на основе четких критериев, которые были обсуждены специалистами в рамках законотворческого процесса.

* Об утверждении порядка диспансерного наблюдения за лицом, страдающим хроническим и затяжным психическим расстройством с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями: приказ Министерства здравоохранения РФ от 30.06.2022 № 453н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С формальной точки зрения оснований для квалификации деяния как причинения вреда здоровью средней тяжести не имеется именно в связи с отсутствием такого признака в ст. 112 УК РФ. В то же время игнорирование факта наступления психического расстройства, наступившего в результате воздействия на организм потерпевшего, по сути, приводит к необоснованному отказу от привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 111 УК РФ. Такой подход, на наш взгляд, не позволяет сформировать единообразную правоприменительную практику и не основан на унифицированных правилах определения степени тяжести вреда здоровью человека.

Логичным решением данной коллизии должно было бы выступить приведение диспозиции ст. 111 УК РФ в соответствие с реальными потребностями дифференциации ответственности в зависимости от тяжести наступивших для здоровья потерпевшего последствий. Одним из возможных вариантов может выступить полное исключение указания на психическое расстройство из диспозиции ст. 111 УК РФ и оценивание степени его тяжести наряду с другими заболеваниями (расстройствами) по признаку стойкой утраты трудоспособности либо длительности нахождения на излечении. Однако данный подход может повлечь снижение защищенности потерпевших и недооценку значимости наступивших для них неблагоприятных последствий.

Более приемлемым представляется указание в диспозиции ст. 111 УК РФ на один из критериев тяжкого вреда здоровью – «психическое расстройство, носящее стойкий и выраженный характер» взамен существующего – «психическое расстройство». В таком случае уточнения, содержащиеся в п. 5.1.8 Медицинских критериев, относительно возможности оценки психического расстройства, как и любого другого заболевания, на основе признака длительности излечения либо общей утраты трудоспособности будут логичными и не противоречащими букве уголовного закона.

Список источников

1. Полубинская С. В. Психическое расстройство как признак вреда здоровью: правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21–22 мая 2024 г.). М.: Моск. академия СК РФ, 2024. С. 95–100.
2. Злобина О. Ю., Солодун Ю. В., Рыбченко Н. В., Федюкова М. В. О квалифицирующем критерии тяжкого вреда здоровью в виде психического расстройства // Вестник судебной медицины. 2024. Т. 13, № 1. С. 13–18.
3. Пяткина О. Д. Психическое расстройство как разновидность тяжкого вреда здоровью // Проспект Свободный: материалы юбилейной XX междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 2024. С. 690–693.
4. Курсаев А. В. Общественная опасность причиненного вреда психическому здоровью как основание его дифференциации // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV российского конгресса уголовного права. М., 2024. С. 234–238.
5. Шмаров Л. А. Квалификация вреда, причиненного здоровью человека, в свете Постановления Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. 2024. № 12. С. 95–102.
6. Руководство по судебной психиатрии: практ. пособие. В 2 т. / под ред. А. А. Ткаченко. М., 2018. Т. 1.
7. Полубинская С. В. Указ. соч.
8. Психические расстройства и расстройства поведения (F00–F99). (Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации) / под общ. ред. Б. А. Казаковцева, В. Б. Голланды. М.: Минздрав России, 1998. 512 с. URL: https://psychiatr.ru/download/1998?view=1&name=МКБ-10_с_гиперссылками.pdf.

Информация об авторах

Г. Н. Миронова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права;

М. А. Малетина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовного права.

Information about the author

G. N. Mironova – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Law;

M. A. Maletina – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, associate professor of the Department of Criminology and Criminal Law.

Статья поступила в редакцию 06.05.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 05.09.2025.

The article was submitted 06.05.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 05.09.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 46–52.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 46–52.

Научная статья

УДК 343.228

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ИХ ПРЕВЫШЕНИЯ

Александр Олегович Швейгер

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск
shvejgersasha@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу института необходимой обороны в российском уголовном праве и ее допустимых пределов. Анализируется содержание и конструкция ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующей право на необходимую оборону. Анализируются некоторые проблемы законодательного и правоприменительного характера при реализации права на необходимую оборону, рассматриваются приговоры судов, касающиеся необходимой обороны и превышения ее пределов. Делаются выводы о причинах сложности оценки данного института и предложения по совершенствованию практики его применения.

Ключевые слова: необходимая оборона, пределы необходимой обороны, превышение пределов необходимой обороны, защита от нападения

Для цитирования: Швейгер А. О. Некоторые вопросы оценки пределов необходимой обороны и их превышения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 46–52.

Original article

SOME ISSUES OF ASSESSING THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE AND THEIR EXCESS

Alexander O. Shveyger

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk
shvejgersasha@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the institution of necessary defense in Russian criminal law and its permissible limits. It examines the content and structure of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, which regulates the right to self-defense. The article analyzes some legislative and law enforcement issues in the implementation of the right to necessary defense, and examines court decisions regarding necessary defense and exceeding its limits. Conclusions are drawn regarding the reasons for the difficulty in assessing this institution and proposals for improving its application are presented.

Keywords: necessary defense, limits of necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, defense against attack

For citation: Shveyger A. O. Some issues of assessing the limits of necessary defense and their excess // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4(73): 46–52.

Защита прав и интересов личности является одной из приоритетных задач государства. Ее реализация способствует укреплению государственных правовых механизмов, повышению доверия со стороны граждан, повышению защищенности граждан от неправомерного воздействия, а также, в некотором роде, предупреждению совершения преступлений. Поскольку данная задача является одной из наиболее значимых в реализации государственной политики, она нашла свое закрепление в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, гарантирующей каждому человеку право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Данная конституционная норма имеет широкий круг регулирования, поскольку неправомерное воздействие на человека может осуществляться в различных формах, выражающихся в нарушении его прав и свобод в многообразных сферах человеческой жизни, урегулированных нормами права. Одной из форм такого воздействия, представляющей наибольшую опасность, является посягательство на права и свободы, охраняемые Уголовным кодексом Российской Федерации.

В целях реализации конституционного положения о допустимости защиты своих правоохраняемых интересов в УК РФ была закреплена статья 37, предусматривающая право на реализацию необходимой обороны от общественно опасного посягательства. Главным требованием, предъявляемым к лицу, реализующему право на необходимую оборону, является соблюдение условий ее правомерности.

Статья 37 УК РФ, описывая основания и условия правомерности необходимой обороны, содержит большое количество оценочных критериев. Этот факт оказывает значительное влияние на правоприменительную практику, когда в отношении идентичных ситуаций часто принимаются прямо противоположные решения. Фактически возникает ситуация, при которой положения уголовного законодательства, регламентирующие право на защиту от посягательства, требуют разъяснений применительно к конкретным случаям для определения критерия ее правомерности.

С одной стороны, невозможно обойтись при описании такого института, как необходимая оборона, без оценочных категорий. С другой стороны, это ведет к серьезным затруднениям у правоприменителя в оценке подобных действий. Как было верно отмечено исследователями, основанная на этих положениях судебно-следственная практика демонстрирует в некоторых случаях несправедливое привлечение к уголовной ответственности*.

Часто неправильная оценка правоприменителем состояния необходимой обороны обусловлена еще и тем, что законодатель использует различную терминологию при описании данного института. Так, в ч. 2 ст. 37 УК РФ используются термины «характер» и «опасность» посягательства. В ч. 2¹ ст. 37 УК РФ уже говорится о «степени» и «характере» нападения. Противоречивость терминологии не способствует правильному уяснению содержания уголовно-правовой нормы.

Одним из сложных вопросов, возникающих в судебно-следственной практике, является соответствие вреда, причиненного посягавшему, опасности нападения**. Сложность заключается в том, что законодатель указывает на допустимость и правомерность защиты путем причинения вреда посягающему, но при условии, если при этом не были превышены пределы

* Смирнов А. М. Внесудебные формы защиты прав и свобод личности: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 13.

** Дорогин Д. А. Квалификационные ошибки в установлении условий правомерности необходимой обороны. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

необходимой обороны. Установление же этой границы, при которой происходит превышение обороны, вызывает серьезные затруднения.

Защита «без границ» от нападения существует только в двух видах: при посягательстве, представляющем опасность для жизни, и при неожиданном посягательстве, когда обороняющийся в силу этого обстоятельства не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения. Эти два вида защиты закреплены в ч. 1 и 2 ст. 37 УК РФ. Все остальные ситуации защиты от нападения не должны превышать пределов необходимой обороны.

Под превышением необходимой обороны в ст. 37 УК РФ понимается совершение умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. При этом, как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – Постановление Пленума), нападение не должно содержать опасности для жизни обороняющегося или иных лиц, для защиты которых причиняется вред преступнику. Под таким посягательством необходимо понимать побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, а также иные действия, которые не сопряжены с насилием, совершаемые как умышленно, так и по неосторожности, которые по своему характеру могут быть пресечены лишь путем причинения вреда.

Определение превышения необходимой обороны не содержит четких критериев, позволяющих разграничить рамки допустимой защиты и их превышение. Законодатель решение данного вопроса отдает на усмотрение правоприменителя. Фактически решение вопроса о пределах обороны является вопросом конкретного факта, в котором необходимо анализировать и оценивать множество обстоятельств и на их основании давать правовую оценку [1, с. 47].

Несоответствие причиненного вреда опасности посягательства должно оцениваться исходя, во-первых, из характера посягательства, во-вторых, из опасности посягательства; кроме того, превышение должно быть явным.

Сразу возникает вопрос о содержании этих терминов. Под опасностью посягательства некоторые авторы понимают его способность причинить вред общественным отношениям, выделяя в его содержании такие признаки, как характер и степень общественной опасности*. В основном в научной литературе эти термины не рассматриваются самостоятельно, а предлагается устанавливать характер и опасность посягательства через характер угрожающей опасности, место и обстановку посягательства, физические возможности обороняющегося и нападавших, их количество и соотношение сил, вооруженность и другие заслуживающие внимания обстоятельства**. Данная позиция фактически отождествляет рассматриваемые признаки, что, на наш взгляд, неверно. В отношении характера посягательства имеется мнение, что содержание данного термина вообще не ясно***.

Такие подходы представляются не совсем обоснованными. Мнение о том, что опасность посягательства уже содержит в себе такие признаки, как характер и степень опасности, отчасти заслуживает внимания. Очевидно, что эта позиция опирается на фундаментальные положения уголовного права – понятие и признаки преступления. В признаке общественной опасности преступления выделяются степень и характер общественной опасности. Первый из них содержательно определяется ценностью объекта посягательства, а второй – иными обстоятельствами (форма вины, характер и размер наступивших последствий, групповое совершение преступления, интенсивность посягательства и пр.).

* Даровских Д. А. Некоторые теоретические аспекты определения превышения пределов необходимой обороны. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Авдеева Е. В. Необходимая оборона: актуальные вопросы законодательной регламентации и правоприменения. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Даровских Д. А. Указ. соч.

Но тогда необходимо задать вопрос: а что же законодатель понимает под характером, закрепленным в законе как отдельное свойство посягательства в определении превышения необходимой обороны? Позиция об отождествлении рассматриваемых признаков вообще не состоятельна, иначе законодатель не придавал бы им самостоятельного значения в законе.

Представляется, что опасность посягательства необходимо понимать как степень опасности такого посягательства. Она должна определяться ценностью защищаемого объекта, на который осуществляется посягательство. А характер посягательства – это как раз те обстоятельства, которые объективно определяют опасность посягательства, исходя из обстановки, при которой осуществлялись нападение и защита (способ посягательства, наличие у посягающего оружия, количество посягающих, интенсивность нападения и т. п.).

О правильности такого подхода свидетельствуют разъяснения Верховного Суда РФ, данные в п. 13 Постановления Пленума, где рекомендуется решать вопрос о наличии или отсутствии превышения необходимой обороны с учетом объекта посягательства, способа нападения, тяжести возможных последствий нападения, числа нападавших и обороняющихся, наличия оружия и прочих обстоятельств. Из данных разъяснений очевидно, что Верховный Суд РФ разграничивает объект посягательства и иные обстоятельства нападения, т. е. разграничивает характер и степень опасности.

Кроме того, как было отмечено выше, часть 2¹ ст. 37 УК РФ, регламентируя право на необходимую оборону при неожиданности посягательства, закрепила, что не является превышением пределов защиты неожиданное посягательство, в результате чего защищающийся не мог объективно оценить **степень и характер** (выделено нами – А. III.) опасности нападения.

Таким образом, можно предположить, что при описании признаков превышения необходимой обороны законодатель банально допустил техническую ошибку, указав вместо характера и степени опасности посягательства на характер и опасность посягательства. С учетом данных соображений целесообразно понимать под характером опасности характер общественной опасности нападения, а под опасностью посягательства – его степень общественной опасности.

Естественно, что такая терминологическая запутанность в совокупности с большим количеством оценочных признаков не способствуют единому пониманию содержания института необходимой обороны и правоприменительной практике, дающей правовую оценку состоявшемуся факту защиты. Анализ судебно-следственных материалов свидетельствует о большом количестве допускаемых ошибок при квалификации подобных деяний. Часто правомерно причиненный вред посягающему квалифицируют как превышение необходимой обороны и даже как умышленное преступление против личности.

Так, между С. и С. И. Б. произошел конфликт, инициатором которого был С., находившийся в состоянии сильного алкогольного опьянения. С. угрожал потерпевшей тем, что убьет ее, после чего схватил ее за одежду и своей головой ударил в лицо, после чего, используя значительное физическое превосходство над ней, схватил ее за горло и начал душить. В ответ С. И. Б. нанесла ему ножом, который схватила со стола в кухне, три удара в область груди, один удар в область шеи и два удара в область головы, в результате чего С. скончался.

Елизовский районный суд Камчатского края при вынесении приговора указал, что С. И. Б. не воспринимала посягательство как опасное для жизни и нанесла удары ножом, предвидя наступление смерти С. Такой характер защиты не соответствовал характеру и опасности нападения, поэтому С. И. Б. было допущено превышение пределов необходимой обороны. Также суд учел тот факт, что у С. в руках не было никаких предметов, которыми он мог бы причинить вред подсудимой. С. И. Б. была осуждена по ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая дело, указала, что выводы суда первой инстанции не основаны на законе, поскольку из показаний потерпевшей видно, что С. превосходил ее физически, находился в состоянии

алкогольного опьянения и вел себя агрессивно, когда ее душил, то закрыл собой выход из кухни и ей некуда было деваться и она не могла убежать. Когда С. ее душил, то она испытала удушье, страх и боль. Понимая, что другого выхода нет, она взяла нож и, защищаясь, нанесла несколько ударов С. Удушение по своему характеру создает опасность для жизни. Совокупность обстоятельств, а именно: состояние опьянения потерпевшего, его агрессивное поведение, нанесение им подсудимой ударов головой, высказанная в ее адрес угроза убийством в этот момент, дают основание оценивать действия С. как представляющие опасность для жизни подсудимой, а действия С. И. Б. как необходимую оборону*.

В другом случае М., обвиняемый по ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, находясь возле своего дома, поссорился с С. и Г. Они напали на него, начали избивать, потом Г. начал его душить сзади, а С. продолжил избивать М. спереди. Обвиняемый стал отмахиваться, защищаясь от С. ножом, который достал из кармана, и причинил С. несколько колото-резовых ран, повлекших легкий вред здоровью. Г. стал сильнее сдавливать шею обвиняемого, и он, почувствовав, что теряет сознание, ударил Г. ножом в шею, в результате чего последний скончался. М. был признан действующим в состоянии необходимой обороны и оправдан судом**.

Как видим, в одном случае лицо обвинялось в превышении необходимой обороны, а в другом – вообще в убийстве и покушении на убийство, хотя в итоге они были оправданы в связи с применением ст. 37 УК РФ. В обоих случаях первоначальная квалификация обосновывалась правоохранительными органами тем, что причиненный оборонявшимися вред не соответствовал опасности посягательства. Неверная правовая оценка была дана в результате поверхностного анализа совершаемого нападения и непринятия во внимание ряда важных его обстоятельств.

Часто правоприменитель шаблонно следует разъяснениям, данным в Постановлении Пленума, который в п. 13 содержит перечень обстоятельств, которые необходимо оценивать при решении вопроса об опасности посягательства. Об этом уже высказывались ученые***. Отсутствие какого-либо обстоятельства автоматически оценивается как отсутствие серьезной опасности для обороняющегося. Чаще всего это касается отсутствия у нападающего оружия или иных предметов, которыми он мог причинить вред защищаемому. Однако разъяснения Верховного Суда РФ носят лишь ориентировочный характер и не содержат исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут учитываться при оценке опасности посягательства. На это указывает и сам Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума, отмечая, что изучению подлежат и иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося. Отсутствие оружия у нападающего не означает, что для отражающего нападение отсутствует опасность для жизни. Верховный Суд РФ дал примерный перечень наиболее часто встречающихся в уголовных делах обстоятельств, на которые необходимо обращать внимание. И подлежать оценке они должны в совокупности, давая правоприменителю представление о грозящей опасности. Отсутствие оружия, но агрессивное поведение нападавшего, его физическое превосходство, высказанные угрозы убийством и совершение действий, воспринимаемых обороняющимся как угрозу для жизни при наличии для этого объективных предпосылок, необходимо расценивать как посягательство, опасное для жизни.

В обоих приведенных случаях это не учли правоохранительные органы, направившие в суд материалы уголовного дела с обвинительным заключением. Удушение по своему характеру создает опасность для жизни, а предшествующие события и поведение нападающих давали объективные основания подсудимым опасаться за свою жизнь.

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.04.2025 № 60-УД25-3-К9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Иванов Н. Г. Превышение пределов необходимой обороны. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Нередки обвинительные приговоры, выносимые судами первой инстанции, даже при использовании нападающим оружия или иных предметов, представляющих опасность для жизни обороняющегося*.

Традиционно сложным вопросом остается установление степени опасности посягательства, которая определяется через соотношение защищаемых прав и свобод и тех, которым причиняется вред в процессе защиты. Можно говорить о том, что наименьшие трудности вызывает ситуация, в которой в качестве таковых выступают такие однородные объекты, как жизнь и здоровье. Хотя и в этом случае имеются определенные затруднения, обусловленные допустимыми рамками обороны.

Исходя из смысла ст. 37 УК РФ, незначительное превышение пределов обороны допустимо, не допускается их явное превышение. Между тем содержание терминологической дефиниции «явное превышение» законодатель не раскрыл, чем осложнил применение нормы. Восполнить данный пробел попытался Верховный Суд в Постановлении Пленума, разъяснив в п. 11, что «превышение обороны будет в случае, если оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть. ... Не влечет уголовную ответственность умышленное причинение посягавшему лицу средней тяжести или легкого вреда здоровью либо нанесение побоев».

Из этого разъяснения с очевидностью следует, что причинение побоев, легкого и средней тяжести вреда здоровью при любом посягательстве укладывается в рамки необходимой обороны, а при причинении тяжкого вреда здоровью или смерти уже необходимо устанавливать, превышены пределы защиты или нет.

Критерий явности превышения обороны предлагается понимать как не вызывающее сомнений, совершенно очевидное, ясное для всех, даже для простых обывателей, несоответствие защиты характеру и степени опасности посягательства [2, с. 34]. Данное предложение тоже не разрешает полностью проблему, являясь также, по сути, оценочным. Что значит простой обыватель? Какими должны быть его уровень знаний, грамотности, интеллекта, реакции, способности быстро оценивать ситуацию, уровень его эмоциональной устойчивости, способности принимать адекватные решения, соответствующие ситуации, в условиях стресса и т. д.?

Кроме этих обстоятельств необходимо помнить и о том, что обороняющийся практически всегда находится при отражении нападения в состоянии стресса, который затормаживает интеллектуальную деятельность, к которой относится и оценочная [3], это мешает ему правильно оценить угрозу и избрать защитные меры. Данный аспект практически не учитывается органами расследования и судами нижестоящих инстанций.

Существенные проблемы возникают при установлении допустимых пределов защиты в ситуации неоднородности защищаемых объектов и объектов, которым причиняется вред. Особенно противоречивые приговоры выносятся по категории дел, связанных с посягательством на половую свободу личности, когда потерпевшая, обороняясь, причиняет насильнику вред здоровью. Наиболее часто при причинении смерти насильнику женщин осуждают по ст. 108 УК РФ за превышение пределов необходимой обороны, хотя нередко случаи осуждения и в случае причинения тяжкого вреда здоровью**. В научной среде по этому вопросу также отсутствует единое мнение.

Согласно ст. 37 УК РФ, причинение смерти допустимо только в случае, если при изнасиловании применяется насилие, представляющее опасность для жизни потерпевшей. Суды механически сопоставляют объекты, оценивая аксиологический аспект на основании структуры

* Определение кассационной инстанции Верховного Суда РФ от 05.09.2024 № 49-УД24–13-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Королёва Е., Стоянов В. «Несоразмерная защита»: москвичка, получившая условный срок за самооборону, пытается доказать вину своего насильника. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/833865-samooborona-prigovor-schelkovo> (дата обращения: 15.10.2025).

Особенной части УК РФ. Практически не учитывается то, что потерпевшая во время посягательства находилась в состоянии сильного стресса, а также тот факт, что половая свобода как объект представляет значительную ценность, порой не меньшую, чем сама жизнь. Некоторые женщины в результате совершенного в отношении их изнасилования не могут с этим жить и прибегают к суициду. Об этом свидетельствуют и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», относящие к тяжким последствиям изнасилования самоубийство или попытку самоубийства потерпевшей.

Необходимо признать, что жизнь является более важной ценностью, чем половая свобода. Но вместе с тем представляется, что между ними отсутствует явное несоответствие, о котором говорится в ч. 2 ст. 37 УК РФ. Схожую точку зрения высказывают и другие авторы [4].

С учетом вышеобозначенных проблем в научной литературе даже имеются предложения радикального характера – об исключении из ст. 37 УК РФ положения о превышении необходимой обороны*. Представляется, что такое предложение является поспешным. Исключение указанного положения из уголовного законодательства позволит обороняющемуся существенно превышать допустимые пределы обороны, в том числе из мести, ссылаясь на эмоциональное состояние. Несмотря на кажущуюся абсурдность, закон охраняет и права нападающего, не позволяя причинять ему излишний, не вызываемый необходимостью вред. В противном случае каждый акт обороны превратится в расправу, что, конечно же, недопустимо. Цель права как универсального регулятора общественных отношений – достичь такого баланса, при котором права и интересы всех сторон будут соблюдены. Поэтому существующий подход законодателя к конструкции ст. 37 УК РФ необходимо сохранить. Невозможно при описании нормы о необходимой обороне избежать оценочных признаков, поскольку ее проявления разнообразны и сфера реализации права на нее обширна. Необходима большая конкретизация положений ст. 37 УК РФ в разъяснениях Постановления Пленума, которые сами избытуют оценочными категориями.

Список источников:

1. Кириченко В. Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне по советскому уголовному праву. М., 1948. 107 с.
2. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Вопросы квалификации превышения пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2020. № 11. С. 32–36.
3. Фомина Е. В., Оленко Е. С., Кодочигова А. И., Филиппов Д. Ю. Влияние стресса на когнитивные способности здорового человека: нейрофизиологические аспекты // Психосоматические и интегративные исследования. 2019. Т. 5. № 4. С. 1–4.
4. Гарбатович Д. Необходимая оборона при защите свободы и половой неприкосновенности // Уголовное право. 2008. № 1. С. 35–38.

Информация об авторе

А. О. Швейгер – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

A. O. Shveyger – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, professor of the Department of the Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 05.12.2025.

* Иванов Н. Г. Указ. соч.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 53–60.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 53–60.

Научная статья
УДК 343.3/.7

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ СТАТУСА ИНОСТРАННОГО АГЕНТА: ТЕОРИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Адам Адамович Долгиев

Ассоциация юристов России, Москва

law-journal@internet.ru, ORCID: 0000–0003–2543–4502

Аннотация. В статье анализируются правоприменительная практика и теоретические основания уголовной ответственности по ст. 330¹ УК РФ (уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах). Основное внимание уделяется случаям, сопряженным со сбором сведений в военной и военно-технической сферах (ч. 3 ст. 330¹ УК РФ). Автор обосновывает позицию о необходимости квалификации таких действий по совокупности со ст. 275¹ УК РФ (сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией), аргументируя это единством объекта посягательства (безопасность государства), сходством субъектного состава (иностранцы источники) и отсутствием законодательной оговорки об их исключительности. Теоретически доказывается, что конфиденциальное сотрудничество с иностранными источниками, предполагающее получение благ и влияние на деятельность, соответствует сущностным признакам статуса иностранного агента. Предлагается усиление уголовно-правового инструментария для превентивного противодействия иностранному влиянию, угрожающему основам государственной безопасности России.

Ключевые слова: уголовная ответственность иностранных агентов, физическое лицо – иностранный агент, сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранными спецслужбами, уголовная политика в сфере государственной безопасности

Для цитирования: Долгиев А. А. Конфиденциальное сотрудничество как юридическое основание статуса иностранного агента: теория и правоприменительные последствия // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 53–60.

Original article

CONFIDENTIAL COOPERATION AS A LEGAL BASIS FOR THE STATUS OF A FOREIGN AGENT: THEORY AND LAW ENFORCEMENT CONSEQUENCE

Adam A. Dolgiev

Association of Lawyers of Russia, Moscow

law-journal@internet.ru, ORCID: 0000–0003–2543–4502

Abstract. The article analyzes law enforcement practice and the theoretical grounds for criminal liability under Article 330.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (evasion from fulfilling duties stipulated by the legislation of the Russian Federation on foreign agents).

© Долгиев А. А., 2025

The main focus is on cases involving the collection of information in the military and military-technical fields (Part 3 of art. 330.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author substantiates the position on the need to qualify such actions in conjunction with Article 275.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (cooperation on a confidential basis with a foreign state, international or foreign organization), arguing this by the unity of the object of encroachment (state security), the similarity of the subject composition (foreign sources) and the absence of a legislative clause on their exclusivity. Theoretically, it is proved that confidential cooperation with foreign sources, which involves obtaining benefits and influencing activities, corresponds to the essential features of the status of a foreign agent. It is proposed to strengthen the criminal law tools for preventive counteraction to foreign influence that threatens the foundations of Russia's state security.

Keywords: criminal liability of foreign agents, individual-foreign agent, cooperation on a confidential basis with foreign intelligence agencies, criminal policy in the field of state security

For citation: Dolgiev A. A. Confidential cooperation as a legal basis for the status of a foreign agent: theory and law enforcement consequences // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 53–60.

С момента введения уголовной ответственности физических лиц за уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах, прошло уже два года, за которые определенным образом сформировалась правоприменительная и судебная практика, в связи с этим в настоящее время можно констатировать ряд направлений уголовной политики, выработанных за указанный период. Кроме того, в юридической литературе исследования общественной опасности как личности иностранного агента, так и его деструктивной деятельности показали, что манипулирование общественным мнением, прикрываемое защитой демократических ценностей, порождает непредсказуемые негативные последствия в политических и социологических процессах в обществе [1]. Более того, активное насаждение политических взглядов и убеждений со стороны отдельных физических лиц, пользующихся авторитетом в силу своей известности, оказывало намного большее влияние на группы людей, нежели профессиональные средства массовой информации, чем успешно пользовались иностранные организации.

Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255 (ред. от 13.12.2024) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (далее – Закон об иностранных агентах) показал свою эффективность в основном в том, что позволил разграничить подконтрольную политическую деятельность от деятельности, основанной на внутренних убеждениях лица в связи с продолжающейся специальной военной операцией. Такая дифференциация взглядов физических лиц от мотивированных извне, явно или скрыто действующих в интересах иностранных организаций и лиц, имеющих убеждения, не совпадающие с политической властью, имела целью не запрет иностранной деятельности как таковой, а соблюдение прав граждан на получение правдивой информации об иностранном влиянии на их мнение.

Согласно судебной статистике, приговоры по ст. 330¹ УК РФ за уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством об иностранных агентах, носят единичный характер, в отличие от административной ответственности (в первом полугодии 2024 г. в суды поступило 318 материалов по ст. 19.34 КоАП РФ и назначено 252 штрафа*, в 2023 г. – назначено 368 штрафов**). При этом следует отметить, что, поскольку преступление, предусмотренное ст. 330¹ УК РФ, является нормой с административной преюдицией,

* ТАСС. 2024. 21 окт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22174379> (дата обращения: 01.12.2024).

** Число назначенных иноагентам штрафов за год выросло в 20 раз // РБК. 2024. 19 апр. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/04/2024/662115519a794757a671720b> (дата обращения: 01.12.2024).

то уже в 2024 г. возбуждено несколько уголовных дел в отношении лиц, признанных иностранными агентами и дважды привлеченных к административной ответственности за неисполнение соответствующих обязанностей. В частности, одно лицо объявлено в федеральный (межгосударственный) розыск Московским районным судом г. Твери*, а в отношении другого лица – известного блогера, прокуратурой г. Москвы инициировано возбуждение уголовного дела по ч. 2 ст. 330¹ УК РФ**.

Кроме того, Замоскворецким районным судом г. Москвы вынесен приговор в отношении гражданина Франции, признанного виновным в уклонении от исполнения обязанностей иностранного агента, сопряженном со сбором сведений в области военной и военно-технической деятельности (ч. 3 ст. 330¹ УК РФ)***. Уголовное дело рассмотрено в особом порядке. Указанный приговор суда и, собственно, квалификация по ч. 3 ст. 330¹ УК РФ позволяют выявить определенное соотношение (взаимосвязь) юридической характеристики данного состава преступления и преступления, предусмотренного ст. 275¹ УК РФ, регламентирующего ответственность за сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией.

Ответственность по ст. 275¹ УК РФ наступает за установление и поддержание гражданином Российской Федерации отношений сотрудничества на конфиденциальной основе с представителем иностранного государства, международной либо иностранной организации в целях оказания им содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации (при отсутствии признаков государственной измены). При этом часть 3 ст. 330¹ УК РФ предусматривает ответственность иностранного агента, совершающего целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности России. По сути, лицо, признанное иностранным агентом, сотрудничающее на конфиденциальной основе с иностранным государством или организацией против интересов Российской Федерации, заведомо действует против безопасности России.

С учетом того, что в уголовном законодательстве отсутствует понятие безопасности государства в качестве объекта уголовно-правовой охраны, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» является единственным нормативно-правовым основанием для толкования соответствующих понятий и определений. Кроме того, терминология, содержащаяся в Стратегии национальной безопасности (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400), дает представление о том, что деятельность, направленная против безопасности государства, – это действия против основ его существования [2]. Таким образом, представляется, что целенаправленный сбор сведений в области военной и военно-технической деятельности (ч. 3 ст. 330¹ УК РФ) можно отнести к деятельности, связанной с сотрудничеством, обозначенным в ст. 275¹ УК РФ, а, соответственно, действия лица, привлекаемого к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 330¹ УК РФ, должны дополнительно быть квалифицированы по ст. 275¹ УК РФ. Такая совокупная ответственность, по нашему мнению, наступает только в отношении граждан Российской Федерации.

Развивая теоретическую мысль в названном ключе, необходимо обратить внимание на оговорку законодателя в диспозиции ч. 3 ст. 330¹ УК РФ, а именно, что ответственность наступает при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 275 и 276 УК РФ, но не ст. 275¹ УК РФ.

* URL: <https://moskovsky-twr.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.12.2024).

** Прокуратура города Москвы инициировала уголовное преследование иноагента Ильи Варламова // Прокуратура г. Москвы. 2024. 25 нояб. URL: <https://t.me/moscowproc/5793> (дата обращения: 01.12.2024).

*** Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы по делу № 01-0391/2024 URL: <https://mosgorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/criminal/details/7026f370-5fcd-11ef-8176-075a90e6aca5?participant=винатъе> (дата обращения: 01.12.2024).

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* (Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ, которым введена ст. 275¹ УК РФ), подготовленного в целях защиты национальных интересов Российской Федерации, прав и свобод граждан от новых форм преступной деятельности и угроз государственной безопасности, указывалось, что данная норма вводится в целях противодействия иностранным разведкам, то есть уголовная ответственность наступает только за сотрудничество со специальными службами иностранных государств либо их представителями в целях оказания содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации.

Вместе с тем, согласно ст. 3 Закона об иностранных агентах, иностранными источниками признаются иностранные государства, в том числе органы публичной власти иностранных государств и другие иностранные организации, лица, уполномоченные указанными источниками. В связи с этим, по логике законодателя, представляется очевидным неофициальное участие также и иностранных специальных служб применительно к Закону об иностранных агентах, а скорее, именно их в первую очередь и имел в виду законодатель. Соответственно, можно констатировать, что сведения в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации часто являются предметом завуалированного интереса именно иностранных специальных служб. Это позволяет сделать вывод о том, что сбор сведений, о которых идет речь в ч. 3 ст. 330¹ УК РФ, можно отнести к сотрудничеству с иностранными специальными службами, если будет установлена связь иностранного источника с таковыми, что, соответственно, будет являться поводом к дополнительной квалификации действий виновного по ст. 275¹ УК РФ.

Между тем появление в уголовном законе данной нормы весьма противоречиво было воспринято академическим сообществом. В частности, утверждалось, что рассматриваемая норма ст. 275¹ УК РФ не только не отвечает целям борьбы с государственной изменой, но и создает предпосылки для необоснованного смягчения ответственности, поскольку ранее такие действия квалифицировались как приготовление к государственной измене (санкция была выше), или образует идеальную совокупность со ст. 275 УК РФ в случае перехода грани от простого сотрудничества к действиям, что влечет двойную ответственность по ст. 275 и 275¹ УК РФ [3]. Примерно такого же мнения придерживаются другие авторы, указывая, что фактически установление и поддержание сотрудничества во враждебных России целях является приготовлением к государственной измене и должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 30 и ст. 275 УК РФ [4].

По мнению А. Г. Хлебушкина, ответственность по ст. 275.1 УК РФ наступает исключительно за факт установления и поддержания определенных конфиденциальных контактов и не охватывает фактическое оказание помощи иностранному государству [5], то есть криминализируется сам сговор, а, соответственно, любое активное действие, направленное во исполнение этого сговора, образует состав преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, – государственную измену. Данное мнение представляется обоснованным, вместе с тем автор не дает ответа на вопрос, насколько длительным и результативным должно быть поддержание такого сотрудничества, поскольку диспозицией статьи предусмотрено не только установление факта отношений сотрудничества гражданина Российской Федерации на конфиденциальной основе с представителем иностранного государства, но и поддержание таких отношений в целях оказания содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что законодатель не так узко трактовал положения данной нормы и не ограничивался одним лишь фактом установления сотрудничества. Как минимум, речь в данной норме идет о делящемся либо продолжаемом преступлении.

* URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8> (дата обращения: 01.12.2024).

Кроме того, возвращаясь к нашему тезису о дополнительной квалификации действий иностранных агентов, привлекаемых по ч. 3 ст. 330¹ УК РФ, также и по ст. 275¹ УК РФ, следует обратить внимание на то, что законодатель в целом не разграничивает иностранные источники, под влиянием которых действует виновное лицо. Так, в ст. 275¹ УК РФ, как и в ст. 3 Закона об иностранных агентах, к которому отсылает статья 330¹ УК РФ, перечислены одни и те же иностранные субъекты. При этом, если даже брать за основу точку зрения о том, что ответственность по ст. 275¹ УК РФ наступает только за факт установления и поддержания сотрудничества без активных действий, то можно ли считать, что получение денежных средств и иных благ от иностранного источника в рамках поддержания конфиденциального сотрудничества можно расценивать как иностранное влияние применительно к иностранным агентам? Да, допустим, виновное лицо, установив такой контакт, не выполняет объективную сторону государственной измены, но при этом активно участвует в политической деятельности против безопасности Российской Федерации под обещание в будущем получить материальные блага. Достаточно ли установления данного обстоятельства для признания этого лица действующим под контролем или влиянием иностранных организаций? На наш взгляд, вполне. И это еще один довод в поддержку тезиса о дополнительной квалификации действий иностранных агентов по ст. 275¹ УК РФ.

Безусловно, мы не являемся сторонниками излишней криминализации деяний и в целом согласны с позицией о необходимости гуманизации правосудия, поддерживаемой большинством представителей академического сообщества. Вместе с тем в вопросах национальной безопасности, в том числе в период сложного де-факто военного времени, считаем необходимым частичное повышение репрессивности уголовного судопроизводства. Обусловлен данный вывод тем, что уголовный закон как один из наиболее действенных инструментов борьбы с преступностью может быть использован законодателем не только после изучения причин и условий различного вида преступности, как это обычно происходит в мирное время, но и применяться в превентивных целях. Например, как это было применено законодателем к уголовной ответственности за фейки об армии, призывы к свержению власти (ст. 280³, 280⁴ УК РФ) или переход на сторону противника (ст. 275 УК РФ).

Согласно сведениям Минюста России, по состоянию на 30 ноября 2024 г., в Реестре перечислено 892 иностранных агента, более половины из которых – физические лица*. Анализ деятельности некоторых лиц, привлеченных сначала к административной, а затем и к уголовной ответственности, свидетельствует о том, что законодательство об иностранных агентах является правильной мерой. Многие лица после однократного привлечения к уголовной ответственности не допускают повторных и следующих нарушений, о чем свидетельствует единичное количество судебных решений по ст. 330¹ УК РФ. Таким образом, превентивную функцию данная норма выполняет.

Дополнительная ответственность по ст. 275¹ УК РФ, которую, по нашему мнению, должны нести иностранные агенты, следует ввести также и потому, что, совершая указанные преступления, их субъекты преследуют одни и те же цели и мотивы, направленные против государственной безопасности. Действуя в интересах иностранного правительства, субъект может и не совершать активных действий, а проявлять свою лояльность и преданность в поддержании установленного конфиденциального сотрудничества. В целом и деятельность иностранных агентов изначально не предполагает, что она будет явной, то есть фактически она такая же конфиденциальная. Лицом скрывается источник иностранного влияния, финансирования и иной заинтересованности, ложно преподносится политическая и иная деятельность якобы в интересах Российской Федерации.

* Реестр иностранных агентов. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-29112024.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).

Таким образом, представляется, что в случае доказанности факта установления и поддержания конфиденциального сотрудничества с иностранным государством против интересов России, факт включения данного лица в Реестр иностранных агентов может иметь преюдициальное значение. Это еще раз подчеркивает взаимосвязь признания влияния иностранного источника на деятельность лица вопреки безопасности государства.

На наш взгляд, статус иностранного агента наполнен различным содержанием, это означает, что последствия от действий одного иностранного агента не равнозначны последствиям от действий другого. Соответственно, и при объективной очевидности сотрудничества лица с иностранным государством должна иметь место специальная ответственность, а именно статья 275¹ УК РФ.

Кроме того, необходимо отметить оговорку законодателя применительно к ст. 275¹ УК РФ в описании преступного деяния, предусмотренного ст. 284³ УК РФ, – оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов. В частности, речь идет о содействии в уголовном преследовании должностных лиц либо военных Российской Федерации, где законодатель специально оговорил случаи наступления ответственности при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 275, 275¹, 276 УК РФ, что, по справедливому замечанию П. А. Скобликова, является отрицательным признаком преступления и сделано для устранения возможной конкуренции уголовно-правовых норм [6]. То есть в вышеуказанном составе преступления специально оговорено, что содействие в исполнении таких решений не предполагает обязательного факта сотрудничества с иностранным государством. Однако в случае обратной ситуации, при наличии признаков ст. 275¹ УК РФ, ответственность за оказание содействия в уголовном преследовании должностных лиц России не наступит по ст. 284³ УК РФ, а ограничится только ст. 275¹ УК РФ. При этом содействие в уголовном преследовании является активным действием, а не только лишь фактом установления и продолжения сотрудничества, что позволяет возразить мнению А. Г. Хлебушкина об обратном.

Конфиденциальное сотрудничество с иностранными источниками (государствами, организациями) теоретически подпадает под определение деятельности иностранного агента по следующим основаниям.

1. Сущность иностранного влияния (ст. 3 Закона об иностранных агентах): закон определяет иностранного агента как лицо, получающее поддержку (включая финансирование и имущество) и находящееся под иностранным влиянием. Конфиденциальное сотрудничество, по определению, предполагает скрытый характер отношений, получение указаний, ресурсов (финансовых, материальных, информационных) или иных благ от иностранного источника. Сам факт такого сотрудничества создает отношения зависимости и контроля, формируя то самое иностранное влияние, под которым действует агент. Даже если конкретные поручения еще не отданы, ожидание будущих благ уже влияет на мотивацию и потенциальные действия лица в интересах источника.

2. Критерий контроля или иного воздействия: закон использует формулировку «находится под контролем или иным воздействием иностранного источника». Конфиденциальное сотрудничество, особенно подкрепленное получением ресурсов, является классической формой «иного воздействия». Оно создает обязательства, ожидания и лояльность по отношению к иностранному источнику, что прямо влияет на деятельность лица в России, потенциально направляя ее в русло, выгодное иностранному источнику и не обязательно совпадающее с интересами России.

3. Деятельность как следствие влияния: статус иностранного агента присваивается не только за конкретные действия, но и за саму ситуацию получения поддержки и нахождения под влиянием, которая создает потенциал для осуществления деятельности в интересах иностранного источника. Конфиденциальное сотрудничество есть та самая ситуация, соз-

дающая основу и мотивацию для последующей деятельности (политической, информационной, иной), требуемой законодательством о регистрации. Сам факт сокрытия сотрудничества и источников финансирования/поддержки уже свидетельствует об осознании лицом его значимости и потенциального конфликта интересов, что и является поводом для законодательного регулирования.

4. Целевая направленность против безопасности (применительно к ст. 275¹ УК РФ): в контексте ст. 275¹ УК РФ конфиденциальное сотрудничество криминализируется именно тогда, когда оно заведомо направлено против безопасности Российской Федерации. Теоретически, лицо, вступающее в такое сотрудничество, сознательно ставит себя в положение, где его будущая деятельность будет определяться интересами иностранного источника, враждебными России. Эта потенциальная деятельность, обусловленная самим фактом конфиденциального сотрудничества с враждебными целями, и является деятельностью под иностранным влиянием в его наиболее опасной форме, требующей уголовно-правовой реакции, помимо регистрационных обязанностей.

Таким образом, с теоретической точки зрения конфиденциальное сотрудничество с иностранным источником, особенно если оно сопряжено с получением поддержки и заведомо направлено против безопасности Российской Федерации, образует основу статуса иностранного агента, создавая отношения влияния, контроля и обязательств, которые определяют или могут определить деятельность лица в Российской Федерации вопреки ее интересам. Это влияние является скрытым (конфиденциальным) по своей природе, что полностью соответствует логике законодателя, стремящегося сделать такое влияние прозрачным через институт иностранных агентов.

Позиция о необходимости привлечения к уголовной ответственности по совокупности ч. 3 ст. 330¹ и ст. 275¹ УК РФ, в случаях сбора военных сведений иностранным агентом, представляется весьма обоснованной и может быть усилена следующими аргументами.

1. Единство родового и непосредственного объекта: обе статьи охраняют безопасность государства как основной объект уголовно-правовой защиты. Часть 3 ст. 330¹ УК РФ прямо указывает на возможность использования собранных сведений против безопасности России. Статья 275¹ УК РФ криминализирует сотрудничество, заведомо направленное против безопасности Российской Федерации. Таким образом, действия виновного посягают на один и тот же основной охраняемый интерес, но с разных сторон: ч. 3 ст. 330¹ УК РФ – через уклонение от обязанностей и одновременно сбор опасных сведений, ст. 275¹ УК РФ – через сам факт конфиденциального сотрудничества с враждебными целями.

2. Сходство субъектного состава и источника влияния: и статья 275¹ УК РФ, и статья 3 Закона об иностранных агентах (к которому отсылает ст. 330¹ УК РФ) определяют круг иностранных источников практически идентично: иностранные государства, их органы, иностранные организации, уполномоченные лица. Конфиденциальное сотрудничество с любым из этих источников, если оно направлено против безопасности России, подпадает под ст. 275¹ УК РФ. Сбор военных сведений для такого источника (как это предусмотрено ч. 3 ст. 330¹ УК РФ) логически является частью или следствием этого сотрудничества.

3. Отсутствие законодательной оговорки о конкуренции: диспозиция ч. 3 ст. 330¹ УК РФ содержит указание на ответственность при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 275, 276 УК РФ. Значимое отсутствие упоминания ст. 275¹ УК РФ в этой оговорке законодателя прямо свидетельствует о том, что данная норма не рассматривается как исключаящая квалификацию по совокупности со ст. 275¹ УК РФ. Это не препятствие, а основание для применения обеих статей.

4. Превентивная целесообразность: квалификация по совокупности точнее отражает полноту общественной опасности деяния: лицо не только уклоняется от обязанностей иностранного агента и собирает опасные сведения (ч. 3 ст. 330¹ УК РФ), но и изначально действует

в рамках конфиденциального сотрудничества с иностранным источником против безопасности Российской Федерации (ст. 275¹ УК РФ). Такая квалификация усиливает превентивный потенциал уголовного закона, адекватно реагируя на специфику угроз в сфере государственной безопасности.

5. Дополняющий характер объективной стороны: объективная сторона ст. 275¹ УК РФ – установление и поддержание отношений конфиденциального сотрудничества. Объективная сторона ч. 3 ст. 330¹ УК РФ – конкретное действие (целенаправленный сбор определенных сведений), совершенное в статусе иностранного агента, который часто является следствием или формой такого сотрудничества. Эти деяния не поглощают друг друга, а дополняют, формируя реальную совокупность.

В качестве альтернативы можно было бы рассмотреть введение квалифицирующего признака в ст. 330¹ УК РФ, прямо указывающего на совершение деяния в рамках конфиденциального сотрудничества с иностранным государством/организацией против безопасности России (по аналогии с целями ст. 275¹ УК РФ). Однако это потребовало бы внесения изменений в УК РФ, тогда как предложение о совокупности основано на действующем законодательстве и его системном толковании. Квалификация по совокупности является более оперативным и уже доступным правоприменителю решением, адекватно отражающим повышенную опасность деяний, сочетающих признаки обоих составов.

Список источников

1. Долгиев М. М., Долгиева М. М. Физическое лицо – иностранный агент: правовое регулирование // Lex Russica (Русский закон). 2023. № 8 (201). С. 67–76.
2. Долгиев М. М., Долгиева М. М. Защита внутренней национальной безопасности уголовно-правовыми средствами // Государство и право. 2024. № 5. С. 108–113.
3. Пономаренко Е. В., Копшева К. О. Обоснованность изменений уголовного законодательства, касающихся отдельных составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 121–126.
4. Борбат А. В., Борков В. Н., Булатов Б. Б. Начало преступления // Российский следователь. 2024. № 10. С. 21–26.
5. Хлебущкин А. Г. Квалификация сотрудничества на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией и его отграничение от государственной измены // Уголовное право. 2024. № 7. С. 58–66.
6. Скобликов П. А. Уголовная ответственность за оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 4. С. 129–141.

Информация об авторе

А. А. Долгиев – кандидат экономических наук, медиатор, член Ассоциации юристов России.

Information about the author

A. A. Dolgiev – kandidat nauk, degree in Economics, Mediator, Association of Lawyers of Russia.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 15.07.2025.

The article was submitted 04.06.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 15.07.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 61–68.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 61–68.

Научная статья

УДК 343.36

СОВЕРШЕНИЕ «НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ» КАК СПОСОБ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

Мария Андреевна Мялицына

Омская академия МВД России, Омск

myalitsynamari@yandex.ru, ORCID: 0009–0008–6332–5933

Аннотация. В статье анализируется содержание способа принуждения к даче показаний – совершение «иных незаконных действий». Автор отмечает отсутствие законодательного определения и, как следствие, неоднозначность судебной практики, что приводит к возможности признания действий, не обладающих общественной опасностью, преступными. Обосновывается, что объективная сторона принуждения к даче показаний может выражаться в форме злоупотребления или превышения должностных полномочий. Это требует отражения в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Кроме того, в разъяснениях Пленума предлагается закрепить толкование признака существенного вреда с учетом разъяснений аналогичного признака, используемого в ст. 285 и 286 УК РФ, для исключения криминализации действий, не представляющих общественной опасности.

Ключевые слова: принуждение к даче показаний, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, существенный вред в виде нарушения прав и законных интересов

Для цитирования: Мялицына М. А. Совершение «незаконных действий» как способ принуждения к даче показаний // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 61–68.

Original article

“ILLEGAL ACTIONS” AS A MEANS OF COERCING TESTIMONY

Maria A. Myalitsyna

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk

myalitsynamari@yandex.ru, ORCID: 0009–0008–6332–5933

Abstract. The article analyzes the content of the method of coercing testimony – committing “other illegal actions.” The author notes the lack of a legislative definition and, as a consequence, ambiguous judicial practice, which leads to the possibility of recognizing actions that do not pose a public danger as criminal. It is argued that the objective aspect of coercing testimony can manifest in the form of abuse or excess of official authority, which should be reflected in the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Additionally, it is proposed that the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation should provide an interpretation of the “substantial harm” criterion, taking into account explanations of a similar criterion used in Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation, to avoid criminalizing actions that do not pose a public danger.

Keywords: coercion of testimony, abuse of official authority, excess of official authority, substantial harm in the form of violation of rights and legitimate interests

For citation: Myalitsyna M. A. "Illegal actions" as a means of coercing testimony // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 61–68.

Исходя из содержания диспозиции ст. 302 УК РФ, одним из способов совершения принуждения к даче показаний является совершение «иных незаконных действий». Однако ни уголовный закон, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не содержат толкования этого способа. В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» (далее – ППВС № 20) приводятся примеры действий, которые могут быть отнесены к таковым. Например, оскорбление участников уголовного процесса, умышленное существенное нарушение установленных требований о продолжительности и об условиях проведения допроса, использование сфальсифицированных доказательств. Пленум сопровождает определение иных незаконных действий оговоркой «по смыслу уголовного закона». Как правило, подобную оговорку Верховный Суд РФ делает, когда выявить смысл закона особенно сложно, сигнализируя тем самым как о существовании серьезной проблемы толкования, так и о своем желании выявить истинный смысл уголовно-правового запрета [1, с. 36–37]. В связи с этим в юридической литературе высказывается много точек зрения относительно того, что именно включает в себя рассматриваемое понятие.

В. П. Малков определяет незаконные действия как любые безнравственные и противозаконные действия допрашивающего, направленные на получение информации от допрашиваемого [2, с. 511]. А. И. Чучаев включает в эту категорию провокационные методы, такие как использование фальсифицированных доказательств, ложные обещания, а также применение гипноза или наркотических средств [3, с. 34–45]. А. С. Михлин делает акцент на обмане, применении психотропных веществ и незаконном задержании, подчеркивая их подавляющее воздействие на волю человека [4, с. 336]. Л. В. Иногамова-Хегай дополняет перечень методами, вводящими допрашиваемого в заблуждение относительно его обязанностей, а также незаконными приемами ведения допроса, например, в состоянии гипноза [5, с. 76]. В. В. Шубин относит к иным незаконным действиям содержание арестованного лица в ненадлежащих условиях и незаконное изменение режима содержания под стражей, что создает дополнительное давление на допрашиваемого [6, с. 378]. В. Н. Борков при определении иных незаконных действий руководствуется ч. 2 ст. 9 УПК РФ и понимает под ними жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение [7, с. 91]. И. В. Дворянсков предлагает классифицировать такие действия на злоупотребление процессуальными полномочиями и на провокационные методы, включая обман и использование искусственных доказательств [8, с. 83–84].

По мнению В. А. Кудрявцева, «обещания предоставить льготы, в частности изменить меру пресечения в сторону смягчения, прекратить уголовное преследование, предоставить свидание и т. п., хотя и могут быть при наличии определенных обстоятельств незаконными, но не могут рассматриваться как принуждение путем психического насилия, так как противоречат его природе» [9, с. 50]. Автор исходит из того, что психическое насилие предполагает прямое давление на волю человека, тогда как обещание льгот, по его мнению, скорее, является манипуляцией, но не насилием.

Некоторые исследователи, анализируя понятие «иных действий», избегают их узкой конкретизации, сосредоточиваясь, прежде всего, на противоправной природе воздействия на участника уголовного процесса. В качестве ключевого критерия для квалификации таких

действий они предлагают рассматривать их способность ограничивать свободу волеизъявления потерпевшего, тем самым причиняя ущерб его охраняемым законом интересам*.

Представленные позиции демонстрируют широкий спектр подходов к пониманию «иных незаконных действий» в уголовном праве.

Слишком размытая формулировка приводит к тому, что в практической деятельности к иным незаконным действиям приравниваются действия, фактически не обладающие общественной опасностью. В одном случае грубая нецензурная брань, расцененная как оскорбление, была квалифицирована как «иные незаконные действия» по ч. 1 ст. 302 УК РФ, наравне с угрозами**. Трудно согласиться с выводами суда, который признал грубую нецензурную брань «иными незаконными действиями», направленную на принуждение к даче показаний и составляющую объективную сторону ч. 1 ст. 302 УК РФ.

В качестве другого вида иных незаконных действий в судебной практике признают предложение сотрудником органа внутренних дел потерпевшему и свидетелю изменить ранее данные показания***. Такое предложение, на наш взгляд, не содержит в себе элемента принуждения, а также не связано с компетенцией должностных лиц правоохранительных органов и не может рассматриваться как способ принуждения к даче показаний.

В ППВС № 20 к иным незаконным действиям относят оскорбление участников уголовного процесса, однако сами по себе данные способы не обладают общественной опасностью и не создают даже условий для причинения вреда законным интересам потерпевшего. Примеры судебной практики свидетельствуют, что незаконные действия, как правило, применяются в совокупности с другими способами, общественная опасность которых не вызывает сомнений, в то время как только оскорбление участника процесса и предложение изменить показания сами по себе не образуют объективной стороны данного состава.

Кроме того, оскорбление как самостоятельное деяние было декриминализовано в 2011 г., что подтверждает отсутствие общественной опасности таких действий. Также депутатами Государственной Думы РФ предпринимались попытки криминализировать оскорбление должностными лицами граждан****. Данная инициатива была отклонена. В отрицательном заключении Комитета Государственной Думы по проекту федерального закона было указано, что уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, соответственно, уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, если она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния****. Таким образом, Комитет Государственной Думы пришел к выводу, что оскорбление граждан должностными лицами не обладает достаточной степенью общественной опасности, чтобы оправдать применение мер уголовно-правовой репрессии.

* Калашникова А. А. Принуждение к даче показаний (уголовно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 73.

** Приговор Верховного суда Республики Марий Эл от 13.12. 2011 по делу № 2–22/2011. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/459544018> (дата обращения: 23.05.2025).

*** Приговор Ростовского областного суда от 06.12.2010 по делу № 2–67/2010. URL: <https://oblsud-ros.sudrf.ru/> (дата обращения: 23.05.2025).

**** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительной ответственности должностных лиц, лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации или государственные должности субъекта Российской Федерации, а равно главы органа местного самоуправления: проект федер. закона № 792837–7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/792837-7> (дата обращения: 21.05.2025).

***** По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина: постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

По мнению В. Н. Боркова, данная проблема требует комплексного подхода, включая определение четких критериев оценки существенности нарушения прав потерпевшего. Автор предлагает учитывать не только формальные признаки оскорбления, но и контекст, в котором оно было совершено, чтобы обеспечить справедливую защиту как граждан, так и авторитета власти [10, с. 75], и считает, что оскорбление может признаваться преступным только в определенных случаях.

Принуждение представляет собой подавление воли лица. Как отмечает С. В. Шевелева, «при принуждении человек избирает линию поведения, стремясь избежать неблагоприятных для себя или своих близких последствий, либо он лишен возможности избрать вариант поведения» [11, с. 68]. Также автор указывает на то, что «именно требование дать показания составляет общественно опасное деяние» [12, с. 78]. Однако деяние и способ в данном составе неразрывно связаны между собой. Большое значение в данном случае имеет способ, то есть, каким образом виновный пытается получить показания от потерпевшего. Само требование дать показания не является уголовно наказуемым деянием, а вот требование дать показания, подкрепленное угрозой, шантажом или иным незаконным действием, составляет общественно опасное деяние. В связи с этим «иные незаконные действия» необходимо рассматривать как способы воздействия на лицо, существенно ограничивающие его свободу волеизъявления.

На наш взгляд, при определении «иных незаконных действий» необходимо учитывать два важных критерия. Во-первых, являлись ли в действительности эти действия незаконными? Рассматривая этот критерий, считаем возможным обратиться к высказыванию И. А. Близнеца: «Не все, прямо законом не запрещенное, признается дозволенным, хотя дозволено не только то, что прямо разрешено законом. Между разрешенным и запрещенным всегда существует *terra incognita*, «спорная территория», отчасти в результате «недосказанности», наличия пробелов в ряде норм действующего законодательства, вступая на которую, следует придерживаться общего правила любой науки: «Сомневайся!»*. Казалось бы, что *terra incognita* имеет место быть при оценке действий сотрудников, осуществляющих предварительное расследование, однако в силу специфики отношений, возникающих в сфере правосудия, при разграничении преступного и правомерного принуждения оставление «спорных территорий» является недопустимым.

Любые действия должностных лиц, осуществляющих полномочия в рамках уголовно-процессуальной деятельности, должны быть законными. Например, в соответствии со ст. 108 УПК РФ в компетенцию следователя входит право с согласия руководителя следственного органа возбудить ходатайство перед судом об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Законность действий следователя будет оцениваться, исходя из соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и иных нормативно-правовых актов, затрагивающих вопросы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

В большинстве случаев критерий законности позволяет отделить незаконное действие от законного, однако на практике встречаются ситуации, которые попадают в зону *terra incognita*. Например, в такую зону попадает институт разрешения свиданий. С одной стороны, законом право на свидание подозреваемого (обвиняемого) отнесено на полное усмотрение следователя. С другой – рассмотренный законодательный механизм создает возможность оказания давления на заключенных под стражу и является, по сути, одним из рычагов, используемых в целях принуждения лица давать показания**.

* Близнец И. А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 36.

** Следователь может по закону и без угрозений совести запретить встречу с родственниками. URL: <https://fparf.ru/news/media/> (дата обращения: 21.05.2025).

Другой подобной ситуацией является принуждение лица дать показания путем избрания или обещания избрать определенную меру пресечения. Если у следователя нет законных оснований для избрания той или иной меры пресечения, то такие действия можно считать незаконными. Тем не менее, бывают ситуации, когда возможен выбор из нескольких мер пресечения. Такие случаи тоже являются спорными с точки зрения оценки правомерности действий сотрудников, ведущих предварительное расследование.

С точки зрения критерия законности ограничение права на свидание подозреваемого (обвиняемого) следователем в любых случаях является законным, поскольку существует единственное условие – его усмотрение. Представим, что на иждивении подозреваемого (обвиняемого) находятся больные родители и лицу необходимо свидание с близкими в целях координации процесса лечения его родителей*. Если бы следователь в представленной ситуации принуждал дать подозреваемого (обвиняемого) показания, используя в качестве инструмента манипуляции возможность предоставления свиданий с близкими родственниками, то с точки зрения законности данные действия были бы законны, поскольку единственный их критерий – это усмотрение следователя. Представляется, что такие ситуации переходят из плоскости законности в плоскость этики.

Однако критерий этичности нельзя считать достаточным для определения незаконности действий, совершение которых может влечь уголовную ответственность. Данный критерий может быть учтен только при решении вопроса о дисциплинарной ответственности. Основным и единственным критерием является законность действий.

Традиционно принуждение к даче показаний признается частным случаем превышения должностных полномочий [13, с. 16]. Однако вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в качестве способа принуждения к даче показаний путем угрозы, шантажа и иных незаконных действий выступает злоупотребление должностными полномочиями. При злоупотреблении виновный нарушает права принуждаемого в сфере уголовного судопроизводства или угрожает таким нарушениям в рамках своих полномочий. Отметим, что субъективная сторона злоупотребления должностными полномочиями дополнена корыстными и иными мотивами, которых напрямую при принуждении нет, в связи с этим речь в данной ситуации идет об объективной стороне. В свою очередь, при превышении должностными полномочиями виновный оказывает неправомерное психологическое воздействие на потерпевшего, т. е. явно выходит за пределы своих полномочий, используя свое должностное положение. Таким образом, принуждение к даче показаний является специальным видом как превышения должностных полномочий, так и злоупотребления ими (без субъективной стороны).

В связи с этим вторым обязательным критерием отнесения того или иного действия к категории «иные незаконные действия» выступает существенное нарушение прав и законных интересов граждан. В соответствии с п. 8 ППВС № 20 преступление, предусмотренное ст. 302 УК РФ, считается оконченным с момента совершения действий по принуждению к даче показаний или заключения независимо от того, были ли в дальнейшем даны соответствующие показания или заключение. Другими словами, принуждение к даче показаний является преступлением с формальным составом, что ставит под сомнение учет последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов, которое, по сути, является материальным последствием. Анализируя конструкцию состава злоупотребления должностными полномочиями, В. Н. Борков отмечает, что «существенное нарушение» характеризует не последствия, а сам способ использования полномочий, что позволяет считать состав формальным [14, с. 9]. Автор подчеркивает, что злоупотребление полномочиями нарушает публичные интересы уже в момент принятия незаконного решения. Аналогично принуждение к даче показаний подрывает основы правосудия сразу при совершении действий (например, использование

* Институт разрешения свиданий как инструмент давления на заключенных под стражу. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/> (дата обращения: 21.05.2025).

сфабрикованных доказательств в целях принуждения к даче показаний). Однако, как и в ст. 285 УК РФ, ключевым должен оставаться признак существенности нарушения прав и законных интересов. В частности, оскорбление или обман, если не оказывают влияния на потерпевшего, то не могут считаться преступлением. Это последствие должно презюмироваться для всех способов принуждения к даче показаний. Для насильственных способов принуждения к даче показаний либо путем угроз такое последствие очевидно, поэтому не требует специального указания в тексте закона.

Общественная опасность принуждения к даче показаний путем шантажа также не требует разъяснения, поскольку ППВС № 20 содержит определение шантажа и указывает на необходимость причинения существенного вреда правам или законным интересам лиц. В связи с этим вред в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан должен быть обязательным признаком принуждения к даче показаний, совершаемого путем применения иных незаконных действий.

Учитывая, что статьи 285 и 286 УК РФ и статья 302 УК РФ соотносятся между собой как общие и специальная, разъяснения, используемые для должностных преступлений, являются актуальными и для принуждения к даче показаний. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – ППВС № 19) содержит разъяснения по поводу понимания существенных нарушений прав граждан и нарушений законных интересов граждан.

Под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.). При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т. п.

Под нарушением законных интересов граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать, в частности, создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности (например, создание должностным лицом препятствий, ограничивающих возможность выбрать в предусмотренных законом случаях по своему усмотрению организацию для сотрудничества).

Указанные положения должны служить ориентиром при определении существенности вреда, причиненного путем незаконных действий. В противном случае незаконные действия, не повлекшие существенного нарушения прав и законных интересов граждан, будут рассматриваться как преступные (ст. 302 УК РФ), в то время как при злоупотреблении должностными полномочиями или их превышении они бы не образовывали состава преступления в связи с отсутствием вреда в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан.

Рассматривая вопросы квалификации незаконного применения насилия сотрудниками полиции, Е. Н. Карабанова отмечает, что содеянное квалифицируется по ст. 286 УК РФ в случае существенного нарушения прав и законных интересов потерпевшего либо охраняемых

законом интересов общества или государства. Автор отмечает, что для сотрудников полиции устанавливаются определенные правила применения физической силы, оружия и специальных средств [15, с. 51]. Несоблюдение указанных правил является превышением должностных полномочий, и, в случае существенного нарушения прав и законных интересов потерпевшего либо охраняемых законом интересов общества или государства, содеянное квалифицируется по ст. 286 УК РФ. Если превышение должностных полномочий не повлекло указанных последствий, то должностное лицо несет дисциплинарную ответственность. Например, использование водометов запрещено, если температура воздуха опускается ниже ноля градусов. Однако, если водомет был применен для подавления массовых беспорядков в условиях отрицательной температуры, но при этом никто не пострадал, то действия сотрудников полиции не образуют состава преступления по ст. 286 УК РФ [16, с. 736].

Таким образом, последствие в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан должно быть закреплено в качестве признака иных незаконных действий. К существенному нарушению прав и законных интересов граждан в контексте ст. 302 УК РФ следует отнести: причинение вреда деловой репутации, разглашение личной, банковской, семейной тайны лица, упущенную выгоду (например, увольнение с работы, сорванная сделка и т. д.), незаконное заключение под стражу и т. д. Такой подход позволит отграничить преступления от иных действий, не обладающих общественной опасностью.

Отметим, что только при наличии двух указанных признаков незаконные действия могут образовывать состав преступления. Пример: следователь Н. была осуждена по ч. 1 ст. 293 УК РФ за то, что нарушила требования уголовно-процессуального закона, не предъявив обвинение подозреваемой К. в установленный 10-дневный срок после избрания меры пресечения. В результате этого в течение определенного срока потерпевшая находилась под домашним арестом (с запретами на выход из жилья, на общение с определенными лицами и использование средств связи) без формального предъявления обвинения. Однако Верховный Суд РФ при пересмотре данного решения признал, что, хотя нарушения процессуальных норм действительно имели место быть, они существенно не задели прав потерпевшей или интересов общества и государства. Верховный Суд РФ, отменяя приговор, указал, что дисциплинарное нарушение Н. не образует уголовно наказуемого деяния. Уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления, а за Н. признано право на реабилитацию*.

Приведенный пример судебной практики показывает, что для квалификации незаконных действий должностного лица как преступления необходимо не только установление формального нарушения закона, но причинение этими действиями вреда в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан.

В свою очередь, водворение свидетеля в камеру изолятора временного содержания задержанных [17, с. 511] представляет собой уголовно наказуемое деяние, поскольку содержит оба обязательных признака незаконных действий должностного лица: формальное нарушение закона – свидетель не может помещаться в изолятор временного содержания, а также вред в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан, который выразился в ограничении свободы передвижения, в физических и психологических страданиях лица и т. д.

Таким образом, ст. 302 УК РФ необходимо рассматривать как специальную по отношению к общим нормам (ст. 285 и 286 УК РФ), это позволяет сделать вывод о том, что с точки зрения объективного выражения принуждение к даче показаний путем применения угроз, шантажа и иных незаконных действий может быть совершено в двух формах: злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий. При злоупотреблении должностными полномочиями виновный существенно нарушает права и законные интересы принуждаемого в сфере уголовного судопроизводства или угрожает такими нарушениями

* Кассационное определение № 4-УД25-2-К1 от 28.03.2025. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2452484 (дата обращения: 21.05.2025).

путем принятия процессуальных и иных решений, входящих в его компетенцию (без учета мотива). При должностном превышении полномочий он оказывает неправомерное психологическое воздействие на потерпевшего либо применяет насильственные формы принуждения, описанные в ч. 2 и 3 ст. 302 УК РФ, либо принимает решения, на которые не имеет законных оснований, и соответственно, выходит за пределы своей компетенции. Указанное представление о двух способах принуждения к даче показаний и степени его общественной опасности, достаточной для признания действий преступными, должно найти отражение в п. 7 ППВС № 20, в частности при определении иных незаконных действий. Причем уголовно противоправными должны признаваться действия, которые причиняют существенный вред правам и законным интересам потерпевшего.

Список источников

1. Костылева О. В. Похищение человека (ст. 126 УК РФ): сложности толкования и правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2020. № 4. С. 36–43.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2000.
3. Чучаев А. И. Преступления против правосудия: науч.-практ. комментарий. Ульяновск, 1999. 160 с.
4. Уголовное право / под ред. А. С. Михлина. М., 2000. 399 с.
5. Уголовное право. Особенная часть: учеб. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. Изд. второе, испр. и доп. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. 800 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Г. З. Анашкин, Х. М. Ахметшин, С. В. Бородин [и др.]. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрид. лит., 1984. 528 с.
7. Борков В. Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности: моногр. Омск: Омская академия МВД России, 2022. 180 с.
8. Дворянсков И. В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2001. 175 с.
9. Кудрявцев В. А. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний»: некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы // Евразийская адвокатура. 2017. № 1 (26). С. 42–52.
10. Борков В. Н. Ответственность представителя власти за оскорбление человека // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 3 (29). С. 70–77.
11. Шевелева С. В. Принуждение как общественно опасное деяние // Lex russica. 2017. № 12 (133). С. 68–83.
12. Там же.
13. Кудрявцев В. А. Принуждение к даче показаний (состав преступления) как обстоятельство, исключающее допустимость доказательства (вопросы теории и практики): моногр. СПб.: Санкт-Петербургский ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018.
14. Борков В. Н. Конструкция состава злоупотребления должностными полномочиями // Уголовное право. 2025. № 1. С. 9–18.
15. Карабанова Е. Н. Квалификация незаконного применения насилия сотрудниками полиции // Законность. 2020. № 11. С. 48–52.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. М., 2017. 896 с.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2000.

Информация об авторе

М. А. Мялицына – адъюнкт.

Information about the author

М. А. Myalitsyna – postgraduate.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 21.10.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication 21.10.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 69–74.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 69–74.

Научная статья
УДК 343.9

УГОЛОВНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПЕНОЛОГИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ

Артём Николаевич Дерюга¹, Николай Николаевич Дерюга²

¹ Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск

² Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Хабаровск

¹ derjuga@mail.ru

Аннотация. В статье кратко рассматриваются предметы уголовной и административной пенологии. Устанавливаются их сходные и отличительные черты. Сравниваются цели публичных наказаний, пределы процессуальной части института публичного наказания, действия субъектов назначения публичного наказания и их юридические источники. На основе этого делается вывод о невозможности объединения уголовной и административной пенологии в один предмет исследования ввиду принципиальной разницы между их отдельными предметными областями.

Ключевые слова: уголовная пенология, административная пенология, публичное наказание

Для цитирования: Дерюга А. Н., Дерюга Н. Н. Уголовная и административная пенология: соотношение предметов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 69–74.

Original article

CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE PENOLOGY: THE RATIO OF SUBJECTS

Artem N. Deryuga¹, Nikolai N. Deryuga²

¹ Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov, Khabarovsk

² Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Khabarovsk

¹ derjuga@mail.ru

© Дерюга А. Н., Дерюга Н. Н., 2025

Abstract. The article briefly discusses the subjects of criminal and administrative penology. The article establishes their similarities and differences within the scope of the subject of research, the goals of public punishments, the breadth of the procedural part of the institution of public punishment, the actions of the subjects of public punishment, and their legal sources. The article concludes that it is impossible to combine criminal and administrative penology into a single subject of research due to the fundamental difference between their separate subject areas.

Keywords: criminal penology, administrative penology, public punishment

For citation: Deryuga A. N., Deryuga N. N. Criminal and administrative penology: the ratio of subjects // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 69–74.

Качество реализации публичного наказания связано с достижением его цели – предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Такой результат считается конечным и официально установлен в уголовном (ч. 2 ст. 43 УК РФ) и административном законодательстве (например, ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ).

Однако публичное наказание само по себе достигнуть этой цели не может, т. к. санкция нормы, предусматривающей вид и меру рассматриваемого государственного принуждения, существует лишь в юридической модели, которая применяется по причине совершения правонарушения и при условии его выявления и отсутствия при этом обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу или по делу об административном правонарушении. Следовательно, достижение целей публичного наказания, установленных в законодательстве, возможно лишь при их реальном применении: в отношении тех, кто нарушил закон, путем лишения или временного ограничения их благ, в отношении всех остальных – пониманием неизбежности таких негативных последствий в случае подобного противоправного поведения. Вместе с тем многочисленные факты применения публичного наказания не ведут к достижению указанных целей.

Да, наблюдается незначительное снижение количества совершенных преступлений и административных правонарушений, однако в большей степени это вызвано не повышением эффективности действия публичных наказаний, а иными причинами, например, существенным некомплектом штатной численности сотрудников правоохранительных органов*, нахождением активной мужской части населения в зоне специальной военной операции**, снижением алкоголизации*** и т. д. В связи с этим возникает вопрос: почему публичное наказание дает низкий предупредительный эффект, проявляющийся особенно ярко на фоне достаточно высокой рецидивной преступности и повторности административных правонарушений? Значит, назначенное публичное наказание само по себе не способно достичь законодательно установленной цели. Это обуславливает необходимость исследования публичных наказаний в качестве предмета самостоятельного исследования в искусственном отрыве от нормативного и частично процессуального основания его применения.

В рамках реализации уголовной политики такая локализация процесса изучения публичных наказаний традиционно связана с уголовным правом, криминологией и уголовно-исполнительным правом. На стыке указанных наук уголовно-правового цикла рождается пенология как междисциплинарная наука, направленная на формирование знаний об эффективных формах и видах уголовных наказаний, применяемых к физическим лицам, осужденным за совершенные преступления. Кратко, предмет пенологии очерчен рамками исследования и выявления результативных целей, видов и социально-правовых и психоправовых механизмов воздействия уголовного наказания, а также совершенствования методов ресоциализации осужденных и соответствующей организации деятельности исправительных учреждений (колоний, тюрем, лечебных исправительных учреждений и, в отдельных случаях, следственных изоляторов).

* URL: <https://ria.ru/20241126/mvd-1985819253.html>

** URL: <https://ria.ru/20250918/putin-2042761713.html>

*** URL: <https://www.rbc.ru/life/news/68f736009a7947527af0abcd>

Несмотря на то, что вопросами идеального наказания задавались еще в Древней Греции, Древнем Риме, пенология не стала изучаться во всем разнообразии публичных наказаний. Даже более развитая уголовная пенология стоит лишь небольшим разделом в криминологии, а в рамках уголовно-исполнительного права проявляется в исследовании возможных средств исправления осужденных, оказания им помощи в социальной адаптации. При этом какой-либо устойчивой связи криминологии и уголовно-исполнительного права в части общих вопросов по предмету пенологии не наблюдается ни в учебных, ни в научных изданиях.

Вместе с тем это не мешает развитию пенологии в других юридических отраслях, в том числе в административном праве. Конечно, невысокая степень общественной опасности административных правонарушений обуславливает и меньшее по времени, глубине и масштабам действие наказаний за их совершение, ослабляя их возможности по частной и общей превенции. Однако это компенсируется степенью устойчивости противоправного поведения субъекта административного правонарушения, которая в общей массе также ниже. Отсюда часто случайный характер совершения административного правонарушения формирует пренебрежительное отношение к анализу эффективности административных наказаний. Это подтверждается редкими научными публикациями, касающимися предмета административной пенологии [1; 2], а также развитием административно-деликтного законодательства в исключительно утилитарной плоскости в направлении:

- максимального упрощения (ускорения) процедуры назначения (ч. 4.1 ст. 28.2, ст. 28.6, ч. 1.2 ст. 28.8, ч. 2 ст. 29.11 КоАП РФ) и исполнения (ч. 1.3, ч. 3 ст. 32.2 КоАП РФ) административного наказания;
- увеличения размеров административных штрафов по юридическим составам наиболее типичных административных правонарушений (например, ст. 12.8, 12.9 КоАП РФ);
- повышения собираемости административных штрафов*.

Между тем целью административного наказания, в том числе самого распространенного его вида – административного штрафа, является снижение количества совершаемых административных правонарушений. Следовательно, увлеченность правоохранительных органов поиском способов повышения количества выявленных административных правонарушений, а Правительства Российской Федерации – увеличением доходной части федерального бюджета, должна быть вторичной.

Учитывая единую природу уголовного и административного наказания как государственной меры принуждения, применяемой за противоправное поведение, предметы уголовной и административной пенологии также схожи, но имеют свою специфику. В целях более глубокого изучения предмета общей пенологии рассмотрим сходства и отличия его уголовного и административного направлений.

1. Предмет исследования уголовной и административной пенологии совпадает в части анализа эффективности исполнения наказаний. Однако уголовная пенология не исследует порядок его предварительного назначения, что в административной пенологии является важной частью предмета исследования. Такая разница вызвана отличием процессуальных статусов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и лица, привлекаемого к административной ответственности. При этом уголовно-процессуальные отношения носят очный характер, административно-юрисдикционные – в большей степени заочный. Последнее обстоятельство существенно снижает влияние закона и правоприменителя на формирование более-менее устойчивого отрицательного отношения административного делинквента к своему проступку. Этот аргумент усиливает тот факт, что, в отличие от преступления, административное правонарушение далеко не всегда воспринимается как очевидное зло, часто носит социально амбивалентный характер, а в некоторых случаях даже социально одобряется.

* См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». С. 53 // URL: <https://op.admhmao.ru/obshestvennoe-obsuzhdenie/>

С учетом того, что каких-либо профилактических мер после вынесения административного наказания законом не предусмотрено, живой административно-процессуальный контакт с административным делинквентом становится единственным способом влияния на его сознание и будущее поведение. К сожалению, таких возможностей становится меньше.

2. Очевидным сходством уголовной и административной пенологии является общая цель соответствующих видов наказаний, которая направлена на снижение преступлений и административных правонарушений. Однако законодательно установленные цели уголовного наказания имеют более широкую направленность: вовне – на общественную среду, восстанавливая социальную справедливость, и вовнутрь – на конкретного человека, исправляя осужденного.

Отличия в целях уголовного и административного наказания не случайны и объясняются разницей в степени общественной опасности преступлений и административных правонарушений. В силу этого признака преступления считаются более резонансными, чем административные правонарушения, и, значит, требуют особых способов его «гашения» в общественной среде, а лица, совершившие преступления, в отличие от типичного административного делинквента, во многих случаях обладают более выраженным антиобщественным мировоззрением. Это подтверждается наличием в уголовном праве категорий преступлений – небольшой и средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие, напрямую связанных со сроками лишения свободы (ст. 15 УК РФ) и временем снятия судимости после отбывания наказания (ч. 3 ст. 86 УК РФ). Таким образом, с пенологической точки зрения наблюдается следующая цепочка. Более выраженное антиобщественное мировоззрение проявляется в более тяжком преступлении и, значит, требует более сурового наказания для восстановления социальной справедливости, а для исправления осужденного – и более длительного времени погашения судимости.

В административной пенологии эта цепочка другая. Отсутствующее или слабо выраженное антиобщественное мировоззрение проявляется в случайных или умышленно спонтанных административных правонарушениях, степень общественной опасности которых настолько мала, что часто они остаются незамеченными, а в иных случаях не вызывают сколько-нибудь серьезного внимания и общественного резонанса, поэтому не требуют исправления административного делинквента и восстановления социальной справедливости.

3. Повышение эффективности публичного наказания реализуется на практике только одним путем – изменениями и (или) дополнениями в закон. Высокая нормативная правовая систематизация источников административной и уголовной пенологии достигается кодифицированными законами. Анализ УК РФ и КоАП РФ показал общие подходы к закреплению понятий и принципов уголовной и административной ответственности, системы, видов и правил назначения соответствующих наказаний. К отличиям можно отнести институт соучастия в противоправном деянии (гл. 7 УК РФ) и стадий его совершения (гл. 6 УК РФ), которые регулируются исключительно нормами УК РФ. Отсутствие этих институтов в КоАП РФ не означает, что в реальности административные правонарушения не совершаются группой лиц или их не предупреждают на стадии приготовления или покушения. Напротив, практика показывает значительное количество таких правонарушений. Вызвано это, как минимум, двумя причинами. Первая связана с невысокой степенью общественной опасности любого административного правонарушения, в том числе совершаемое в составе группы лиц, по поводу чего законодатель счел необходимым ввести лишь отягчающий признак (п. 4 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ). По поводу выявленных фактов приготовления или покушения на административное правонарушение правоохранительные органы ограничиваются лишь устным предупреждением о недопустимости противоправного поведения в рамках профилактической беседы. Вторая причина связана с необходимостью максимально оперативного разрешения дела об административном правонарушении, количество которых в сотни раз больше преступлений.

При этом данная работа для органов административной юрисдикции не является единственной функцией, которая, как правило, вытекает из другой – государственного или муниципального надзора в социально значимой сфере.

Кроме материально-правовых норм в основу предмета исследования уголовной и административной пенологии входят и процессуальные нормы. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации регулирует порядок и условия исполнения уголовных наказаний, направленных на исправление осужденных, на предупреждение совершения ими и другими лицами новых преступлений. Очевидно, эффективность такого результата во многом зависит от научных исследований, объединяющих знания в области права, социологии, психологии.

Вместе с тем нетрудно заметить, что процессуально-правовой аспект уголовной пенологии формируется лишь в одной стадии уголовного процесса – исполнения уголовного наказания. Интерес административной пенологии находится на этой и более ранней стадии административно-юрисдикционного процесса – рассмотрения и принятия решения по делу об административном правонарушении. Важность этой стадии в административно-пенологических исследованиях вызвана необязательностью очного участия в нем лица, привлекаемого к административной ответственности, что зависит от воли правоприменителя*. В большинстве случаев это лишает должностных лиц, рассматривающих дело, возможности лично повлиять на поведение лица, привлекаемого к административной ответственности, до и в момент вынесения постановления о назначении административного наказания. В уголовном процессе это исключено, т. к. заочное участие подозреваемого, обвиняемого и подсудимого в уголовном процессе по закону невозможно (ст. 241¹ УПК РФ).

4. Началом физического проявления публичного наказания является момент его назначения. Санкция юридической нормы из слов превращается в реальную неизбежность больших или малых перемен в жизни правонарушителя. Происходит это путем объявления приговора по уголовному делу или постановления по делу об административном правонарушении лицом, уполномоченным законом рассматривать соответствующее дело и принимать по нему решение. В уголовном процессе это только судья. В административно-юрисдикционном процессе кроме судьи такими полномочиями обладает еще около восьми десятков органов и должностных лиц (гл. 23 КоАП РФ). Какое значение это имеет для пенологических исследований? Дело в том, что судья – единственный из многочисленных субъектов юридического процесса, кто не имеет права осуществлять профессиональные полномочия вне процессуальных рамок, установленных законодательством. Этот вывод основан на достаточно жестких требованиях к профессиональной деятельности судьи, установленных в Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодексе судейской этики от 19 декабря 2012 г.** Следовательно, какие-либо действия на стадии принятия решения по уголовному делу или делу об административном правонарушении могут осуществляться судьей только тогда и в том объеме, которые установлены законом. Напротив, органы административной юрисдикции, их должностные лица свободны от этого законодательного императива. Более того, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» лишний раз подчеркивает исключительность профилактических полномочий правоохранительных органов. Статья 5 этого закона судей в данную категорию не включает. Возникает вопрос: почему бы в этой части не дополнить или изменить закон? Но все дело в том, что главное предназначение суда – объективное и беспристрастное разбирательство дела, а не противодействие преступности или административной деликтности.

* Исключением являются лишь те дела, по которым предусмотрено наказание в виде административного ареста или административного выдворения за пределы Российской Федерации. В этих случаях участие лица, привлекаемого к административной ответственности, только очное.

** Кодекс официально опубликован не был.

Ценность этого утверждения вызвана доказательством еще одного отличия предметов уголовной и административной пенологии. Уголовно-пенологические исследования лишены возможности поиска повышения эффективности уголовного наказания на стадии его назначения, т. е. во время и сразу после объявления приговора. Конечно, это также касается и дел об административных правонарушениях, разрешаемых судьями. Однако их количество незначительно в соотношении с теми, что рассматриваются органами административной юрисдикции. Административно-пенологические исследования деятельности органов административной юрисдикции во время вынесения, оглашения и вручения постановления являются перспективными с точки зрения повышения эффективности назначаемого административного наказания.

5. Юридические источники уголовной и административной пенологии вытекают из одной группы права – публичного, в основе которого лежит императивный метод регулирования общественных отношений. К тому же, сходство наблюдается в систематизации законодательства, основанного на кодификации (УК РФ, УПК РФ, УИК РФ, КоАП РФ). Вместе с тем наблюдается частичная разница по юридической силе и территории действия законов. Это связано с отраслевыми особенностями уголовного и административного права. Уголовное право, согласно ст. 71 Конституции РФ, находится в исключительном ведении Российской Федерации. Административное право, согласно ст. 72 Конституции РФ, находится в сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Это означает право субъектов Российской Федерации принимать свои законы, предусматривающие административную ответственность*. Следовательно, административная пенология включает в предмет своего исследования региональные аспекты эффективности административных наказаний.

Итак, сравнительный анализ уголовной и административной пенологии доказывает их близкую природу, но не настолько тесную, чтобы объединить их в один предмет исследования. Это означает, что уголовная и административная пенология должны развиваться самостоятельным путем, обогащая друг друга там, где это служит цели публичного наказания.

Список источников

1. Старилов Ю. Н. [Рецензия] // Государство и право. 2004. № 7. С. 114–115. Рец. на кн.: Максимов И. В. Административные наказания: понятие, правовое содержание и их система / под общ. ред. Н. М. Кониной. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 204 с.
2. Дерюга А. Н., Дерюга Н. Н. Правовой контур административной пенологии: проблемы современного состояния // Административное право и процесс. 2018. № 2. С. 37–42.

Информация об авторах

А. Н. Дерюга – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры;

Н. Н. Дерюга – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры.

Information about the authors

A. N. Derjuga – Doctor in Law, Associate Professor, professor of the Department;

N.N. Derjuga – Doctor in Law, Professor, professor of the Department.

Статья поступила в редакцию 09.11.2025; принята к публикации 09.11.2025.

The article was submitted 09.11.2025; accepted for publication 09.11.2025.

* Например, Кодекс Хабаровского края об административных правонарушениях от 24 июня 2009 г. № 256 // Собр. законодательства Хабаровского края. 2009. № 7 (84). Ч. 1.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 75–80.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 75–80.

Научная статья

УДК 343.58

КРИТЕРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Наталья Александровна Ольховникова

Юго-Западный университет, Курск

Аннотация. Проявление жестокости к животным характеризует уровень нравственного развития общества. Проблема данного вида преступного поведения далеко не ограничивается рамками зоозащитной тематики, на первый план выходит проблема охраны общественной нравственности, являющейся отражением на массовом уровне нравственности индивидуальной. Автором предпринята попытка определить критерии общественной опасности жестокого обращения с животными, исходя из социально-правовой сущности и места данного деяния в системе преступности. Установлено, что жестокое обращение с животными необходимо рассматривать в непосредственной взаимосвязи с иными проявлениями насилия, а также с иными формами общественно опасного поведения, это придает проблеме жестокого обращения с животными выраженную криминологическую значимость и определяет параметры общественной опасности данного вида преступного поведения.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, общественная нравственность, гуманизм, психическое и нравственное развитие человека, насилие, насильственная преступность

Для цитирования: Ольховникова Н. А. Критерии общественной опасности жестокого обращения с животными // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 75–80.

Original article

CRITERIA FOR THE PUBLIC DANGER OF CRUELTY TO ANIMALS

Natalia A. Olkhovnikova

Southwestern University, Kursk

Abstract. The manifestation of cruelty to animals characterizes the level of moral development of society. The problem of this type of criminal behavior is far from limited to the scope of animal protection issues, the problem of protecting public morality, which is a reflection on the mass level of individual morality, comes to the fore. The author has attempted to determine the criteria for the public danger of cruelty to animals, based on the socio-legal nature and place of this act in the crime system. It has been established that animal cruelty must be considered in direct connection with other manifestations of violence, as well as with other forms of socially dangerous behavior, which gives the problem of animal cruelty a pronounced criminological significance and determines the parameters of the social danger of this type of criminal behavior.

Keywords: cruelty to animals, public morality, humanism, mental and moral development of man, violence, violent crime

For citation: Olkhovnikova N. A. Criteria for the public danger of cruelty to animals // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4(73): 75–80.

Преступные деяния, связанные с жестоким обращением с животными, представляют собой значительную общественную опасность, поскольку нарушают требования нравственности и морали, установленные в обществе, порождают агрессию и насилие в отношении окружающих. Современные исследования подтверждают, что в большинстве случаев жестокое обращение с животными характеризует состояние нравственной деградации и в дальнейшем может привести к совершению более тяжких преступлений [1]. Общественная опасность данного преступления возрастает в случае жестокого обращения с животными среди несовершеннолетних, распространения в сети Интернет информации и видеоматериалов с изображением таких действий, а также деятельности целых групп лиц, объединенных ненавистью к животным (догхантеры). Такие действия негативно влияют на психику людей, особенно детей, формируют определенные паттерны их аморального поведения.

Жестокое обращение с животными за последние годы достигло значительных масштабов и проявляется в различных сферах. Помимо того, что животные являются объектом избиений или истязаний, они используются в различного рода соревнованиях, где погибают или получают тяжелые увечья (собачьи, петушиные бои и пр.), над ними проводятся многочисленные исследования и испытания. Также в настоящее время все еще имеет место использование животных в культурно-зрелищных целях (контактные зоопарки, передвижные цирки, производство фото- и видеопродукции, демонстрация в зоомагазинах и т. д.) с нарушениями установленных требований к их содержанию и/или использованию.

В уголовном законодательстве установлена ответственность за жестокое обращение с животными в целях причинения ему боли и (или) страданий, а равно из хулиганских побуждений или из корыстных побуждений, повлекшее его гибель или увечье (ст. 245 УК РФ). Жестокое обращение с животными законодателем отнесено к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ).

Большинство ученых считают обоснованным отнесение жестокого обращения с животными к преступлениям против нравственности, конкретно такого ее вида, как общественная нравственность. Например, Р. Б. Осокиным приводится понятие общественной нравственности как этико-философской категории – «исторически выработанная социумом и господствующая в общественном сознании совокупность публичных этических норм, принципов и ценностей, носящая надындивидуальный характер и оказывающая существенное влияние на поведение всех индивидуальных и коллективных субъектов»*. То есть общественная нравственность рассматривается в широком смысле, затрагивая все сферы жизни человека и общества. При этом автор разделяет точку зрения других ученых в том, что спецификой уголовно-правовой трактовки общественной нравственности следует считать ее «усеченность» – «определенная часть общественных отношений в сфере обеспечения конкретных нравственных норм, регулирующих отдельную сферу жизнедеятельности личности или общества»**.

* Осокин Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 12.

** Торосян Р. В. Преступления против общественной нравственности: вопросы криминализации, систематизации и законодательного описания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д, 2012. С. 13.

В качестве таких сфер общественной жизни, выступающих объектом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, Р. В. Торосян выделяет «общественную нравственность в сфере взаимоотношения людей с иными представителями живой природы»*, а Р. Б. Осокин указывает на «общественную нравственность в области гуманного обращения с животными»**.

Выделение общественной нравственности в сфере гуманного обращения с животными как непосредственного объекта жестокого обращения с животными поддерживают и иные ученые, аргументируя это тем, что данное преступление посягает на общественную нравственность, «обуславливающую необходимость гуманного отношения человека к животному» [2], «которая связана со взаимоотношением человека с животными, с проявлением гуманности к последним» [3].

По мнению П. А. Филипова, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, являются «общественные отношения, обеспечивающие соблюдение нравственных норм, запрещающих безосновательное (незаконное) причинение насилия в отношении животных» [4]. Есть и другие точки зрения относительно непосредственного объекта анализируемого преступления. Например, называется «совокупность общественных отношений, сложившихся в сфере обращения человека с животными и характеризующихся надлежащим (допустимым) отношением к животным»***; «общественные отношения, обеспечивающие гуманное отношение к животным как одному из основных элементов окружающей среды» [5].

Кроме того, в юридической литературе в качестве дополнительного непосредственного объекта выделяют жизнь и здоровье животного [6], а также имущество, поскольку в силу ч. 1 ст. 137 Гражданского кодекса РФ к животным применяются общие правила об имуществе [7]. Ряд авторов в качестве факультативного объекта выделяют экологические отношения, а также общественные отношения, обеспечивающие благоприятные условия нравственного развития несовершеннолетних [8; 9].

Некоторые ученые обращаются к сравнительному анализу зарубежного законодательства и приходят к выводу о целесообразности выделения в УК РФ в отдельные составы оборот материалов с изображением жестокого обращения с животными; сексуальное насилие в отношении животного; организацию боев животных или систематическое предоставление помещений для проведения боев животных [10].

Правильное установление непосредственного объекта жестокого обращения с животными позволяет решить широкий спектр вопросов, связанных с раскрытием социальной сущности данного преступления, с определением характера и степени его общественной опасности.

Исторический анализ становления уголовной ответственности за жестокое обращение с животными позволяет установить, что изначально соответствующий уголовно-правовой запрет устанавливался с целью защиты права собственности, а также интересов хозяйственной деятельности, объектами которых выступали животные. Тенденции же развития современного отечественного уголовного законодательства, направленного на защиту животных от жестокого обращения, определяются тем, что «современные социальные предпосылки ответственности за рассматриваемые деяния в российских реалиях продиктованы расширением принципа гуманизма в сфере уголовно-правовых отношений» [11], кроме того, «охрана животных, выступающих предметом преступления, стала рассматриваться как одна из форм защиты нравственных ценностей» [12].

* Торосян Р. В. указ. соч.

** Осокин Р. Б. Указ. соч. С. 13.

*** Мирошниченко В. С. Жестокое обращение с животными (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 15.

В юридической литературе высказываются различные мнения относительно места жестокого обращения с животными в системе преступности. Так, например, Ю. М. Антонян данное явление относит к насильственной преступности [13, с. 55], И. А. Кудрявцев и Н. А. Ратинова – к криминальной агрессии [14, с. 57]. Мы поддерживаем позицию Ю. М. Антоняна. Выступая крайней формой проявления агрессии, насилие имеет глубинную антропологическую природу и является одной из констант существования и социокультурной эволюции человечества, оно не уходит из жизни человечества, трансформируются только формы и способы его актуализации. Интенсивность и вариативность проявления насилия в социуме непосредственно связаны с различными потрясениями и переломными моментами в его жизни [15].

Учитывая взаимосвязь жестокого обращения с животными с иными проявлениями насилия, проблема данного вида преступного поведения далеко не ограничивается рамками узконаправленной «зоозащитной» тематики, на первый план выходит проблема охраны именно общественной нравственности, являющейся отражением на массовом уровне нравственности индивидуальной. Междисциплинарные исследования выявили устойчивую связь жестокого обращения с животными с насилием в отношении близких лиц, а также с иными формами общественно опасного поведения. Ученые обращают внимание на то, что между жестокостью в отношении к животному и жестокостью, перенесенной обладателем такого свойства личности на членов и объекты социума, имеет место корреляционная взаимосвязь [16]. Таким образом, жестокое обращение с животными обоснованно можно рассматривать как потенциальный индикатор и предпосылку межличностного насилия. Исследователи также выявили, что преступному поведению большинства лиц, совершивших различного рода насильственные преступления, предшествовало именно издевательство над животными [17]. Данное обстоятельство придает проблеме жестокого обращения с животными выраженную криминологическую значимость и определяет параметры общественной опасности данного вида преступного поведения.

При жестоком обращении с животными на индивидуальном уровне деформация нравственного развития преступника выражается в стремлении причинить животному боль, в демонстрации своего пренебрежения к обществу, нормам морали и нравственности. Самой опасной формой жестокого обращения с животными при этом является целенаправленное издевательство, совершаемое с заранее обдуманном умыслом лицом, имеющим целью получить удовольствие от причинения физической боли живым созданиям, при этом нередко используя средства фото- и видеофиксации для последующего тиражирования данной информации среди неопределенного круга лиц. Не получив надлежащей правовой оценки, жестокость приобретает более устойчивый характер и постепенно превращается в черту личности, во многом определяющую мотивацию и направленность ее поведения.

На массовом уровне проявления такого преступного поведения негативно влияют на нравственные устои общества. В связи с этим законодатель требует гуманного отношения к животным и устанавливает ответственность за жестокое обращение с ними. На законодательном уровне в качестве цели правового регулирования отношений в области защиты животных установлено «укрепление нравственности, соблюдение принципов гуманности, обеспечение безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными»*.

Последствием пренебрежения моральными принципами и неправильного восприятия традиционных ценностей являются девиантное поведение, повышенная агрессия к окружающим. Нельзя отрицать, что в настоящее время назрела потребность в укреплении духовно-нравственных основ общества, т. к. его нравственная деградация «не менее губительна, чем другие деструктивные социальные процессы» [18].

* Статья 1 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2018. № 53 (ч. 1), ст. 8424.

Следует согласиться с тем, что «жестокость по отношению к животным способствует формированию у правонарушителей чувства равнодушия к страданиям живых существ, порождает агрессивность и насилие по отношению к окружающим»*. Это оказывает влияние на сознание как лиц, непосредственно совершающих жестокие действия, так и лиц, являющихся очевидцами подобных деяний, особенно несовершеннолетних. Жестокое обращение с животными в присутствии малолетних лиц образует квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 245 УК РФ. Такое законодательное решение является обоснованным. В настоящее время одним из ключевых направлений государственной политики в области информационной безопасности детей признано пресечение фактов незаконного распространения на территории страны информации, основывающейся или оправдывающей допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающей осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным**.

На уровень общественной опасности жестокого обращения с животными непосредственно влияет демонстрация, в том числе в сети Интернет, преступных действий в присутствии нескольких лиц, которые видят и осознают это. Поэтому законодателем в ст. 245 УК РФ перечень квалифицирующих признаков преступления был дополнен таким признаком, как «публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)»***.

Подведем итог изложенному. Общественная опасность жестокого обращения с животными заключается в причинении существенного вреда или создании угрозы причинения такого вреда нравственным основам общества, которые необходимы для его нормального существования и прогрессивного развития. Непосредственным объектом данного преступления выступает общественная нравственность в части гуманного отношения к животным. Общественная опасность жестокого обращения с животными определяется негативным влиянием данного деяния на нравственные устои общества. Жестокое обращение с животными нивелирует и деформирует духовные и морально-этические ценности общества, подрывает устоявшиеся принципы нравственности, в частности принцип гуманизма, а также оказывает негативное влияние на психическое и нравственное развитие человека, прежде всего детей, способствует развитию низменных влечений и мотивации насильственного поведения.

Жестокое обращение с животными необходимо рассматривать в непосредственной взаимосвязи с иными проявлениями насилия и прочими формами общественно опасного поведения, что придает проблеме жестокого обращения с животными выраженную криминологическую значимость и определяет параметры общественной опасности данного вида преступного поведения.

Государство, осознавая общественную опасность жестокого обращения с животными, принимает необходимые меры для обеспечения защиты общественной нравственности от такого рода посягательств. Одной из наиболее эффективных мер защиты является реализация уголовно-правового запрета и привлечение к уголовной ответственности. Имеющиеся основания и условия подтверждают правильность и социальную обусловленность установления уголовно-правового запрета на жестокое обращение с животными, однако такой запрет должен соответствовать в полной мере характеру данной криминальной угрозы и ее проявлений в современном обществе.

* Мирошниченко В. С. Указ. соч. С. 3.

** Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р) // Собр. законодательства РФ. 2023. № 19, ст. 3481.

*** О внесении изменений в статьи 245 и 2581 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ.

Список источников

1. Харькова В. А. Проявление жестокости к бездомным животным как проблема современного российского общества // Журнал социологических исследований. 2018. Т. 3, № 4. С. 10–14.
2. Михеева И. Е., Суспицына Т. П., Гуттаковский Я. А. Ответственность за жестокое обращение с животными: уголовно-правовой аспект // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10. С. 174–182.
3. Бочаров Е. В. Объект и предмет состава жестокого обращения с животными // Вестник Томского государственного университета. 2013. Вып. 11 (127).
4. Филиппов П. А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 92–98.
5. Шарапов Р. Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 51–61.
6. Отбоева Р. Р. Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ (жестокое обращение с животными) // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 4. С. 120–124.
7. Бочаров Е. В. Указ. соч.
8. Филиппов П. А. Указ. соч.
9. Шарапов Р. Д. Указ. соч.
10. Асеев А. Ю., Чекмезова Е. И. Уголовно-правовая политика противодействия жестокому обращению с животными: компаративистский аспект // Вестник Югорского государственного университета. 2021. Вып. 4 (63). С. 129–139.
11. Сафонов В. Н. Жестокое обращение с животными: пределы законодательной и правоприменительной дискреции // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. материалов IX междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. СПб.: ЦНИТ «Астерион», 2022. С. 265–278.
12. Богатова Е. В. Социально-нравственные предпосылки уголовной ответственности за жестокое обращение с животными // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2. С. 226–230.
13. Антонян Ю. М. Преступная жестокость. М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 1994.
14. Кудрявцев И. А., Ратинова Н. А. Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психиатрическая оценка). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
15. Игнатов А. Н. Насилие как фундаментальный тренд эволюции человечества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 132–136; № 3. С. 153–157; № 4–2. С. 73–80.
16. Сафонов В. Н. Указ. соч.
17. Белясов С. Н. Жестокое обращение с животными: проблемы и пути их решения // Право и практика. 2018. № 3. С. 115–121.
18. Юревич А. В. Нравственная деградация как угроза национальной безопасности России // Проблемы психологической безопасности: сб. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2011. С. 25–47.

Информация об авторе

Н. А. Ольховникова – доцент кафедры административного и трудового права.

Information about the author

N. A. Olkhovnikova – associate professor of the Department of Administrative and Labor Law.

Статья поступила в редакцию 29.07.2025; одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 29.07.2025; approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 81–87.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 81–87.

Научная статья

УДК 343.9.01

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Михаил Леонидович Феденко

Московский университет «Синергия»

Rboo@Inbox.Ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, касающиеся латентной преступности. Определяются ее свойства и признаки, анализируются подходы к определению понятия преступности, выявляется соотношение понятий преступности и латентной преступности. Уделено внимание методологическим основам ее выявления и месту в структуре преступности. Затрагиваются оценочные представления о соотношении зарегистрированной преступности и латентной, анализируются ее детерминанты и оптимальные меры, посредством реализации которых возможно противодействовать латентной преступности.

Ключевые слова: преступность, латентная преступность, противодействие

Для цитирования: Феденко М. Л. Актуальные проблемы в сфере противодействия латентной преступности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 81–87.

Original article

TOPICAL PROBLEMS IN THE FIELD OF COMBATING LATENT CRIME

Mikhail L. Fedenko

Moscow University “Synergy”

Rboo@Inbox.Ru

Abstract. The article discusses issues related to latent crime. Its properties and signs are determined, approaches to the definition of the concept of crime are analyzed, the relationship between the concepts of crime and latent crime is revealed, considerable attention is paid to the methodological foundations of its detection and place in the structure of crime. The evaluative ideas about the ratio of registered crime and latent crime are touched upon, its determinants and optimal measures are analyzed, through the implementation of which it is possible to counteract latent crime.

Keywords: crime, latent crime, counteraction

For citation: Fedenko M. L. Current problems in the field of combating latent crime // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 81–87.

В отличие от зарегистрированной преступности, существование латентной преступности обусловлено возникновением не конкретных обстоятельств, делающих возможным совершение отдельно взятого преступления, а совокупности обстоятельств, характеризующих наше общество, особенности межличностных отношений, специфику государственного устройства, а также уровень правовой культуры и правосознания. В связи с этим следует определиться с тем, что понимается под преступностью как таковой и какие специфические черты присущи латентной преступности.

Так, А. В. Никитина обозначает преступность как «процесс совершаемости общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом под угрозой наказания» [1, с. 72]. Автор отмечает, что позиционирование преступности как процесса позволяет отразить ее способность взаимодействовать с социальными явлениями, отрицательно влиять на них и тормозить общественный прогресс.

Д. В. Миронов понимает под преступностью «целостное образование с присущими ему признаками и свойствами, которые определяются сложившимися отношениями между людьми на тот или иной исторический момент их развития и нравственно-правовым их урегулированием»*.

Ю. Е. Пудовочкин и М. М. Бабаев рассматривают преступность как неотъемлемую часть социальных процессов – процесса борьбы за власть, процесса экономического развития, процесса обретения национальной идентичности, процесса секуляризации культуры, процесса построения правового государства и многих иных процессов, протекающих в обществе [2].

Таким образом, под преступностью следует понимать негативный социально-правовой процесс, проявляющийся в совершении общественно опасных деяний относительно охраняемых уголовным законом общественных отношений, ценностей и благ, результатом которого является нарушение устоявшегося в обществе порядка отношений между людьми, между человеком и обществом, между человеком и государством, а также между государством и обществом, характеризующийся массовостью, системностью и устойчивостью. Как консолидирующая категория понятие «преступность» охватывает собой всю совокупность совершаемых запрещенных уголовным законом общественно опасных посягательств в (за) определенный промежуток времени.

Отметим различные подходы к классификации преступности. По признаку общественной опасности Ю. М. Антонян выделяет преступность чрезвычайно опасную, особо опасную, опасную, а также преступность, представляющую собой незначительную опасность [3]. А. В. Кулешова классифицирует преступность, опираясь на уголовно-правовую характеристику преступлений [4]:

- по субъекту преступления: совершаемые единолично и группой; совершаемые впервые и повторно; совершаемые лицами, находящимися в особом отношении с непосредственным объектом посягательства и не состоящими в таком отношении; совершаемые взрослыми преступниками и несовершеннолетними; совершаемые мужчинами и женщинами (эта классификация имеет ограниченную сферу применения и относится только к некоторым «чисто мужским» преступлениям или преступлениям, совершение которых более свойственно женщинам);

- по объекту преступления: по личности потерпевшего; по характеру непосредственного предмета посягательства; по месту расположения непосредственного предмета посягательства (по месту совершения преступления); по способам и средствам охраны непосредственного предмета посягательства;

- по объективной стороне преступления: по способу совершения преступления; способу сокрытия преступления, если оно не входит в качестве составной части в способ совершения преступления;

* Миронов Д. В. Преступность: понятие, признаки, свойства: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.

– по субъективной стороне преступления: совершенные с заранее обдуманном намерением и со внезапно возникшим умыслом.

Однако представленные классификации важны для учета отдельных видов преступности, что имеет существенное значение для определения эффективности противодействия конкретным видам преступности и задействованных при этом мер, а также для косвенной оценки общего состояния социального благополучия в обществе. В криминологии для определения уровня криминализации общества принято оперировать понятиями «коэффициент преступности» и «уровень преступности».

Коэффициент преступности определяется как соотношение фактически зарегистрированных преступлений и относительной доли населения.

$$K = \Pi \times \frac{100000}{N},$$

где K – коэффициент преступности;
 Π – число зарегистрированных преступлений;
 N – численность населения.

Уровень же преступности складывается из таких показателей, как число зарегистрированных преступлений, показатель судимости, т. е. количество вступивших в силу приговоров относительно зарегистрированных преступлений, а также количество латентной преступности [5].

Некоторые авторы коэффициент и уровень преступности рассматривают как тождественные понятия. При этом предлагают формулу расчета уровня латентной преступности [6]:

$$L = n/n_1$$

где L – коэффициент латентной преступности;
 n – число фактически совершенных деяний, содержащих признаки преступлений на определенной территории за определенный период;
 n₁ – число зарегистрированных преступлений на той же территории за тот же период.

Представляется очевидным, что латентные преступления являются важной частью криминальной сферы, что обуславливает необходимость более детального исследования указанного феномена.

Так, по мнению Н. В. Сазоновой, латентная преступность – это «часть преступности, внешне выраженная в совокупности преступлений, не вошедших в систему государственного статистического учета, характеризующаяся определенными особенностями возникновения и развития, социальным и уголовно-правовым характером, общественной опасностью, имеющая свои качественные и количественные характеристики, временные и пространственные границы»*.

Б. В. Муслов понимает латентную преступность как «объективное социально-правовое явление, имеющее свои качественные и количественные характеристики, представляющее собой совокупность общественно опасных деяний, не выявленных и не учтенных правоохранительными органами, ответственность за которые предусмотрена действующим Уголовным кодексом»**.

* Сазонова Н. В. Латентная преступность: понятие, причины, измерение: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.

** Муслов Б. В. Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

Ю. А. Шахаевым латентная преступность определяется как «единая совокупность неизвестных (неустановленных) компетентным органам и не учтенных уголовной статистикой преступлений и лиц, их совершивших, а также совокупность преступлений и лиц, их совершивших, в отношении которых не приняты законные меры реагирования и воздействия со стороны органов, осуществляющих уголовное преследование и привлечение виновных лиц к ответственности»*.

По мнению Ю. В. Торопина, латентную преступность следует рассматривать «в качестве совокупности преступлений как ранее неизвестных правоохранительным органам, в том числе и тех, о совершении которых граждане и организации в органы государственной власти, правоохранительные и судебные органы, в средства массовой информации не обращались, так и ставших фактически известными правоохранительным органам, но не нашедшими отражения в официальной уголовно-правовой статистике о преступности в силу незаконных, необоснованных или ошибочных действий должностных лиц правоохранительных и судебных органов, а также несовершенства нормативно-правового регулирования учета заявлений, сообщений о преступлениях» [7].

Таким образом, латентная преступность представляет собой составную часть общей преступности, которая в силу каких-либо причин не была выявлена правоохранительными органами либо не была ими учтена, т. е. латентная преступность включают с себя преступления, которые относятся к естественной латентности (информации об их совершении нет, в связи с чем они не попадают в поле зрения правоохранительных органов и не попадают в общий учет); относятся к пограничным ситуациям (факт совершения преступления выявляется, однако ответственными лицами правоохранительных органов в силу каких-либо причин не осознается в качестве преступного события); относятся к искусственной латентности (преступление обнаружено, характеризующие его признаки установлены, однако ответственными лицами правоохранительных органов осознанно не регистрируются в качестве преступлений).

Следует отметить, что в научных кругах существует дискуссия о том, следует ли латентную преступность выделять в принципе. На данную проблему внимание обращает А. А. Махсудова, указывая на две основные точки зрения: процессуальную и материальную [8].

В соответствии с представлением сторонников процессуального подхода, латентные преступления следует рассматривать в качестве обособленной категории, не относящейся к преступности в общем понимании. В обосновании своей позиции сторонники процессуального подхода указывают на то, что преступность с точки зрения процессуального закона возникает лишь в момент вынесения судебного решения, которым удостоверяется событие конкретного преступления и вина конкретного лица либо конкретных лиц в его совершении. Процессуальный подход признает, что хотя совершение реального преступления служит достаточным основанием для возникновения соответствующих процессуальных отношений, конечным итогом которых может стать признание совершенного общественно опасного деяния преступным, однако гарантий этого нет, ибо в силу предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством обстоятельств процессуальные правоотношения попросту могут не развиваться до указанной стадии. Таким образом, преступность сторонниками рассматриваемого подхода признается в случаях, когда преступление обнаружено, зарегистрировано, раскрыто, а виновное лицо осуждено.

Иной подход предлагают сторонники материального направления, в соответствии с которым охранительные уголовные правоотношения возникают не в момент фактического и реального привлечения к уголовной ответственности, а в момент причинения вреда охраняемым уголовным законом ценностям, благам и общественным отношениям вне зависимости от того, известно ли об общественно опасном характере совершенного деяния виновному

* Шахаев Ю. А. Противодействие латентной преступности в Республике Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

лицу, потерпевшему либо правоохранительным органам, а также вне зависимости от того, возникли ли соответствующие уголовно- процессуальные отношения в рамках уголовного преследования виновного лица. В соответствии с представлениями сторонников материального подхода преступность возникает в момент нарушения уголовного закона, в момент возникновения обязанности виновного лица понести соответствующее наказание и права общества посредством компетентных государственных органов призвать такое лицо к ответственности.

На наш взгляд, второй подход представляется более обоснованным. Необходимо понимать, что в случаях, когда деяние обладает свойством общественной опасности, содержит в себе признаки состава преступления, однако в силу каких-либо причин не раскрыто и не расследовано, а виновное лицо не привлечено к ответственности, из этого не следует, что события преступления не было, а свойство преступности совершенное деяние не обрело. В качестве примера представляется возможным выделить изнасилование несовершеннолетних лиц, которое характеризуется высоким уровнем латентности, тем не менее, нельзя при этом отрицать совершенное противоправное деяние.

В связи с этим некоторые исследователи указывают на существенное превышение показателей латентной преступности над официальными данными. Так, в исследовании Е. Ю. Астраханцевой и Е. Н. Гордеевой речь идет о превышении в 8–10 раз [9], П. А. Кривенцов полагает, что латентная преступность больше зарегистрированной в 3,5 раза*.

Применительно к отдельным категориям преступлений разница между зарегистрированной и латентной преступностью может составлять колоссальные значения. Так, по оценке Л. В. Бертовского и И. В. Глазуновой, латентные преступления в сфере экономической деятельности могут превышать показатель зарегистрированных преступлений в сотни раз [10]. По мнению А. А. Устинова, порядка 90 % всех реально совершаемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, оказываются вне поля зрения правоохранительных органов [11]. Применительно к составам преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 132, ч. 2 и 3 ст. 133 УК РФ, В. В. Колбасин называет цифру превышения латентной преступности над зарегистрированной 6,7 раза [12].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что латентная преступность представляет существенную угрозу для безопасности личности, общества и государства. Какие же мероприятия могут быть реализованы в целях противодействия латентной преступности?

Для определения эффективных мер противодействия латентной преступности, прежде всего, необходимо установить факторы, обуславливающие ее возникновение. К числу таких факторов Е. В. Шаназарова [13] относит, например: возрастающий уровень агрессии в обществе; упадок нравственности; относительно высокий уровень коррупции среди управляющего звена органов государственной и муниципальной власти, а также среди крупных организаций.

Несколько иначе к вопросу о детерминантах латентной преступности подходят М. М. Ардавов и А. В. Сурцев, выделяя в качестве таковых [14]: неверие потерпевших и свидетелей в возможность раскрытия преступления; правовой нигилизм; вероятность выявления противоправных деяний, совершенных самими потерпевшими либо свидетелями; стремление к самосуду; боязнь мести со стороны виновного (виновных) лиц; нежелание обнародования содержания событий, связанных с преступлением.

М. Н. Слепцов выделяет группы факторов, в частности [15]:

– экономические факторы (нестабильность экономики государства, безработица, низкий уровень жизни, что побуждает население действовать вне рамок закона для поиска средств к существованию);

* Кривенцов П. А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

– влияние медийного пространства. СМИ часто освещают только резонансные преступления, игнорируя огромное число преступлений небольшой и средней тяжести, а также административных проступков, что формирует среди населения ложное представление о реальной криминогенной обстановке в стране либо отдельно взятом регионе;

– проблемы миграции. Незаконная миграция, будучи самостоятельным противоправным явлением, становится также условием, способствующим развитию латентной преступности, а также формированию и укреплению теневой экономики.

Таким образом, латентная преступность обусловлена множеством факторов, охватывающих как недостатки устройства современного общества, так и реальные проблемы функционирования государственных и общественных институтов. В числе мер, направленных на предупреждение латентной преступности, В. Ю. Арзамасов, например, называет [16]: совершенствование кадровой политики в правоохранительных органах; разработку программ межведомственного взаимодействия по выявлению латентной преступности; осуществление сверки статистических данных между МВД России, Генеральной прокуратурой и Судебным департаментом; ужесточение наказания за служебные преступления; цифровизацию деятельности правоохранительных органов; эффективный внутриведомственный мониторинг в правоохранительных органах; государственный и общественный контроль за деятельностью правоохранительных органов.

В целом следует отметить, что одной из ключевых проблем противодействия латентной преступности, на наш взгляд, является наложение ранее рассмотренных условий и предпосылок к ее формированию на возрастающие темпы цифровизации общества. Посредством современных технологий злоумышленники получают возможность не только совершать преступления, относящиеся к категории латентных, но также осуществлять их планирование и управленческое сопровождение. Однако важно понимать также и то, что современные цифровые технологии предоставляют возможность и к анонимному обмену денежными и квазиденежными средствами, что является благоприятным условием для распространения коррупции, к анонимному и зашифрованному хранению данных, что может быть использовано для изготовления и распространения порнографических материалов с участием несовершеннолетних лиц, для склонения некриминальных лиц к участию в преступной деятельности, которая часто связана с распространением наркотических средств и психотропных веществ, а также для управления целыми преступными сообществами без непосредственного контакта между участвующими лицами.

В связи с этим представляется наиболее целесообразным развитие цифровых технологий, ориентированных на повышение эффективности правоохранительной функции государства и компетентных в предметной сфере органов. Они могут затрагивать контроль переводов денежных и квазиденежных средств, мониторинг подозрительного трафика, развитие цифровых систем предоставления информации о совершающихся преступлениях, процедуры легализации информации о преступлениях, предоставленной третьими лицами. Кроме того, следует также отметить, что современные мессенджеры в своих правилах закрепляют, что предоставление данных осуществляется исключительно на основании запроса, оформленного в соответствии с требованиями законодательства. На наш взгляд, принимая во внимание уровень «участия» цифровых технологий в деятельности человека, представляется целесообразным внедрение системы мониторинга, способной информировать о совершении либо попытке совершения посредством использования платформы уголовно наказуемых деяний.

Таким образом, латентная преступность представляет собой серьезную угрозу для безопасности личности, общества и государства, значительно превышая официальные показатели зарегистрированной преступности. Ее возникновение обусловлено комплексом социально-экономических, психологических и системных факторов. Эффективное противодействие требует не только совершенствования работы правоохранительных органов, но и активного

использования современных цифровых технологий для выявления, предотвращения и учета скрытых преступлений при одновременном решении глубинных социальных проблем общества.

Список источников

1. Никитина А. В. Понятие «преступности» в отражении научных тезисов о понятии и характеристике латентной преступности // Проблемы научно-практической деятельности. Поиск и выбор инновационных решений: сб. статей междунаро науч.-практ. конф. Омск, 2021.
2. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Преступность в контексте философии истории // Lex Russica. 2023. № 11 (204).
3. Антонян Ю. М. Преступность: понятие и типология // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2022. № 6.
4. Кулешова А. В. О криминалистической классификации преступлений // Юристъ-правовец. 2023. № 3 (106).
5. С. Шевелева С. В., Гребеньков А. А., Новичков В. Е. Криминология: учеб. пособие. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2011.
6. Терехов А. В., Медведева С. В., Селезнев А. В. Криминология и предупреждение преступлений: учеб. пособие [Эл. изд.]. Тамбов: Тамбовский гос. техн. ун-т, 2024.
7. Торопин Ю. В. Латентная преступность и использование ее показателей в деятельности органов внутренних дел (по материалам Центрального федерального округа) // Публичное и частное право. 2019. № 2. С. 85–106.
8. Махсудова А. А. Понятие и виды латентной преступности // Актуальные проблемы частноправового и публично-правового регулирования общественных отношений: сб. статей магистрантов / под общ. ред. С. В. Назарова. Вып. 7. СПб.: Санкт-Петербургская юрид. академия, 2021. С. 80–84.
9. Астраханцева Е. Ю., Гордеева Е. Н. Латентная преступность: состояние и проблемы выявления // Правовая мысль. 2022. № 1 (4). С. 10–14.
10. Бертовский Л. В., Глазунова И. В. Преступное нарушение правил экономической деятельности (криминалистическая характеристика) // Вестник Финансового университета. 2016. Т. 20, № 6. С. 147–155.
11. Устинов А. А. Преступность в Российской Федерации: учеб. пособие. Пермь: Пермский ин-т ФСИН России, 2015.
12. Колбасин В. В. Оценка латентности и фактического состояния насильственной сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 1 (63).
13. Шаназарова Е. В. Преступность в России и ее детерминанты // Modern Science. 2021. № 9–1. С. 75–78.
14. Ардавов М. М., Сурцев А. В. Причины и оценка латентной преступности в России на современном этапе // Право и управление. 2023. № 9.
15. Слепцов М. Н. Латентная преступность в России: причины, последствия и меры противодействия // Вестник науки. 2024. № 9 (78). С. 76–84.
16. Арзамасов В. Ю. Латентная преступность: понятие, неомогенная природа, превентивные меры // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2022. № 1 (48).

Информация об авторе

М. Л. Феденко – аспирант.

Information about the author

M. L. Fedenko – postgraduate.

Статья поступила в редакцию 07.05.2025; одобрена после рецензирования 11.11.2025; принята к публикации 11.11.2025.

The article was submitted 07.05.2025; approved after reviewing 11.11.2025; accepted for publication 11.11.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 88–94.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 88–94.

Научная статья
УДК 343.819.2

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Анастасия Сергеевна Сысоева

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород
sysoewa.nastia@yandex.ru, ORCID: 0009–0009–4539–4668

Аннотация. В представленной статье рассматриваются актуальные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих малолетних детей. Особую актуальность тема приобрела после законодательных изменений, связанных с увеличением предельного возраста содержания детей в доме ребенка при исправительном учреждении. Автором исследованы доктринальные подходы к обозначенной теме, выявлены проблемные аспекты совместного содержания осужденных женщин с детьми, особое внимание обращено на такое явление, как девиантное пенитенциарное материнство. В качестве результата аналитической деятельности автором разработан механизм консультационной, разъяснительной и психологической работы и контроля за осужденной женщиной, имеющей при себе ребенка, предложены соответствующие изменения в уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: дом ребенка, осужденная женщина, пенитенциарное материнство, исправительная колония

Для цитирования: Сысоева А. С. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих малолетних детей // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 88–94.

Original article

EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT IN RELATION TO WOMEN WITH MINOR CHILDREN

Anastasiya S. Sysoeva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod

sysoewa.nastia@yandex.ru, ORCID: 0009–0009–4539–4668

Abstract. The article examines current issues of execution of punishment in the form of imprisonment of women with young children. The topic has acquired particular relevance after legislative changes related to the increase in the maximum age for keeping children in a children's home at a correctional institution. The author has examined doctrinal approaches to the topic, identified problematic aspects of joint detention of convicted women with children, and focused on such a phenomenon as deviant penitentiary motherhood. As a result of analytical work, the author developed a mechanism for consultative, explanatory and psychological work and control over a convicted woman with a child, and proposed corresponding changes to the criminal-executive legislation.

Keywords: children's home, convicted woman, penitentiary motherhood, prison

For citation: Sysoeva A. S. Execution of punishment in the form of imprisonment in relation to women with minor children // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 88–94.

В настоящее время мы наблюдаем стремительные и серьезные изменения в пенитенциарной системе России. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 года* положила начало череде реформ. Масштабные законодательные изменения последних лет отражают политику государства по гуманизации исполнения и отбывания уголовных наказаний. Одним из направлений совершенствования пенитенциарной системы России признается улучшение условий содержания осужденных женщин.

Актуальная позиция высшего руководства страны была высказана на заседании Совета по правам человека при Президенте России в декабре 2023 года. В ответ на доклад о проблемах исполнения лишения свободы, Президент России В. В. Путин указал на возможность амнистии в отношении отдельных категорий осужденных женщин, в частности, осужденных за ненасильственные преступления и имеющих несовершеннолетних детей. В продолжение гуманистического направления, 8 марта 2024 г. Президентом России был подписан соответствующий указ о помиловании 52 осужденных женщин, преимущественно имеющих несовершеннолетних детей или находящихся в состоянии беременности**.

Дискуссионные аспекты исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин неоднократно рассматривались как в научной литературе, так и в правоприменительной практике. Вместе с тем отдельные проблемы по-прежнему не решены и требуют повышенного внимания и исследования. Одним из наиболее острых вопросов в доктрине на протяжении длительного времени остается вопрос совместного содержания осужденных женщин с малолетними детьми в доме ребенка при исправительном учреждении. Следует признать, что в целом качественно повышается уровень обеспечения совместного содержания осужденных женщин с детьми в условиях исправительного учреждения. Однако рассматриваемая сфера динамична, и принятые нормативные изменения вновь ставят на повестку дня исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих при себе детей.

* Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // Собр. законодательства РФ. 2021. № 20, ст. 3397.

** URL: <http://kremlin.ru/acts/news/73623> (дата обращения: 15.04.2025).

Правовой основой совместного содержания осужденных женщин с детьми служит статья 100 УИК РФ, в соответствии с которой в исправительных учреждениях для осужденных женщин могут организовываться дома ребенка. Их назначение состоит в создании условий для проживания и развития детей, для общения ребенка с осужденной матерью, а также для организации процесса воспитания. И здесь важны не только положения уголовно-исполнительного законодательства, но и психологические, криминологические, медицинские и иные аспекты. В настоящее время в России функционирует 10 домов ребенка при ИК для осужденных женщин*.

В 2023 г. был изменен порядок содержания детей при исправительных учреждениях в части *увеличения на год* времени их пребывания в доме ребенка. К настоящему времени дети могут содержаться с осужденной женщиной до достижения возраста четырех лет, а в случае, когда матери до окончания срока отбывания наказания осталось не более года, время пребывания ребенка в доме ребенка может быть продлено до ее освобождения.

Рассмотрение доктринальных источников позволило выявить ряд проблем совместного содержания женщин с детьми в доме ребенка при исправительном учреждении: недостаток времени для общения, воспитания и совместного времяпрепровождения, сложности в этапировании осужденных, отсутствие устойчивой психологической связи осужденной матери с ребенком, стремление к получению выгод и льгот за счет ребенка и т. д.

Все выявленные точки зрения разделены нами на три группы. Научная дискуссия разворачивается, во-первых, относительно самого факта совместного содержания осужденных женщин с детьми, во-вторых, срока совместного содержания осужденных женщин с детьми и, в-третьих, системы контроля за взаимодействием осужденной матери с ребенком. Разберемся подробнее с каждым из обозначенных аспектов.

Преимущественное большинство отечественных авторов благосклонно относятся к существованию домов ребенка при женских исправительных учреждениях. Действительно, воспитание матерью ребенка в первые годы его жизни положительно сказывается как на формировании умственных и психических способностей ребенка, так и на осужденной женщине. Основные аргументы противников функционирования домов ребенка при исправительном учреждении сводятся к следующему:

- стремление осужденных женщин к материнству не из родительских чувств, а для приобретения льгот и преимуществ в период отбывания наказания;
- дом ребенка при исправительном учреждении, какие бы благоприятные условия там ни были созданы, не является естественной средой для малолетних детей, косвенное влияние тюремной субкультуры может наложить отпечаток на психическое развитие ребенка;
- нарушение принципа справедливости, вопреки которому малолетние дети оказываются в условиях изоляции [1, с. 10];
- размытая отдаленная перспектива для ребенка: с одной стороны, достижение предельного возраста пребывания в доме ребенка вынудит передать его в специализированные организации; с другой стороны, выход из колонии вместе с матерью вовсе не обеспечивает дальнейшее добросовестное воспитание.

Рассматривая зарубежный опыт совместного содержания осужденных матерей с детьми, отметим, что отдельные страны воздерживаются от содержания малолетних детей в тюремных условиях в пользу отсрочки отбывания наказания матери. Отечественные исследователи предлагают распространить на беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в доме ребенка, практику их совместного проживания за пределами исправительного учреждения в границах муниципального образования, где расположена колония [2, с. 308].

* Об утверждении перечней лечебно-профилактических и лечебных исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы для оказания медицинской помощи осужденным: приказ Минюста РФ от 16.08.2006 № 263 // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2006. № 10.

Вместе с тем большое число женщин, осужденных к лишению свободы в России, уголовно-правовые ограничения института отсрочки отбывания наказания, ограничения совместного проживания за пределами колонии в зависимости от тяжести совершенного преступления не позволяют на сегодняшний день отказаться от домов ребенка при исправительных учреждениях. Напротив, государство стремится усовершенствовать существующий механизм, не рассматривая альтернативные варианты. Как отмечает С. В. Патрушев, сотрудниками отечественной пенитенциарной системы прилагаются значительные усилия по социальной защите и достойной медицинской помощи детям, рожденным в условиях изоляции от общества [3, с. 36].

На наш взгляд, дома ребенка при исправительных учреждениях требуют соблюдения баланса интересов ребенка, осужденной матери и государства. Приоритет охраны и защиты материнства и детства в России диктует необходимость обеспечения благополучных условий воспитания и раннего развития ребенка без его отрыва от матери. Дома ребенка при исправительных учреждениях обеспечивают такую возможность, а в перспективе способствуют ресоциализации матери и предупреждению совершения ею новых противоправных деяний. Регулярное общение осужденной женщины с ребенком, как правило, способствует ее исправлению, появлению материнских чувств.

Однако в действительности осужденные женщины часто «используют» ребенка исключительно или преимущественно для создания более комфортных условий отбывания наказания, для приобретения льгот и привилегий. Б. А. Спасенников, анализируя проблему, подтверждает использование осужденной женщиной рождения ребенка как способа приобретения льгот и послаблений в режиме, при этом материнские обязанности она игнорирует либо исполняет формально [4, с. 15]. Законодатель расширяет льготы для осужденных женщин, имеющих детей, увеличивает срок их совместного содержания, однако не разрабатывает адекватный этим мерам механизм контроля за исполнением осужденной женщиной родительских обязанностей. Такая асимметрия представляется нам необоснованной и требующей разрешения.

Следующий дискуссионный вопрос – предельный возраст пребывания ребенка совместно с осужденной матерью. Опыт зарубежных стран складывается неоднозначно, что обусловлено национальной спецификой, правовыми ограничениями, экономической целесообразностью и прочими причинами. Как указывалось выше, в 2023 г. срок совместного содержания осужденной женщины с ребенком увеличен до четырех лет с возможностью продления еще на год. Между тем первоначальный трехлетний срок пребывания ребенка с матерью в условиях уголовно-исполнительной системы был избран законодателем не случайно. Многочисленные работы по психологии свидетельствуют, что именно трехлетний срок необходим для благополучного развития ребенка вблизи матери без какого-либо неблагоприятного воздействия пенитенциарной среды. Так, А. В. Новиков небезосновательно полагает, что первые три года жизни при исправительном учреждении способствуют физическому и психологическому развитию ребенка в совокупности с медицинским обслуживанием, полноценным питанием, достаточным кругом общения. Однако более длительное пребывание становится нежелательным, поскольку ребенок оказывается замкнут в однообразной среде в окружении криминальной культуры и единообразного социума. Дальнейшее развитие ребенка потенциально будет заторможено, а личность сформируется под излишним влиянием тюремного быта и культуры [5, с. 201]. Увеличение срока пребывания детей в доме ребенка не согласуется с психофизиологическими стадиями раннего развития детей. В перспективе это может послужить причиной роста подростковой преступности со стороны детей, «родившихся за решеткой» и проживших там первые 4–5 лет своей жизни.

На наш взгляд, интересы государства в виде улучшения демографической ситуации, осужденной, обретающей особый статус в условиях исправительной колонии, и ребенка, чье здоровье и развитие следует ставить в приоритет, должны находиться в состоянии баланса. Повышение предельного возраста пребывания ребенка с осужденной матерью

мы оцениваем как позитивный шаг, направленный на более длительное формирование и укрепление психологической связи между матерью и ребенком. Вместе с тем предпринятые изменения не могут быть исчерпывающими. Полагаем обоснованным уделять внимание качественной оценке взаимодействия осужденной женщины и малолетнего ребенка. Такой вывод приводит нас к наиболее острому проблемному аспекту.

Вполне очевидно, что совместное содержание осужденной матери с малолетним ребенком благоприятно воздействует как на раннее развитие ребенка, так и на осужденную женщину, ограждая ее от дальнейшего противоправного поведения. Несмотря на обозначенные плюсы совместного содержания осужденной с ребенком, в доктрине не утихают споры относительно отклоняющегося поведения осужденной женщины, стремящейся к материнству из корыстных и низменных побуждений. В научной литературе такое явление называется «девиантное пенитенциарное материнство», для которого характерно нежелание матери выполнять родительские обязанности, психологическое дистанцирование и эмоциональное отторжение ребенка, отсутствие знаний по воспитанию ребенка и уходу за ним, стремление к приобретению льгот и привилегий в связи с наличием ребенка.

Таким образом, девиантное материнство осужденных женщин сопряжено, во-первых, с нарушением эмоционально-волевой сферы, во-вторых, с отсутствием знаний по воспитанию ребенка, в-третьих, с искаженными целями рождения ребенка.

С. В. Луговская и В. Д. Ширшов, рассматривая практический опыт пенитенциарных учреждений, подчеркивают тенденцию к формированию девиантного материнства со стороны осужденных женщин, а также приводят статистические сведения о том, что 7 из 10 женщин после отбытия наказания отказываются от ребенка [6, с. 51]. Б. А. Спасенников в одной из своих работ обращается к медико-социальным аспектам развития детей в домах ребенка при женских исправительных учреждениях. Установлено, что большинство воспитанников имеют отклонения в физическом и психическом развитии, хронические заболевания, нарушения когнитивной сферы. Отсутствие должного медицинского ухода, невнимание со стороны матерей, ограничение совместного времяпрепровождения приводят к заболеваниям дыхательной, пищеварительной, нервной систем; 5,7 % в структуре детской заболеваемости составляет ВИЧ-инфекция, 1,4 % составляют вирусные гепатиты [7, с. 99].

Многими исследователями предлагаются меры коррективки девиантного пенитенциарного материнства. В большинстве своем это программы психологического сопровождения осужденных матерей. Например, И. Б. Жислина разработала комплекс мер информационного, социально-психологического, физиологического характера на этапе беременности осужденных женщин [8, с. 270]; М. Е. Ланцбург предлагает систему психологической поддержки осужденных матерей в целях предотвращения отклоняющегося материнства [9, с. 494]; А. Л. Плотникова внедряет в деятельность пенитенциарных учреждений программу «Школа для мам и малышей», направленную, с одной стороны, на формирование материнских установок у осужденной женщины, с другой стороны, на полноценное раннее эмоциональное развитие ребенка [10, с. 54].

Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений предусматривают круг льгот хозяйственно-бытового, гигиенического, материального характера применительно к рассматриваемой категории осужденных женщин. При этом, полагаем, необходим механизм контроля за осужденными женщинами, имеющими детей в доме ребенка. Нами разработаны предложения по дополнению Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений п. 462¹, 462² следующего содержания:

462¹. В исправительных колониях для осужденных женщин, при которых имеются дома ребенка, с беременными женщинами и женщинами, имеющими при себе детей, с их согласия организовывается консультационная, разъяснительная работа и психологическое сопровождение.

Консультационная работа проводится с целью формирования знаний и умений по воспитанию и раннему развитию ребенка, разрешения индивидуальных вопросов, связанных с материнством.

Разъяснительная работа проводится в форме бесед, тренингов, лекций и в иных формах. Разъяснительная работа направлена на информирование женщин о правах и обязанностях родителей по воспитанию и образованию детей, а также об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей.

Психологическое сопровождение реализуется профессиональными специалистами-психологами и направлено на формирование устойчивой положительной связи матери и ребенка, недопущение отклоняющегося поведения матери, дальнейшее самостоятельное воспитание ребенка после освобождения из исправительного учреждения.

462². Контроль за надлежащим исполнением родительских обязанностей осужденными женщинами, имеющими при себе детей, возлагается на администрацию исправительного учреждения.

Предлагаемые меры призваны сбалансировать систему исполнения наказания в анализируемой области. Усиление контроля за добросовестностью исполнения родительских обязанностей осужденной женщиной призвано пресечь практику рождения детей исключительно ради получения льгот и привилегий. Стремление матери к общению с ребенком, заинтересованность в его благополучии и здоровье, тактильные контакты являются показателями формирования привязанности матери к ребенку, материнских установок. Такое поведение должно поощряться и одобряться.

На основании вышеизложенного необходимо определить *критерии оценки* добросовестности исполнения осужденной женщиной родительских обязанностей. Предлагаем данные критерии разделить на объективные и субъективные. К объективным критериям, на наш взгляд, должны относиться:

- установление отца ребенка, регулярное общение с ним, контакт отца с ребенком;
- регулярное общение матери с ребенком в свободное от трудовой деятельности время;
- грудное вскармливание ребенка, если это возможно по медицинским показаниям;
- забота о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка (п. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ);
- отсутствие фактов грубого обращения с ребенком, рукоприкладства, оскорбительного общения.

Субъективные критерии должны оцениваться штатными психологами в ходе бесед с осужденной женщиной по поводу ее взаимоотношений с ребенком, а также воспитателями в доме ребенка, которые наблюдают за процессом общения матери с ребенком, их взаимодействием.

Итак, в настоящее время в условиях реформы пенитенциарной системы изменения коснулись домов ребенка при исправительных колониях для осужденных женщин в части увеличения возраста пребывания детей в таких учреждениях. Среди проблем наиболее серьезной, на наш взгляд, выступает отсутствие должного контроля за добросовестностью исполнения осужденными женщинами родительских обязанностей. Предложенный механизм консультационной, разъяснительной и психологической работы и контроля позволит преодолеть трудности и минимизировать негативное влияние пенитенциарной среды на раннее развитие ребенка. В то же время добросовестное исполнение осужденной женщиной родительских обязанностей необходимо стимулировать и одобрять путем применения существующих мер поощрения. Для оценки добросовестности исполнения родительских обязанностей разработана система объективных и субъективных критериев.

Список источников

1. Музычук Т. А., Пономарев С. Б., Бурт А. А., Спасенников Б. А. Тюремная депривация в младенческом и раннем детском возрасте: постановка проблемы // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10, № 1. С. 10–15.
2. Кириллов М. А., Ильин И. В. Некоторые особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин в исправительных учреждениях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 306–309.

3. Патрушев С. В. Пенитенциарные проблемы охраны материнства и детства // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2020. № 1. С. 36–39.
4. Спасенников Б. А. Женщина и ребенок: пенитенциарный аспект // Baikal research journal. 2018. Т. 9. № 4. С. 15–21.
5. Новиков А. В., Кулакова С. В., Слабкая Д. Н. Пенитенциарное материнство: экспертное мнение, заключение и выводы // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 9А. С. 195–204.
6. Луговская С. В., Ширшов В. Д. Дом ребенка в пенитенциарном учреждении // Специальное образование. 2011. № 3 (23). С. 50–57.
7. Спасенников Б. А., Бурт А. А., Давыдова Н. В., Черкасов С. Н., Безмельницына Л. Ю. Медико-социальная эффективность совместного содержания матери и ребенка в местах лишения свободы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. № 26 (2). С. 98–102.
8. Жислина И. Б., Трубецкой В. Ф. Психотерапевтическое сопровождение беременности у осужденных женщин в учреждениях УИС // Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2007. С. 270–273.
9. Ланцбург М. Е. Психологическая поддержка матерей группы риска как профилактика социального сиротства // Современные подходы к ранней профилактике социального сиротства и семейного неблагополучия. М., 2011. С. 489–496.
10. Плотникова А. Л. Социальная психология младенчества: коммуникативные возможности, коммуникативное поведение, коммуникативная активность младенцев: моногр. Самара, 2011. 270 с.

Информация об авторе

А. С. Сысоева – преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права.

Information about the author

A. S. Sysoeva – lecturer of the Department of the criminal and penal enforcement law.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 29.07.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 29.07.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 95–103.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 95–103.

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДОСТАТОЧНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СУДЕЙ К РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ: АНАЛИЗ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ПРАКТИКИ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ

Ким Сергей Сеньгучевич

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровский краевой суд, Хабаровск
kssembo@mail.ru, ORCID: 0009–0000–3687–6854

Аннотация. В статье обсуждаются криминалистические аспекты проблем, возникающих при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей. На основе апелляционной практики 2023–2024 гг. выявлены ключевые ошибки, приводящие к отмене приговоров: неэффективная презентация доказательств, сложности в коммуникации с присяжными и нарушения процедурных норм. Особое внимание уделяется высоким показателям отмен оправдательных приговоров и выявлению причин, связанных с неэффективным представлением доказательств и ошибками в риторике судей. На основе анализа плана мероприятий по повышению качества процессов с участием присяжных предлагаются практические рекомендации по минимизации криминалистических рисков на стадии судебного разбирательства. Предложены меры по оптимизации судебных процессов, включая обучение судей, внедрение цифровых технологий и унификацию законодательных требований.

Ключевые слова: суд присяжных, апелляционная практика, криминалистические ошибки, подготовка судей, доказательства

Для цитирования: Ким С. С. Криминалистические последствия недостаточной подготовленности судей к разбирательству с участием присяжных: анализ апелляционной практики и пути оптимизации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 95–103.

Original article

CRIMINALISTIC CONSEQUENCES OF JUDGES LACK OF PREPAREDNESS FOR JURY TRIALS: AN ANALYSIS OF APPELLATE PRACTICE AND WAYS TO OPTIMIZE

Sergey S. Kim

Far Eastern State University of Economics, Khabarovsk Regional Court, Khabarovsk
kssembo@mail.ru, ORCID: 0009-0000-3687-6854

Abstract. The article examines the criminalistic aspects of the problems that arise when considering criminal cases involving jurors. Based on the appellate practice of 2023–2024, key errors leading to the cancellation of sentences were identified: ineffective presentation of evidence, difficulties in communicating with the jury, and violations of procedural norms. Particular attention is paid to the high rates of cancellation of acquittals and the identification of reasons related to the ineffective presentation of evidence and errors in the rhetoric of judges. Based on the analysis of the action plan to improve the quality of jury trials, practical recommendations are proposed to minimize forensic risks at the trial stage. Measures are proposed to optimize judicial processes, including the training of judges, the introduction of digital technologies and the unification of legislative requirements.

Keywords: jury trial, appellate practice, judicial errors, judicial training, evidence

For citation: Kim S. S. Criminalistic consequences of judges lack of preparedness for jury trials: an analysis of appellate practice and ways to optimize // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4(73): 95–103.

Институт присяжных заседателей является важным элементом уголовного судопроизводства, обеспечивающим участие граждан в отправлении правосудия. Развитие института присяжных заседателей в российской судебной системе сопровождается ростом количества уголовных дел, рассматриваемых с их участием. Одновременно увеличивается и число отмененных судебных решений, особенно оправдательных приговоров. Эффективность института присяжных заседателей снижается из-за недостаточной подготовленности судей к особенностям таких процессов. Анализ апелляционной практики показывает, что значительная часть приговоров отменяется из-за ошибок, связанных с неправильным представлением доказательств, с неясностью напутственных слов, с нарушением процедурных норм. Это вызывает необходимость анализа не только процессуальных, но и криминалистических аспектов, влияющих на устойчивость и обоснованность приговоров. Цель данной статьи – исследовать практику отмен приговоров по делам с участием присяжных заседателей, выявить криминалистически значимые ошибки и предложить меры по их минимизации, включая методические и организационные решения.

Уголовные процессы с участием присяжных заседателей имеют криминалистическую специфику. Судебное разбирательство с участием присяжных заседателей отличается от обычного судебного разбирательства как с точки зрения процессуальной формы, так и по восприятию доказательств. Присяжные – это лица, не обладающие юридическим образованием, поэтому доказательства должны быть представлены ясно, последовательно и визуально убедительно. Ошибки на стадии представления доказательств могут привести к неправильному восприятию обстоятельств дела и, как следствие, в конечном итоге к вынесению необоснованных приговоров. В связи с этим одним из важных направлений в методической и организационной работе являются мероприятия, связанные с криминалистическими методами и тактикой представления сторонами доказательств в судебном следствии.

При этом было бы ошибочным думать, что поскольку процессуальная обязанность по представлению доказательств возложена на стороны, то и организационно-методическая работа должна быть направлена исключительно на государственных обвинителей и адвокатов. Это, конечно же, так. Однако знание участниками правил судебного следствия в суде присяжных и владение тактическими способами по представлению и исследованию доказательств в суде не обеспечит законности рассмотрения без профессионального отношения к процессу со стороны председательствующего судьи.

Кроме того, особое значение приобретает форма коммуникации судьи с присяжными – от отбора кандидатов до формулировки вопросов и напутственного слова. Суд присяжных требует от судей не только глубоких правовых знаний, но и навыков работы с непрофессиональной аудиторией. Язык, используемый судьей, должен быть простым и логичным. Применение профессиональной лексики, сложных правовых конструкций и непростой терминологии снижает эффективность восприятия информации.

Криминалистическая специфика таких процессов включает в себя **наглядность доказательств, доступность языка и процедурную строгость.**

Наглядность в суде с участием присяжных заседателей – это тактический прием, заключающийся в использовании визуальных, графических и иных образных средств (фото, схем, видео, диаграмм) с целью повышения эффективности восприятия и понимания доказательств.

Использование этого тактического приема при исследовании доказательств в суде присяжных имеет большое значение, потому что, как правило, присяжные заседатели не имеют юридического образования, а иногда и высшего. Для таких участников сложные доказательства, особенно по делам в сфере экономической, организованной или насильственной преступности, непонятны без визуализации.

Присяжные заседатели лучше воспринимают информацию, поданную в виде схем, графиков или видео. Обусловлено такое восприятие психологическими закономерностями, в силу которых визуальные образы лучше запоминаются, активизируют мышление и память, упрощают логические связи между фактами.

Сложные дела, представленные в простом и понятном формате, в виде схем и наглядных таблиц, позволяют представить многофакторные и длительные события (финансовые интересы, взаимодействия, денежные перемещения) в сжатом, логически ясном виде. Без наглядности присяжные заседатели не смогут уловить причинно-следственные связи, что приводит к неправильным вердиктам, например, оправдательным при наличии доказанной вины.

Кроме интеллектуального значения наглядность помогает объективизировать восприятие, снижая влияние эмоциональных речей сторон или дезориентирующих объяснений, тем самым блокируя попытки психологической манипуляции.

Как показывает практика, использование визуальных средств при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей значительно повышает эффективность как судебного познания, так и процесса воспроизведения сведений допрашиваемыми лицами. Например, по одному из дел демонстрация схем финансовых переводов позволила присяжным заседателям разобраться в сложных мошеннических действиях, которые привели к убийству [1].

Также примером эффективного использования наглядности является дело в отношении Амирова, Барышникова, Переверза, утверждавших, что они не причастны к убийству потерпевшего, что они не увозили на своем автомобиле потерпевшего, а он самостоятельно ушел с места встречи в неизвестном направлении. Просмотр присяжными видеозаписи с камеры наружного наблюдения с замедлением и увеличением кадров позволил им наглядно убедиться в ложности показаний подсудимых*.

* Приговор Хабаровского краевого суда от 21.12.2020 по обвинению Амирова Е. В., Барышникова А. В., Переверза В. Ю. // Архив Хабаровского краевого суда за 2020 год. Уголовное дело № 2–13/2020.

Таким образом, наглядность – это не просто вспомогательное средство, а ключевой тактический элемент, особенно в судах присяжных. Ее грамотное применение усиливает эффективность судебного познания, улучшает качество принимаемых решений и способствует достижению процессуальной истины.

Одним из важнейших тактических приемов, влияющих на эффективность судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, является доступность языка, используемого судом и сторонами процесса. Заключается она в том, что юридическая терминология должна быть адаптирована для понимания непрофессионалами. Суть данного приема – в сознательном упрощении и адаптации юридической речи, включая объяснения доказательств, формулировки вопросов, напутственные слова и позицию сторон, с целью обеспечить понимание присяжными сути дела и правовых категорий, задействованных в процессе.

Присяжные заседатели – это непрофессиональные юристы, они не обязаны знать правовую терминологию, нормы права или правила доказывания. Использование сложных юридических конструкций, терминов и профессионального жаргона способно вызвать непонимание, запутать присяжных или даже дезориентировать их, что прямо влияет на вынесение справедливого и обоснованного вердикта. Для предотвращения искаженного восприятия, которое может привести к неправильной интерпретации позиции сторон и сути обвинения, необходимо исключить употребление, например, ключевых криминалистически значимых правовых терминов: субъективная сторона преступления, прямой умысел, рецидив, конкуренция квалификации и т. д. Чем понятнее присяжному изложены обстоятельства, тем выше вероятность, что он оценит доказательства осознанно и добросовестно, а не по эмоциональному впечатлению.

Кроме того, доступность языка в суде присяжных снижает риск апелляционных и кассационных отмен. Если напутственное слово или формулировка вопросов присяжным содержат двусмысленности, профессиональные обороты или сложные юридические конструкции, то это может стать основанием для отмены приговора вышестоящими инстанциями. В практике судов встречаются случаи, когда вопрос, сформулированный с использованием двойного отрицания, вызывал затруднения у присяжных, а затем отмену приговора*.

Доступность языка – это не упрощение содержания, а повышение качества коммуникации между председательствующим и присяжными. Это тактический прием, который позволяет сделать процесс прозрачным и понятным, а решение обоснованным и легитимным. Игнорирование этого приема нередко приводит к искажению смысла судебного разбирательства и ошибочным вердиктам.

Во избежание смысловой путаницы в качестве тактических рекомендаций можно выделить:

- использование простых, общеупотребляемых слов вместо терминов: «намерение» вместо «умысел», «поведение» вместо «деяние», «запланированное заранее» вместо «предварительный сговор»;
- при необходимости использования юридических терминов обязательное разъяснение их смысла в доступной форме;
- замену длинных, сложно структурированных предложений в напутственном слове;
- для объяснения сложных правовых категорий – приведение аналогии и примеров из повседневной жизни, не связанных с юридическими ситуациями.

Процедурная строгость является криминалистически значимым аспектом рассмотрения дел судом присяжных в логике криминалистической специфики, потому что судебное разбирательство с участием присяжных обладает высокой степенью формализованности. Формализованность уголовного судопроизводства представляет собой обязательное соблюдение установленной формы действия, независимо от содержания, с юридически значимыми последствиями при отклонении от нее.

* Приговор Хабаровского краевого суда от 23.06.2020 по обвинению Горькова А. С. // Архив Хабаровского краевого суда за 2020 год. Уголовное дело № 2–28/2020 (2–5\2020).

Строгое подчинение определенным правилам, нормам или процедурам требуется при формировании коллегии присяжных заседателей, включая отводы, замены, в случаях их неявки. Требование о выполнении действий участников процесса в четко установленной законом форме предусмотрено как при формулировке вопросного листа, который председательствующий должен составить, избегая наводящих, противоречивых или юридически некорректных конструкций, так и при составлении напутственного слова, которое должно быть строго нейтральным, логичным и понятным.

Соблюдение формализованного порядка имеет большое значение, потому что строгая форма помогает избежать давления на присяжных заседателей, исключает манипуляции с их составом, минимизирует влияние скрытых предвзятостей. Таким образом, результат должен быть не только правильным по сути, но и полученным по правилам. Нарушение формализованной процедурной строгости может быть самостоятельным основанием к отмене приговоров, вынесенных с участием присяжных заседателей. Поэтому формализованная оболочка судебного разбирательства является отдельным предметом апелляционного рассмотрения.

Приведем три типичных примера из судебной практики, где нарушение формализованных процедур в делах с участием присяжных заседателей стало основанием для отмены приговора, несмотря на доказанность вины осужденного.

Так, причиной отмены приговора по уголовному делу в отношении Саликовой А. А. в апелляционной инстанции явилось существенное нарушение, повлекшее за собой незаконность состава коллегии присяжных заседателей.

В ходе судебного следствия в связи с болезнью не явился запасной присяжный заседатель № 9, при этом без разрешения вопроса об отстранении присяжного заседателя либо об отложении судебного заседания был исследован ряд доказательств по делу. В следующее судебное заседание указанный запасной присяжный заседатель № 9 прибыл. Ему был заявлен отвод, в удовлетворении которого суд отказал. При последующем судебном разбирательстве другой присяжный заседатель, который являлся старшиной, был освобожден от участия, на его место в основной состав был приглашен запасной присяжный заседатель № 9. Сторонами было заявлено ходатайство о роспуске коллегии присяжных заседателей, распавшейся, по их мнению, в момент выбытия старшины. Стороны полагали, что невозможно заменить выбывшего старшину на присяжного заседателя № 9, поскольку последний не участвовал в исследовании ряда доказательств. Отказав в удовлетворении этого ходатайства, суд произвел замену. Таким образом, в вынесении вердикта участвовал присяжный заседатель, который не присутствовал при исследовании некоторых доказательств по делу. Допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона признано апелляционной инстанцией существенным и фундаментальным, в связи с этим приговор был отменен, а уголовное дело было направлено на новое судебное разбирательство со стадии формирования коллегии присяжных*. Ошибка суда повлекла нарушение принципа беспристрастности присяжных, который строго формализован, и даже если доказательства вины были убедительны и достаточны, приговор считается юридически ненадлежащим. В итоге достоверные доказательства оказались обесценены процессуальной ошибкой, что привело к такому криминалистическому последствию, когда нарушение формы превзошло по значимости содержание.

В другом случае нарушение формализованности выразилось в нарушении правил заполнения вопросного листа.

По уголовному делу в отношении Заболоцкого О. П. при вынесении вердикта после ответов на все поставленные вопросы старшиной не было указано, принят ли вердикт единодушно. Данное обстоятельство имеет значение, поскольку коллегия присяжных заседателей находилась в совещательной комнате менее 30 минут, в то время как по смыслу положений

* Приговор Индустриального районного суда г. Хабаровска от 13.04.2023 по обвинению Саликовой А. А. // Архив Индустриального районного суда г. Хабаровска за 2023 год. Уголовное дело № 22–2567/2023.

ст. 343 УПК РФ коллегия может приступить к голосованию по истечении 3 часов обсуждения вопросов в совещательной комнате. При таких обстоятельствах отсутствие в вердикте информации о порядке принятия решения (единодушно или путем голосования с подсчетом голосов) апелляционной инстанцией было признано существенным нарушением процессуального закона, влекущим отмену приговора, постановленного на основании такого вердикта*.

Также из-за нарушений процедуры обсуждения и голосования при вынесении вердикта был отменен приговор в отношении Белова А. Д.

Коллегия присяжных заседателей до оглашения вердикта находилась в совещательной комнате 33 минуты. При этом ответ на один из вопросов не содержал информации о единодушном принятии ответа. После выхода из совещательной комнаты председательствующий нашел вердикт ясным, понятным и непротиворечивым, передал вердикт старшине, и старшина присяжных заседателей провозгласил вердикт. Вердикт был приобщен к уголовному делу, председательствующий: объявил подсудимого оправданным; поблагодарил присяжных заседателей; объявил об окончании их участия в судебном разбирательстве; объявил перерыв. После перерыва председательствующий пригласил присяжных заседателей и сообщил им, что один из ответов в вердикте не содержит информации о порядке его принятия. Затем, повторно разъяснив присяжным о порядке совещания при вынесении вердикта, председательствующий удалил коллегия в совещательную комнату, по выходу из которой старшина вновь огласил вердикт.

Апелляционная инстанция пришла к выводу о нарушении требований ст. 346 УПК РФ, которая не допускает возможности повторного удаления коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату после провозглашения вердикта и окончания их участия в судебном разбирательстве. Провозглашение вердикта производится однократно, после чего возобновление полномочий присяжного заседателя невозможно, а повторное удаление коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату после провозглашения вердикта нарушает тайну совещательной комнаты, противоречит смыслу и назначению уголовного судопроизводства**.

Приведенные примеры показывают, что в суде с присяжными нарушения формы неизбежно отражаются на содержании, и потому особенно важны для криминалистического анализа. Нарушения даже в одном из этих компонентов рассматриваются судами апелляционной инстанции как существенные, влекущие отмену приговора, независимо от фактической убедительности доказательственной базы.

С точки зрения криминалистики процессуальные сбои в структуре разбирательства деформируют логику доказательства, лишая его завершенности, например, при неправильно сформулированных вопросах теряется связь между доказанными обстоятельствами и юридическим выводом; создают иллюзию вины или невиновности, опирающуюся не на объективный анализ улик, а на ошибку в процедуре; искажают восприятие информации присяжными, если их состав подобран с нарушениями или инструктаж по вопросам дан некорректно.

Таким образом, процедура в суде присяжных выступает средством криминалистического управления доказательственным восприятием. Ее нарушение – не просто формализм, а подрыв самого механизма убеждения присяжных.

Анализ апелляционной практики Хабаровского краевого суда 2023–2024 годов по отмененным оправдательным приговорам с участием присяжных заседателей показал, что в рассматриваемом периоде все приговоры указанной категории были отменены по апелляционным представлениям государственных обвинителей.

* Приговор суда района имени Лазо Хабаровского края от 14.08.2024 по обвинению Заболоцкого О. П. // Архив суда района имени Лазо Хабаровского края за 2024 год. Уголовное дело № 22–3521/2024.

** Приговор Комсомольского районного суда Хабаровского края от 10.09.2024 по обвинению Белова А. Д. // Архив Комсомольского районного суда Хабаровского края за 2024 год. Уголовное дело № 22–2797/2024.

В качестве основных тенденций отметим, что 18 % оправдательных приговоров были отменены апелляционной инстанцией, при этом наиболее частыми основаниями для отмены явились нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на беспристрастность присяжных.

Первой и наиболее распространенной причиной является незаконное воздействие на присяжных заседателей в ходе судебного процесса. Защита и подсудимые нередко пытаются повлиять на мнение присяжных, доводя до них сведения, не подлежащие исследованию, – обсуждая процессуальные нарушения, критикуя следствие или давая негативную характеристику потерпевшим и свидетелям (заявления о давлении со стороны следствия, обвинения свидетелей в психической невменяемости и утверждения о фальсификации доказательств).

Второй существенной проблемой являются ошибки в процедуре судебного следствия и прений. Часто стороны выходят за пределы компетенции присяжных, обсуждая вопросы допустимости доказательств или другие процессуальные аспекты. Председательствующие судьи не всегда своевременно реагируют на такие нарушения, что впоследствии становится основанием для отмены приговора.

Третья группа причин связана с нарушениями при формировании коллегии присяжных. В частности, по одному из дел было установлено, что кандидат в присяжные скрыл информацию о своей судимости, что лишило стороны возможности заявить мотивированный отвод. Также встречаются случаи неправомерных отводов или включения в состав лиц с явной предвзятостью к одной из сторон процесса.

Особое внимание заслуживает проблема некорректного составления вопросного листа. Сложные или неоднозначные формулировки вопросов могут существенно затруднить вынесение объективного вердикта и в конечном итоге привести к отмене приговора.

Наконец, частым основанием для отмены становится несоответствие приговора вердикту присяжных. Например, включение судьей в описательно-мотивировочную часть приговора обстоятельств, не нашедших отражения в вердикте присяжных, противоречит требованиям уголовно-процессуального закона.

Анализ современной апелляционной практики выявил необходимость разработки конкретных криминалистических рекомендаций по совершенствованию судопроизводства с участием присяжных для различных участников процесса, направленных на повышение стабильности приговоров. Эти рекомендации основаны на системном изучении причин отмены судебных решений и направлены на устранение наиболее распространенных процессуальных нарушений.

Для судов первой инстанции первостепенное значение имеет обеспечение строгого соблюдения норм ст. 335–337 УПК РФ. Председательствующий судья должен проявлять особую бдительность в трех ключевых аспектах. Во-первых, необходимо жестко пресекать любые попытки сторон влиять на присяжных путем обсуждения вопросов, выходящих за рамки их компетенции, включая процессуальные нарушения, оценку доказательств или критику следствия. Во-вторых, особого внимания требует формулировка вопросов для присяжных – они должны быть предельно четкими, однозначными и строго соответствовать фактическим обстоятельствам дела. В-третьих, крайне важна оперативная реакция на любые нарушения процессуального порядка, поскольку пассивность председательствующего может привести к формированию у присяжных предвзятого мнения.

Сторонам процесса – как защите, так и обвинению – следует неукоснительно соблюдать установленные границы компетенции присяжных заседателей. Категорически нельзя обсуждать в их присутствии вопросы допустимости доказательств, процессуальные нарушения или давать оценку работе следствия. Важно соблюдать баланс между активной защитой интересов сторон и строгим соблюдением процессуальных норм. Излишне агрессивная позиция защиты может привести к отмене даже обоснованного приговора. Особую осторожность следует проявлять при заявлениях о возможных фальсификациях или давлении, поскольку такие утверждения допустимы только при наличии убедительных доказательств и их непосредственной связи с установлением фактических обстоятельств дела.

Апелляционным инстанциям при проверке законности приговоров рекомендуется сосредоточиться на трех основных аспектах. Первый – тщательный анализ соответствия описательно-мотивировочной части приговора фактическому вердикту присяжных. Второй – установление четкой причинно-следственной связи между выявленными процессуальными нарушениями и вынесенным вердиктом. Третий – учет системности нарушений, поскольку именно совокупность процессуальных погрешностей чаще всего свидетельствует о существенном нарушении прав участников процесса.

Кроме того, для повышения эффективности правосудия и минимизации рисков отмены судебных решений предлагается комплекс мер для следователей и прокуроров. Рекомендуется особое внимание уделять качеству формирования доказательственной базы, обеспечивая ее максимальную наглядность и убедительность. Целесообразно прогнозировать эффективность способа исследования конкретного доказательства, исходя из его содержания и характеристик. Важным элементом этой работы должны стать обязательные консультации с криминалистами на этапе подготовки материалов дела к судебному разбирательству, что позволит заранее выявить и устранить возможные слабые места в доказательствах.

Судейскому корпусу предлагается использовать стандартизированные шаблоны вопросов для присяжных, разработанные с учетом лучших практик и типичных ошибок в формулировках. Особое значение приобретает регулярное повышение квалификации судей в области коммуникации с непрофессиональными участниками процесса, включая специальные тренинги по доступному изложению юридических понятий и процедур.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что современная судебная практика однозначно свидетельствует о том, что стабильность приговоров напрямую зависит от строгого соблюдения специальных правил судопроизводства с участием присяжных. Ключевыми факторами здесь выступают: безупречный состав коллегии присяжных, исключающий возможность сокрытия кандидатами существенной информации, неукоснительное соблюдение границ компетенции присяжных заседателей, а также высокая процессуальная дисциплина всех участников судебного разбирательства. Только комплексный подход, учитывающий все перечисленные аспекты, позволит существенно снизить процент отмены приговоров, в том числе оправдательных, и укрепить доверие к этому важному институту правосудия.

Источник

Ким С. С. Наглядность как тактический прием при рассмотрении судами уголовных дел // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 3 (66). С. 77–82.

Информация об авторе

С. С. Ким – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, судья Хабаровского краевого суда.

Information about the author

S. S. Kim – *kandidat nauk*, degree in Law, associate professor of the Department of the Department of Criminal Law Disciplines, judge of the Khabarovsk Regional Court.

Статья поступила в редакцию 28.05.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

The article was submitted 28.05.2025; approved after reviewing 29.05.2025; accepted for publication 29.05.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 104–113.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 104–113.

Научная статья

УДК 343.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Навруз Муборакшоевич Карамшоев

Омская академия МВД России, Омск

karamshoev80@mail.ru, ORCID: 0009–0002–5982–3207

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ нормативных основ и практики противодействия терроризму в Российской Федерации и Республике Таджикистан. Исследование охватывает ключевые законодательные акты, институциональные механизмы реализации, особенности уголовной ответственности за террористические преступления, а также выявляет проблемы правоприменения. На основе анализа судебной практики и экспертных оценок выявлены недостатки действующих правовых режимов. Результатом является критический анализ эффективности мер и конкретизированная трехуровневая модель профилактики терроризма, адаптированная к специфике Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Ключевые слова: правовое регулирование, борьба с терроризмом, Россия, Таджикистан, национальная безопасность, уголовная ответственность, сравнительный анализ, профилактика терроризма

Для цитирования: Карамшоев Н. М. Правовое регулирование борьбы с терроризмом в Российской Федерации и Республике Таджикистан // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 104–113.

Original article

LEGAL REGULATION OF THE COUNTERACTION TO TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Navruz M. Karamshoev

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk

karamshoev80@mail.ru, ORCID: 0009–0002–5982–3207

Abstract. The article conducts a comparative legal analysis of the regulatory foundations and practices of countering terrorism in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The research covers key legislative acts, institutional implementation mechanisms, features of criminal liability for terrorist crimes, and identifies problems in law enforcement practices. Based on an analysis of judicial practice and expert assessments, shortcomings in the current legal regimes are revealed. The result is a critical assessment of the effectiveness of measures and a specific three-tiered model for terrorism prevention, adapted to the specifics of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan.

Keywords: legal regulation, counter-terrorism, Russia, Tajikistan, national security, criminal liability, comparative analysis, terrorism prevention

For citation: Karamshoev N. M. Legal regulation of the counteraction to terrorism in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): С. 104–113.

Терроризм – это уголовное преступление против общества, против жизни людей и мирного порядка с применением любых видов оружия в целях угрозы и устрашения правительства и мирных жителей и вымогательства определенных благ в свою пользу.

В Российской Федерации (далее – РФ) и Республике Таджикистан (далее – РТ) сформировались правовые механизмы борьбы с терроризмом (табл. 1). Их эффективность, направления и особенности применения на практике имеют как ряд сходств, так и различий. При этом исследователи сходятся во мнении, что правовые меры в настоящее время должны быть не только ужесточены, но и сосредоточены на докриминальной стадии и носить превентивный характер [1, с. 50].

Таблица 1

Правовые основы предупреждения терроризма в РФ и РТ

Вид НПА	Российская Федерация	Республика Таджикистан
Кодекс	УК РФ	УК РТ
Законы	«О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ, «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ, «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ, «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ	Закон «О борьбе с терроризмом» от 16.11.1999
Указы Президента	«О мерах по противодействию терроризму» от 15.02.2006 № 116 и др.	О Национальной концепции противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения на 2018–2025 гг.
Постановления и распоряжения	«О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.06.2007 № 352 и др.	«О Перечне других субъектов, участвующих в противодействии терроризму» от 29.05.2023 № 216
Концепции, стратегии и др.	Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. 05.10.2009)	Стратегия по противодействию терроризму и экстремизму в РТ на 2021–2025 гг.
Региональные НПА	Положение об антитеррористической комиссии городского округа (муниципального района) в Ростовской области	-

В РФ в настоящее время различные аспекты противодействия преступлениям террористической направленности регламентируются более чем тридцатью федеральными законами и двадцатью ведомственными и межведомственными нормативными правовыми актами [2, с. 90]. Федеральный закон «О противодействии терроризму»^{*} является базовым федеральным законом, регулирующим общественные отношения в сфере противодействия терроризму в России, он заложил принципиально новые подходы в борьбе с ним, выведя ее на качественно новый уровень.

Концептуально-стратегические и программные документы (стратегии, концепции, доктрины) выступают ключевым элементом нормативного регулирования противодействия терроризму. Данные акты институционализируют систему официально закрепленных государственных приоритетов, формируя нормативно-иерархическую основу для разработки подзаконных правовых инструментов [3, с. 37]. На их основе должны приниматься другие нормативные правовые акты. Такие документы разрабатываются в обеих странах, при этом в РФ их разработано больше.

В июле 2016 г. Президентом РФ было подписано два закона^{**}, необычные уже тем, что сам процесс их принятия несколько месяцев находился в центре внимания российской общественности. Законопроекты были выдвинуты несколькими комитетами Федерального Собрания РФ, в том числе, двумя комитетами по безопасности (Совета Федерации и Государственной Думы), но по фамилии основного автора, председателя одного из них, получили условное название «пакет Яровой». Законы посвящены совершенствованию нормативной правовой базы Российской Федерации в области противодействия терроризму и экстремизму. Один из них вносит изменения в уголовное законодательство РФ, другой – почти в два десятка смежных с ним законов, в том числе в закон о противодействии терроризму. Данная мера вызвала неоднозначную реакцию в СМИ и в обществе в целом, причем в большей степени негативную, как считает Е. А. Тигранян [4, с. 10]. Однако подобные правовые меры успешно применяются в других странах в целях противодействия терроризму. Между тем, как свидетельствует судебная практика^{***}, удается идентифицировать пользователей, которые совершают призывы к совершению террористической деятельности, распространяют идеологию терроризма и т. д., что говорит о положительных эффектах «пакета». Существенным недостатком является угроза нарушения конфиденциальности данных.

Законодательство РТ о противодействии терроризму основывается на Конституции РТ и состоит из Закона РТ «О противодействии терроризму» от 23 декабря 2021 г. № 1808, иных нормативных правовых актов Республики Таджикистан, а также международных правовых актов, признанных Таджикистаном.

Закон РТ «О противодействии терроризму» детерминирует основополагающие принципы, правовые и организационные основы деятельности по профилактике терроризма, борьбе с ним и ликвидации последствий террористических актов. Законодательная регламентация указанной деятельности преследует цели обеспечения безопасности (личности, общества, государства), а также защиты суверенитета, территориальной целостности и безопасности Республики Таджикистан.

^{*} О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

^{**} О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ.

^{***} Напр., кассационное определение от 23.07.2025 по делу № 1–57/2024 // Судакт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.08.2025).

В июне 2021 г. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон утвердил «Стратегию противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан»^{*} и План по ее реализации на 2021–2025 гг. Определенная эффективность правовых механизмов борьбы с терроризмом была достигнута, как считает М. К. Сафолзода [5, с. 146], благодаря разработке и внедрению Концепции внешней политики Республики Таджикистан^{**}, в которой определены национальные интересы, включая вопросы безопасности. Также благодаря успешной международной политике, считает автор, РТ участвует в обеспечении международно-правового механизма борьбы с терроризмом.

Другие исследователи, например Ш. Х. Хафиззода, напротив, считают, что в НПА РТ (как и в целом в научном правовом поле) существуют пробелы относительно определения функций государства, которые бы были направлены на защиту от террористических угроз. Функции правоохранительных органов в сфере противодействия терроризму должны быть также конкретизированы в соответствующих НПА [6, с. 43].

Кроме того, например, В. В. Евневич указывает на то, что, несмотря на усилия властей РТ, по-прежнему острой остается проблема бедности в стране, что способствует распространению идеологии терроризма [7, с. 93]. Согласно официальным данным, по Индексу человеческого развития РТ занимает только 126 место^{***}.

Таким образом, в обеих странах существует разветвленная система нормативно-правовых актов, направленных на предупреждение терроризма. Причем в РФ большое значение имеет региональное законодательство в данной сфере, в отличие от РТ. Это связано с территориальными особенностями – РФ занимает большую площадь, террористические преступления совершаются чаще в определенных регионах – в Москве, Санкт-Петербурге, в субъектах Кавказского региона и т. д.

Большое значение в борьбе с терроризмом в РФ и РТ имеют законы «О безопасности», которые включают основные направления обеспечения безопасности страны и граждан, в том числе от террористических угроз.

Основные положения законов «О противодействии терроризму» и «О безопасности» в обеих странах схожи.

В Российской Федерации состав терроризма введен в Уголовный кодекс (ст. 213³) еще в 1994 г., затем он был включен в новый УК РФ 1996 г. Под терроризмом в УК РФ понимается «совершение взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях». Также это понятие раскрыто в ФЗ «О противодействии терроризму». Согласно п. 2 Постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016), устрашающими являются действия, которые приводят к тому, что люди испытывают страх за свою жизнь и здоровье или сохранность имущества, возникает паника и т. д. В зависимости от фактического наступления указанных последствий образуются квалифицированные виды террористического акта.

^{*} О Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы: указ Президента Республики Таджикистан от 01.06.2021 № 187 (принят 01.06.2024). URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=139590.

^{**} Концепция внешней политики Республики Таджикистан: утв. 27.01.2015 // Министерство иностранных дел РТ. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontsepsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan>.

^{***} Рейтинг стран мира по Индексу человеческого развития 2025. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения: 03.08.2025).

В РТ определение терроризма дано в УК РТ, в Законе «О борьбе с терроризмом», а также в Постановлении Пленума ВС РТ от 16 декабря 2004 г. № 10 «О практике применения судами законодательства об ответственности за терроризм»*. В названном постановлении Пленума ВС РТ приводится отличие терроризма от террористического акта: «Терроризм отличается от террористического акта направленностью умысла, т. е. при террористическом акте посягательство на жизнь потерпевшего совершается в связи с его государственной или общественной деятельностью или как месть за эту деятельность. Терроризм создает угрозу неопределенному числу лиц и преследует цель нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти».

Концепция противодействия терроризму в РФ (утв. Президентом РФ 05.10.2009) содержит ряд положений, способствующих профилактике терроризма, в особенности распространения его идеологии. Однако, как отмечает Е. Н. Сарапкина [8, с. 48], в данном документе отсутствует четкая формулировка определения идеологии терроризма. Следовательно, необходимо введение данного понятия как в научный оборот, так и в нормативно-правовые документы.

Практическое применение НПА в сфере борьбы с терроризмом регулярно подвергается критике, в особенности в вопросах противодействия и профилактики. Так, по мнению С. И. Бушмина, в УК РФ недостаточно интерпретированы признаки отдельных составов террористических преступлений, что затрудняет их квалификацию, создает негативную судебную практику [9, с. 98].

Ответственность за совершение террористических преступлений в РФ и РТ имеет ряд отличий. Одним из них является то, что по ст. 205 УК РФ предусматривается дополнительный срок ограничения свободы, а по ст. 179 УК РТ – конфискация имущества.

За содействие террористической деятельности в соответствии со ст. 205¹ УК РФ предусмотрено помимо лишения свободы наложение штрафа, размер которого определяется в зависимости от тяжести преступления. В ст. 179¹ УК РТ предусмотрено лишение права занимать определенные должности. Важно отметить, что применение наказания в виде лишения занимать должности является существенной мерой, так как содействие данным преступлениям часто сопровождается помощью лиц, использующих свое служебное положение.

Уголовная ответственность за публичные призывы к террористической деятельности в РФ и РТ имеет принципиальные отличия: статья 179³ УК РТ предусматривает только лишение свободы, а статья 205² УК РФ предусматривает систему штрафов, лишение свободы и лишение права занимать определенные должности.

В УК РТ ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности не предусмотрена, в отличие от УК РФ (ст. 205³). Также УК РТ не выделяет в отдельную статью ответственность за организацию террористического общества и террористической организации, в отличие от УК РФ (ст. 205⁴, 205⁵). Также можно отметить, что российский уголовный закон предусматривает ответственность и за другие преступления террористического характера – посягательство на жизнь государственного или общественно-го деятеля (ст. 277 УК РФ) и некоторые другие, например захват заложников (ст. 206 УК РФ), которые по существу могут являться террористическими, но формально к ним не относятся.

Сильными сторонами УК РФ можно назвать выделение различных преступлений террористической направленности в отдельные статьи, большие сроки наказания и крупные штрафы за совершение таких преступлений. Плюс УК РТ в рассматриваемой сфере – более развернутое определение терроризма, которое позволяет более точно квалифицировать соответствующие деяния.

Общим недостатком обоих кодексов можно назвать отсутствие выделения угрозы совершения террористического акта в отдельную статью. По этому поводу следует отметить,

* URL: <http://portal-huquqi.tj> (дата обращения: 01.02.2025).

что в настоящее время террористические акты сопряжены с киберпреступлениями, активным использованием цифровых инструментов, в частности, для финансирования, что вызывает появление новых форм террористических преступлений и, соответственно, должно быть отражено в законодательстве. Физические и юридические лица, умышленно или без умысла, становятся посредниками в финансировании террористической деятельности, при этом установление ответственности имеет определенные сложности.

Недостаточная эффективность правовых механизмов в обоих государствах также связана с факторами, выходящими за пределы правового поля. Так, российские исследователи отмечают социокультурные, социально-психологические, экономические и политические аспекты.

Необходимо выделить такие аспекты в террористической деятельности, как вовлечение в нее молодежи (включая несовершеннолетних лиц) и использование интернет-технологий террористами.

1. *Вовлечение молодежи в террористическую деятельность.* По некоторым данным [10], с 2022 г. наблюдается возрастающее вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность посредством мессенджеров и социальных сетей, что требует пересмотра мер ответственности данной группы преступников [11, с. 55]. По статистике, 8,33 % лиц, совершающих преступления террористической направленности, находятся в возрасте до 20 лет [12, с. 179].

В Таджикистане опасность представляет вовлечение несовершеннолетних в радикальные исламские организации, являющиеся по своей сути террористическими ячейками.

2. *Использование интернет-технологий в террористической деятельности.* Необходимо отметить низкую эффективность правовых механизмов, направленных на борьбу с преступниками, использующими интернет-ресурсы, цифровые ресурсы, социальные сети и т. д. Речь идет о уже совершенных преступлениях. Так, обвиняемый (военнослужащий) за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, совершенные с апреля 2021 г. по октябрь 2022 г., был осужден в 2025 г. по ч. 2 ст. 205 УК РФ*. Важно обратить внимание на то, что противоправную деятельность, а именно призывы к совершению террористических действий, он совершал более года, и в течение данного срока не было предпринято пресекающих действий. Таким образом, если контролирующие органы не выявляют такие сообщения в интернет-пространстве, то преступники могут вести подобную деятельность в течение продолжительного времени.

Другой пример. Осужденный И. Ионов состоял в запрещенной организации «М.К.У.» (признана решением Верховного Суда РФ террористической), с помощью социальных сетей вел пропаганду террористического характера, в частности идей неонацизма, в также вовлекал в эту деятельность новых участников**. Его действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 205, ч. 2 ст. 213 УК РФ. В данном случае преступные деяния были зафиксированы в более короткий срок, преступник их совершал в течение только двух месяцев.

Считаем необходимым проводить комплексную работу по выявлению подобных сообщений в Интернете совместно с Роскомнадзором. Однако при этом известно, что современные технологии позволяют оставлять сообщения и совершать другие действия в Интернете анонимно, что снижает возможность выявления таких лиц и привлечения их к ответственности. В этом случае возможен вариант наложения запрета в социальных сетях заводить страницы без подтверждения личности. Это может способствовать профилактике преступного поведения, связанного с публичными призывами к террористической деятельности.

* Кассационное определение от 23.07.2025 по делу № 1–57/2024 // Судакт. URL: <https://sudact.ru/vsrif/doc/> (дата обращения: 01.08.2025).

** Кассационное определение от 09.04.2025 по делу № 1–26/2024 // Судакт. URL: <https://sudact.ru/vsrif/doc/> (дата обращения: 01.08.2025).

На основании проведенного анализа нормативно-правовых документов двух стран, подхода к определению мер ответственности и наказания за совершенные террористические преступления, можно сделать следующие выводы:

- правовую базу для противодействия терроризму на территории РФ и РТ после распада СССР составили как внутренние нормативные акты, так и международные соглашения, в которых участвуют обе страны;
- основными законами, предусматривающими уголовную ответственность за террористические преступления в РФ и РТ, являются УК РФ и УК РТ соответственно;
- понятие терроризма в УК РТ и УК РФ отличается тем, что в УК РТ данное понятие раскрыто более широко. Также необходимо ввести понятие «идеология терроризма» в научный оборот и нормативно-правовые документы;
- УК РФ и УК РТ имеют ряд отличий: по срокам лишения свободы за аналогичные преступления, по размерам штрафов. Ряд преступлений, которые выделены в отдельные статьи в УК РФ, в УК РТ не выделяются (организация террористического сообщества и организации; несообщение о преступлении; прохождение обучения с целью совершения террористического акта);
- эффективность правовых механизмов предупреждения террористической деятельности нельзя назвать высокой из-за положительной динамики количества преступлений террористической направленности в последние годы*.

Также можно сделать выводы о разных направлениях исследования правовых механизмов противодействия терроризму таджикских и российских ученых (табл. 2).

Таблица 2

Направления исследования правовых механизмов противодействия терроризму в РФ и РТ

Таджикские исследователи	Российские исследователи
1. Установление добрососедских отношений с Афганистаном, исключение локальных приграничных конфликтов, обеспечение стабильности в регионе [13].	1. Об ухудшении состояния противодействия терроризму с 2022 г., после начала СВО.
2. Исключение неправильного толкования ислама, борьба с радикальными исламскими организациями, в том числе с вербовкой через них [14, с. 261].	2. О вовлечении молодежи, в том числе несовершеннолетних, в терроризм [17, с. 53].
3. Роль РТ в действии международных правовых механизмов борьбы с терроризмом [15, с. 150].	3. Потребность в конкретизации и уточнении составов террористических преступлений в уголовном законодательстве [18, с. 115].
4. Конкретизация и уточнение понятий в сфере противодействия терроризму [16, с. 44].	4. Совершенствование мер, направленных на противодействие терроризму с помощью интернет-технологий [19, с. 303].

Таким образом, таджикские исследователи в большей степени уделяют внимание религиозным аспектам терроризма, вопросам усиления роли РТ в международно-правовых мерах противодействия, а также проблемам формирования эффективных отношений с Афганистаном.

В российском научном поле большое количество публикаций посвящено причинам возросшего с начала СВО количества преступлений террористической направленности, проблемам противодействия распространению идей терроризма через Интернет и вовлечению молодежи в террористическую деятельность.

* Состояние преступности. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/209641/> (дата обращения: 20.03.2025).

Ученые обеих стран также настаивают на совершенствовании нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере, на уточнении в них основополагающих понятий, составов преступлений и т. д.

Ряд авторов предлагают внедрять на разных уровнях меры профилактики терроризма, в частности, выделяют общесоциальный [20, с. 143], специально-криминологический и индивидуальный уровни профилактики [21, с. 65]. Считаем правильным законодательно закрепить комплексный многоуровневый подход к профилактике терроризма, основанный на современных криминологических концепциях. Данная стратегия включает следующие меры.

На общесоциальном уровне

1. *Информационные меры.* Основополагающим направлением является просветительская деятельность, нацеленная на разъяснение широким слоям населения ключевых аспектов терроризма. Данная деятельность должна осуществляться регулярно через такие формы, как беседы, лекции, информационные стенды и пр. Особое внимание должно быть уделено потенциальным местам вербовки террористов – сомнительным организациям образовательно-религиозной направленности и т. д. Приоритетной задачей должно стать формирование программы противодействия распространению идеологии терроризма в Интернете. В частности, предлагается исключение возможности полной анонимности пользователей. Именно анонимность позволяет безнаказанно пропагандировать в сети террористическую деятельность. Необходимо, чтобы администраторы и другие ответственные за содержание ресурса лица имели открытые данные, исключающие анонимность. Это позволит пресекать те виды преступлений, которые совершаются через публикации различных противоправных призывов, распространение идей терроризма и т. д. Данные положения должны быть зафиксированы в уголовном законодательстве, а также нормативно-правовых актах, регулирующих деятельность СМИ.

Совершенствование деятельности, направленной на обнаружение и поиск потоков поставок оружия, взрывчатых веществ, которые находятся в незаконном обороте и могут служить для террористов средствами совершения террористических актов. Лица, подозреваемые в незаконной торговле оружием, должны быть проверены на предмет участия в террористической деятельности.

2. *Административные меры* предполагают обязательное внедрение в государственных и иных значимых учреждениях регулярного инструктажа персонала на случай террористических угроз. Это требует разработки регламентирующих документов, издания приказов, назначения ответственных лиц и установления механизмов контроля за соблюдением норм безопасности. Формирование унифицированных алгоритмов реагирования критически важно для снижения потенциальных рисков и эффективной координации в кризисных условиях.

3. *Политические и идеологические меры.* Для нейтрализации влияния преступных группировок, использующих псевдорелигиозные и иные деструктивные нарративы в вербовочных целях, необходимо создание и поддержка просветительских центров. Функцией таких центров является формирование у населения устойчивых к манипуляциям представлений, препятствующих эскалации межнациональной и межрелигиозной вражды. Реализация этой задачи невозможна без консолидированных усилий государств, включая скоординированную работу компетентных органов Российской Федерации и Республики Таджикистан, а также широкое международное взаимодействие. Предлагаются следующие направления международного сотрудничества РФ и РТ в сфере противодействия терроризму:

- **совершенствование правовой основы** сотрудничества **для достижения единого понимания** и выработки **согласованного подхода** к организации борьбы с терроризмом;
- **унификация отдельных норм** уголовного законодательства двух стран на международном уровне;

– **согласование РФ и РТ проекта конвенции о международном терроризме**, которая должна содержать **общепризнанные определения** терроризма, идеологии терроризма и других связанных понятий.

РТ также необходимо наладить эффективное сотрудничество с правительством Афганистана, исключить проникновение преступных лиц на территорию РТ [22, с. 243]. Также в РТ необходимо решать проблемы с пропагандой радикальных религиозных идей путем, во-первых, повышения общего уровня образования населения, начиная с начальной ступени; во-вторых, повышения качества религиозных знаний, приобщения населения к традиционным ценностям, что будет исключать неверные трактовки положений ислама.

На специальном криминологическом уровне предлагаются следующие меры:

– повышение эффективности деятельности таможенных органов в направлении обнаружения запрещенных предметов, веществ и опасных лиц, которые могут быть причастны к террористической деятельности. Эти меры включают совершенствование электронных систем контроля, повышение квалификации сотрудников таможенных органов, эффективное их сотрудничество со следственными органами;

– в РТ особое внимание необходимо уделять приграничному пространству с Афганистаном, исключая проникновение террористов на территорию РТ.

На *индивидуальном уровне* необходима профилактическая работа с лицами, которые уже совершали преступления террористической направленности. Особенно данная работа должна проводиться в отношении молодежи и несовершеннолетних лиц. Основная роль в этом отводится отделам полиции по делам несовершеннолетних, органам опеки и социальным центрам, занимающимся реабилитацией и работой с трудными подростками.

В РТ необходимо принимать меры, касающиеся религиозного образования подростков и молодежи, которые позволяют пресекать вступление в террористические ячейки.

На всех уровнях профилактики в рамках сотрудничества РТ и РФ важно наладить быстрый информационный обмен, который позволит в короткие сроки устанавливать лиц, причастных к террористической деятельности. Для этого могут потребоваться такие меры, как совершенствование баз данных, средств коммуникации между соответствующими органами двух стран и т. д.

Список источников

1. Сарапкина Е. Н. Совершенствование правовых механизмов противодействия вовлечению молодежи в преступления экстремистской и террористической направленности // Мониторинг правоприменения. 2023. С. 44–58.
2. Противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности. Вопросы теории и практики: учеб.-метод. пособие / под ред. В. В. Волченкова, Б. П. Михайлова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
3. Мачульская И. Г. О совершенствовании правовых основ противодействия терроризму в Российской Федерации // Право и управление. 2019. № 5.
4. Тигранян Е. А. «Антитеррористический пакет» Яровой: реакция российских и зарубежных изданий // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2018. № 1. С. 2–12.
5. Сафолзода М. К. Инициативы Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона и динамика места Афганистана во внешнеполитической стратегии Республики Таджикистан (вторая половина 2022 г.) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. общественных наук. 2020. № 1. С. 141–151.
6. Хафиззода Ш. Х. Некоторые проблемы осуществления правоохранительной функции государства в сфере противодействия экстремизму и терроризму // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. общественных наук. 2017. № 3. С. 40–45.
7. Евневич В. В. Борьба с террористическими угрозами в Республике Таджикистан // Международные отношения. 2024. № 1. С. 84–95.
8. Сарапкина Е. Н. Указ. соч.
9. Бушмин С. И., Москалев Г. А. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности: моногр. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 172 с.
10. Ахъядов Э. С., Салгириева Ж. А. Об общих характеристиках молодежного экстремизма // Закон и право. 2020. № 2. С. 87–88.

11. Сарапкина Е. Н. Указ. соч.
12. Орлов В. В. Общие закономерности поведения массовых убийц и их возможные психофизиологические механизмы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 2(97). С. 175–183.
13. Абдусаматов Б. Б. Вклад основателя мира и национального единства, лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в укрепление мира в Афганистане // Вестник Педагогического университета. 2021. № 2. С. 258–261.
14. Фарзонаи Ш. Проблемы экстремизма и терроризма во внешнеполитической доктрине Республики Таджикистан // Вестник Педагогического университета. 2019. № 1. С. 240–243.
15. Хафиззода Ш. Х. Указ. соч.
16. Евневич В. В. Указ. соч.
17. Сарапкина Е. Н. Указ. соч.
18. Ахъядов Э. С., Салгириева Ж. А. Указ. соч.
19. Абилов Р. Р., Зумакулова З. А. Противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет // Право и управление. 2024. № 6. С. 301–305.
20. Палий В. М., Гришай Е. В., Людкевич Е. Н. Общесоциальные меры противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 141–144.
21. Сумачев А. В. Профилактика идеологии терроризма в сфере образования (некоторые практические аспекты) // Oeconomia et Jus. 2021. № 2. С. 61–66.
22. Фарзонаи Ш. Указ. соч.

Информация об авторе

Н. М. Карамшоев – адъюнкт.

Information about the author

N. M. Karamshoev – postgraduate.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 22.08.2025; принята к публикации 22.08.2025.

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 22.08.2025; accepted for publication 22.08.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 114–120.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 114–120.

Научная статья

УДК 343.985.44

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ПАДЕНИЯ С ВЫСОТЫ СРЕДСТВАМИ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОСТОВЕРНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРОИЗОШЕДШЕГО СОБЫТИЯ

Елена Васильевна Прокофьева¹, Виктория Александровна Гаужаева²

¹ Волгоградская академия МВД России, Волгоград

² Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, Нальчик

¹ olenyonok83@mail.ru

² kristyv_13@mail.ru

Аннотация. При расследовании преступлений, связанных с падениями с высоты, нередко прибегают к реконструкции произошедшего события посредством компьютерного трехмерного моделирования. При проведении исследования использован системно-структурный подход, методы научного познания – анализ, синтез и моделирование. Рассмотрена возможность реконструкции падения с высоты при различных физических условиях падения тела заданной массы, с применением программного обеспечения с возможностью трехмерного моделирования.

Ключевые слова: реконструкция, компьютерное моделирование, 3D-моделирование, падение с высоты, осмотр места происшествия, экспертиза

Для цитирования: Прокофьева Е. В., Гаужаева В. А. Возможности реконструкции падения с высоты средствами компьютерного моделирования в целях установления достоверных обстоятельств произошедшего события // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (74). С. 114–120.

Original article

THE POSSIBILITY OF RECONSTRUCTING A FALL FROM A HEIGHT BY MEANS OF COMPUTER MODELING IN ORDER TO ESTABLISH RELIABLE CIRCUMSTANCES OF THE EVENT

Elena V. Prokofieva¹, Victoria A. Gauzhaeva²

¹ Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

² North Caucasian Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik

¹ olenyonok83@mail.ru

² kristyv_13@mail.ru

Abstract. When investigating crimes related to falls from heights, they often resort to reconstructing the event through computer three-dimensional modeling. The research uses a system-structural approach, methods of scientific knowledge such as analysis, synthesis and modeling. The paper considers the possibility of reconstructing a fall from a height under various physical conditions of falling of a body of a given mass using software with the possibility of three-dimensional modeling.

Keywords: reconstruction, computer modeling, 3D modeling, falling from a height, crime scene inspection, examination

For citation: Prokofieva E. V., Gauzhaeva V. A. The possibility of reconstructing a fall from a height by means of computer modeling in order to establish reliable circumstances of the event // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 114–120.

Реконструкция произошедшего события является первоосновой получения знания о совершенном преступлении в отсутствие возможности реализации следственных действий в естественных условиях и обеспечивает анализ механизмов следообразования и восприятие воссозданной картины взаимосвязи обстоятельств при расследовании уголовного дела.

Каждое преступление представляет собой событийно-временной факт, вследствие чего на момент расследования возможны изменения в окружающей обстановке места преступления или полная утрата объектов материальной среды ввиду влияния факторов, воздействие которых невозможно учесть или скомпенсировать. Подобные ситуации могут наступить при расследовании дорожно-транспортных происшествий, крушения железнодорожного и авиатранспорта, падения с высоты и др. Возникает потребность восстановления первоначальной естественной обстановки места происшествия для реализации целей установления условий произошедшего события, механогенеза процессов, прежнего состояния определенных предметов и объектов и их локализации в пространстве.

Сознание человека позволяет мысленно воссоздавать событийную картину преступления и его механизм. Приемы реконструкции обеспечивают трансформацию мысленной интерпретации картины преступления в ее цифровое отображение посредством современных виртуальных технологий [1]. Перспективным направлением установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, является использование реконструкции в форме 3D-моделирования.

Следует указать на несомненное преимущество применения реконструкции при расследовании уголовных дел: сокращение сроков проведения экспертиз, повышение качественного показателя, возможность проверки достоверности одной из версий механизма произошедшего события [2; 3]. Кроме того, как отмечает А. Б. Орокбаев, существующие программы

с возможностью 3D-моделирования на основе фактических данных позволяют воссоздать, реконструировать произошедшие события с безграничной возможностью детализации объектов анимированием статики в динамические процессы [4]. Важность использования компьютерного 3D-моделирования в уголовном судопроизводстве для воссоздания места происшествия с труднодоступного ракурса подчеркивают Р. А. Коньгин и Л. А. Шестакова [5].

Виртуализация пространства посредством трехмерного моделирования позволяет воссоздавать отдельные значимые фрагменты произошедшей картины преступления, позволяя наглядно проследить последовательность событий, повлекших искомый результат по факту осмотра места происшествия в конкретный момент времени. Использование специального программного обеспечения дает возможность симулировать разные варианты развития событий, позволяя определить наиболее вероятный сценарий преступления, приведший к конечному результату.

По фактам падения с высоты нередко возникает необходимость в установлении позы пострадавшего перед и в момент падения, при соударении тела с поверхностью с учетом возможности падения с предварительно заданным ускорением. Обоснованность выводов по этим вопросам определяется своевременно проведенным квалифицированным осмотром места происшествия с участием судебно-медицинского эксперта и представителей других специальностей [6].

По факту травм различной локализации нередко возникает задача по реконструкции ситуации, события преступления, отдельных его обстоятельств на основании материалов уголовного дела и имеющихся вещественных доказательств. Реконструкция нередко становится этапом судебно-медицинских экспертиз. По мнению Е. В. Алферовой [7], реализация реконструкции посредством применения 3D-технологий «позволяет сохранить все детали в неизменном виде, обеспечивая длительное хранение и последующее исследование».

Относительно решения вопроса о механизме травм при падении с высоты возникает сложная задача по реконструкции обстоятельств произошедшего события с восстановлением картины событийно-временного факта в деталях, причем не просто с описанием повреждений, а с глубоким анализом, требующим комплексного подхода для дифференциации преступления от происшествия и инсценировки убийства под самоубийство.

Иллюстрационный материал по факту падения с высоты обеспечивает возможность восприятия картины преступления в двумерном пространстве, в отсутствие возможности позиционирования отдельных значимых моментов произошедшего события, обеспечивающих правильность трактовки происшествия или квалификации преступления. Точка прыжка при самоубийстве, траектория полета тела с возможными изменениями в пространстве и взаимосвязанная с обозначенными факторами локализация трупа в конечной точке поверхности земли обозримы только в восприятии трехмерного пространства.

С. А. Ковалев и Б. П. Смагоринский [8] обоснованно предполагают применение криминалистического компьютерного моделирования для анализа сложных объектов и систем, заключающегося в создании компьютерной модели с функционалом, необходимым для исследования сходства с оригиналом, а также возможностью последующего исследования и использования этой модели в качестве средства получения криминалистически значимой информации в целях расследования и раскрытия преступления. Трехмерное моделирование позволяет перенести восприятие события вглубь пространства, преодолевая плоскость двумерного мира. Процесс построения 3D-модели определяется существующей проблемой и стратегией ее решения путем виртуализации через стадии создания компьютерной модели ее изучения и проверки с дальнейшей реализацией с целью достижения обозначенных целей.

При реконструкции процесса падения с высоты компьютерное моделирование позволяет реализовать процесс познания, анализа и проектирования сложных механизмов падения тела. Идея компьютерного моделирования позволяет экспериментировать с объектами в тех случаях, когда с реальными объектами сделать это практически невозможно или нецелесообразно. Суть методологии компьютерного моделирования состоит в замене исходного объекта или пространства их «образом», математической моделью с последующим ее изучением с помощью реализуемых на компьютерах вычислительно-логических алгоритмов*.

Известно большое количество программ с возможностью трехмерного моделирования. Для реализации реконструкции падения с высоты и установления механогенеза падения нами была применена объектно-ориентированная программа для создания трехмерной компьютерной графики Blender 3D, версия 3.5 GNU General Public License.

Падение с высоты остается одним из основных способов совершения самоубийств. Согласно статистике, общее количество суицидов в год связано с мужчинами. По общему количеству числа попыток и завершившегося суицида через падение с высоты преобладают женщины. В связи с этим для трехмерного моделирования падения человека с высоты было выбрано свободное падение женщины весом 65 кг.

Как известно, падения с высоты могут быть пассивными и активными**. В первом случае падение происходит без дополнительного ускорения, во втором – человеку придает ускорение внешняя сила при толчке или посредством прыжка от опоры. В обоих случаях в процессе полета тело может изменить положение, а также отклониться от перпендикуляра, связывающего точку, откуда началось падение, и место приземления. Это происходит за счет взаимного перемещения частей тела, имеющих разную массу и объем, а также из-за вращения туловища вокруг центра тяжести или точки соударения с препятствиями. Этот фактор зависит от телосложения – роста, веса, индивидуальных особенностей, а также от стартового положения, высоты падения, траектории, наличия ускоряющей силы и точки ее приложения, что не всегда является очевидным на этапе осмотра места происшествя и требует переноса восприятия в трехмерное видение процесса через реконструкцию для установления факта самоубийства или его переквалификации***. Был реконструирован процесс падения с высоты с ускорением путем создания трехмерного образа процесса разбега мужчины с крыши с последующим прыжком и контактного взаимодействия двух мужчин со стороны лица на уровне плеч, приведшего к падению с высоты.

На три описанных процесса были созданы симуляции с применением обозначенного программного обеспечения. Условия симуляции: высота дома – 27 м; вес модели женщины – 65 кг; вес модели мужчины – 78 кг; поверхность приземления – почва (рис. 1–3).

* Компьютерное моделирование технологических процессов. URL: tstu-isan.tstu.ru/pdf/lecture3.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

** На краю жизни. URL: <https://versia.ru/kazhdyj-sorokovoj-rossiyanin-samoubijca?ysclid=m4b51vyvr060205095> (дата обращения: 12.10.2024).

*** Физика падений. URL: <https://ria.ru/20171110/1508480571.html?ysclid=m37bnpwog176411128> (дата обращения: 12.12.2024).

Аппроксимация знания механогенеза падения с высоты

Вид падения	Пол и вес моделей лиц, падающих с высоты	
	Мужчина, 78 кг	Женщина, 65 кг
Самоубийство		
Свободное падение:	-	с места
- траектория полета		прямолинейная (параллельно дому)
- расположение относительно дома, м		до 1 м
Падение с ускорением:	с разбега	
- траектория полета	парабола	
- расположение относительно дома, м	до 2 м	
Убийство		
Толчок мужчины женщиной – со стороны лица и спины		
- траектория полета	парабола	
- расположение относительно дома, м	1,5 – 2 м	
Точка отлета при приземлении от здания увеличивается с высотой здания и силой, приданной падающему		

Для выполнения задачи реконструирования с целью трехмерного моделирования в специальном программном обеспечении была создана графическая сцена места происшествия, состоящая из девятиэтажного здания и симуляции людей. Модель человека создавалась реализацией функции «накладывания веса и указания веса каждого объекта». Для раскадровки и создания законченной анимации указывались требуемые физические параметры, определяющие полет тела в пространстве: начальная и конечная точки полета тел.

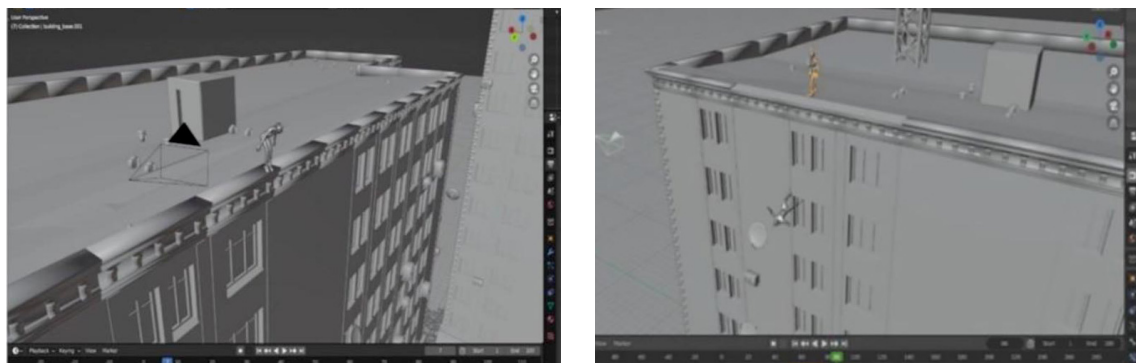

Рис. 1. Процесс создания и корректировки видео «Свободное падение женщины» (слева) и процесс создания и корректировки видео «Ускоренное падение мужчины при толчке женщиной со стороны спины на уровне плеч» (справа)

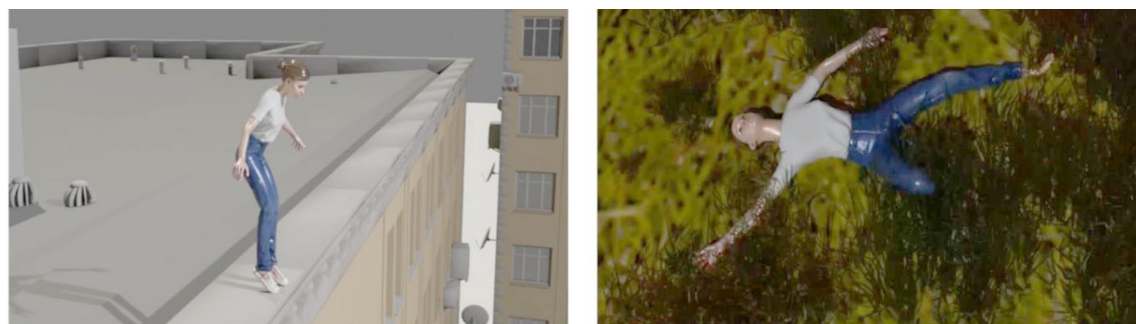

Рис. 2. Рендеринг начального положения женщины перед свободным падением с высоты (слева) и конечного положения женщины после свободного падения с высоты (справа)

В первой симуляции (свободное падение женщины) рендеринг полета показал отсутствие вращения тела ввиду того, что точка центра тяжести не была изменена – отсутствовало дополнительное ускорение, сам же полет тела протекал практически параллельно зданию. Приземление тела закончено плашмя на спину в радиусе одного метра от здания, сила удара о поверхность спровоцировала разлет обуви на модели.

Во второй симуляции мужчина, разбегаясь, прыгает с высоты девятиэтажного дома, обеспечив толчком дополнительное ускорение, поэтому траектория полета приобрела вид параболы. Приземление произошло плашмя на лицо в радиусе приземления относительно здания – 2 м. Поворотов тела, аналогично свободному падению женщины, не было. Следует отметить зависимость траектории полета от величины дополнительного ускорения и наивысшей точки полета тела. При небольшой силе толчка и этажности полет, так же, как и в варианте первой симуляции, будет происходить практически параллельно дому с конечной точкой приземления в радиусе порядка 1,5 м относительно здания.

Рис. 3. Рендеринг начального положения мужчины перед падением с высоты с дополнительным ускорением (слева) и конечного положения мужчины после падения с высоты с дополнительным ускорением падения

Таким образом, использование трёхмерного моделирования обеспечивает воссоздание отдельных этапов исследований, снижает временные затраты на их производство, тем самым повышая наглядность и объективность реализуемых действий. Истинность полученного 3D-моделирования механогенеза падения с высоты будет зависеть от введенных данных для симуляции, которые подлежат установлению специалистами в ходе осмотра места происшествия, с предоставлением наиболее вероятного вектора развития событий, с учетом степени достоверности всех выводов и возможных альтернатив [9].

Список источников

1. Комаров И. М. К вопросу о сущности метода криминалистической реконструкции в расследовании преступлений // Философия права. 2020. № 4 (95). С. 143–147.
2. Беляев М. В., Четвергов М. А. К вопросу о современных способах моделирования дорожно-транспортных происшествий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 11–15.
3. Галушкин В. И. Использование реконструкции в форме компьютерного 3 D-моделирования в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. С. 227–234.
4. Оракбаев А. Б. О некоторых вопросах расследования преступлений с использованием средств виртуализации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 88–92.
5. Коньгин Р. А., Шестакова Л. А. Использование компьютерного трехмерного моделирования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 3. С. 99–106.
6. Лебедев А. Н. Возможности реконструкции некоторых обстоятельств смертельной травмы при падении с высоты // Судебно-медицинская экспертиза. 1986. № 1. С. 18–21.

7. Алферова Е. В. Использование 3 D-технологий в криминалистике и судебной экспертизе (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2014. С. 153–164.
8. Ковалев С. А., Смагоринский Б. П. Использование криминалистического компьютерного моделирования при планировании расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26). С. 111–123.
9. Родина Е. Ю., Москаленко В. Н. Особенности взаимодействия со специалистом в ходе назначения и производства компьютерных экспертиз в системе МВД России // Судебная экспертиза. 2024. № 4 (80). С. 19–30.

Информация об авторах

Е. В. Прокофьева – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности;

В. А. Гаужаева – кандидат юридических наук, доцент кафедры специально-технической подготовки.

Information about authors

E. V. Prokofieva – *kandidat nauk*, degree in Physics and Mathematics, Associate Professor, associate professor of the Department of Forensic Techniques of the Educational and Scientific Complex of Forensic Activities;

V. A. Gauzhaeva – *kandidat nauk*, degree in Law, associate professor of the Department of Special Technical Training.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 30.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 05.05.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 121–130.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 121–130.

Научная статья
УДК 343.983.2

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛЕДОВ ПРИМЕНЕНИЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО КАРАБИНА М4 КАЛИБРА 5,56 ММ

Владимир Михайлович Юрин¹, Арстангали Амангалиевич Нурушев²,
Владимир Александрович Федоренко³, Сабыргали Амантаевич Балтабаев⁴

^{1,3} Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов

² Волгоградская академия МВД России, Волгоград

⁴ Международная академия информатизации (МАИН) Республики Казахстан

¹ yurin55@list.ru

² arsik.nur@yandex.ru

³ fed77@yandex.ru

⁴ baltabaev.sabyrgali@mail.ru

Аннотация. Судебно-баллистическая экспертиза выступает одним из важнейших инструментов установления объективной истины по уголовным делам. Современный уровень ее развития предоставляет возможность комплексного решения сложных задач, возникающих в процессе расследования: от исследования конструктивных особенностей и функционального состояния огнестрельного оружия и боеприпасов до детального анализа многообразных следов, возникающих при их применении. Критически важным аспектом является задача идентификации конкретного экземпляра оружия, использованного при совершении преступления. Успешное решение этой задачи позволяет установить неразрывную связь между изъятым вещественным доказательством и криминальным событием и получить существенную информацию о злоумышленниках, а также установить и реконструировать обстоятельства произошедшего. Авторами был исследован автоматический карабин М 4 калибра 5,56 мм и следы его близкого выстрела. Весь ход исследования описан и проиллюстрирован в представленной статье.

Ключевые слова: автоматический карабин М4 калибра 5,56 мм, идентификация стрелкового оружия, следы выстрела, различные преграды, металлические частицы, пороховые зерна, химические соединения

Для цитирования: Юрин В. М., Нурушев А. А., Федоренко В. А., Балтабаев С. А. Криминалистическое исследование следов применения автоматического карабина М4 калибра 5,56 мм // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 121–130.

Original article

FORENSIC EXAMINATION OF TRACES OF USE OF THE M4 AUTOMATIC RIFLE OF 5.56 MM CALIBRE

Vladimir M. Yurin¹, Arstangali A. Nurushev², Vladimir A. Fedorenko³, Sabyrgali A. Baltabaev⁴

^{1,3} Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov

² Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

⁴ International Academy of Informatization of the Republic of Kazakhstan

¹ yurin55@list.ru

² arsik.nur@yandex.ru

³ fed77@yandex.ru

⁴ baltabaev.sabyrgali@mail.ru

Abstract. Forensic ballistics examination is one of the most important tools for establishing the objective truth in criminal cases. Its current level of development allows for a comprehensive solution to complex problems that arise during the investigation process: from examining the design features and functionality of firearms and ammunition to a detailed analysis of the diverse traces left by their use. A critical aspect is the identification of the specific weapon used in the commission of the crime. Successfully solving this problem allows us to establish an inextricable link between the seized material evidence and the criminal event, obtain essential information about the perpetrators, and establish and reconstruct the circumstances of the incident. The authors investigated a 5.56mm M4 automatic carbine and traces of its close-range fire. The entire study is described and illustrated in the submitted article.

Keywords: Automatic carbine M4 caliber 5.56 mm, identification of small arms, traces of shots, various obstacles, metal particles, powder grains, chemical compounds

For citation: Yurin V. M., Nurushev A. A., Fedorenko V. A., Baltabaev S. A. Forensic examination of traces of use of the M4 automatic rifle of 5.56 mm caliber // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025; 4 (73): 121–130.

Автоматический карабин М4 (официальное название: карабин, калибр 5,56 мм, М4) – это штурмовая винтовка, разработанная в США в 1980-х гг. (фото 1). Это укороченная версия штурмовой винтовки М16А2. Карабин М4 широко используется вооруженными силами США в качестве основного пехотного оружия и боевой винтовки. Карабин М4 принят на вооружение в некоторых странах мира.

Боеприпасы различного типа, в том числе калибра 5,56 × 45 мм, используемые с карабином М4, имеют строго определенные баллистические и конструктивные параметры. Криминалистический анализ включает исследование типов пуль (например, стандартная SS109/M855 со стальным пенетратором или гражданские варианты), их массы, формы, материалов оболочки и сердечника.

Автоматический карабин М4 представляет собой стрелковое оружие газоотводного типа, разработанное на платформе AR-15. Ключевой особенностью является использование патрона калибра 5,56×45 мм НАТО, обеспечивающего высокую начальную скорость пули (880–940 м/с) и плоскую траекторию полета. Ствол длиной 368 мм (14,5 дюймов) содержит 6 правосторонних нарезов с шагом 1:7 дюймов, оптимизированных для стабилизации тяжелых пуль массой от 62 до 77 г.

Фото 1. Автоматический карабин М4 калибра 5,56×45 мм

Конструкция включает телескопический приклад с пятью позициями регулировки, планку Пикатинни для установки прицельных приспособлений и эргономичную pistolетную рукоять. Штатный магазин коробчатого типа вмещает 30 патронов. На ствольной коробке наносится маркировка производителя (Bushmaster) и уникальный серийный номер, имеющий криминалистическое значение для идентификации происхождения оружия (фото 2).

Фото 2. Маркировочные обозначения в передней части нижнего приемника карабина М4 калибра 5,56×45 мм

Основные параметры автоматического карабина М4 калибра 5,56×45 мм

Наименование параметра	Норма для изделия
Калибр, мм	5,56×45 мм
Кучность стрельбы (поперечник рассеивания тридцати пуль) при стрельбе со станка патронами М855А1, не более	160
Точность стрельбы (отклонение средней точки попадания от точки прицеливания) на дальности 50 м, мм, не более	30
Усилие спуска нерегулируемое, Н (кгс)	30–50 (3,06–5,10)
Емкость магазина, шт. патронов	30
Масса карабина без принадлежностей, кг, не более	2,88
Габаритные размеры без кронштейна, мм, не более	838×60×240

Работа автоматики карабина М4 основана на газоотводном принципе с коротким ходом поршня, где ключевые этапы функционирования взаимосвязаны. При нажатии на спусковой крючок ударник под действием боевой пружины продвигается вперед, нанося удар по капсюлю патрона. Инициированный капсюль воспламеняет пороховой заряд, образующиеся газы создают давление, выталкивающее пулю по нарезному каналу ствола. Параллельно часть пороховых газов через газоотводное отверстие в стволе направляется в газовую камеру, воздействуя на газовый поршень. Возвратно-поступательное движение поршня передается затворной раме, которая при откате проворачивает затвор посредством взаимодействия копирного паза с ведущим выступом затвора. Это обеспечивает отпирание канала ствола и выбрасывание стреляной гильзы под действием эжектора и отражателя. При движении затворной группы назад сжимается возвратная пружина, а при обратном ходе под ее воздействием досылается новый патрон из магазина в патронник. Затвор при этом поворачивается, сцепляясь боевыми упорами с ответными вырезами ствольной коробки, что завершает цикл перезарядки.

Криминалистически значимые аспекты взаимодействия механизмов проявляются в специфическом слеодообразовании. Удар бойка по капсюлю гильзы оставляет характерный отпечаток диаметром 2,5 мм со смещением от центра донца. Выбрасыватель, зацепляя закраину гильзы при отходе затвора, формирует динамические трассы на ее поверхности, а отражатель создает вмятину на противоположной стороне.

Следы на пулях:

- количество следов полей нарезов – 6;
- направление следов полей нарезов – правое;
- угол наклона следов полей нарезов 5,6–5,8°;
- ширина следов полей нарезов – 1,3 мм.

Следы на гильзах. На гильзах патронов 5,56×45 мм, стрелянных из карабина М4, формируются характерные следы взаимодействия с механизмами оружия. В центре капсюля остается круглый отпечаток бойка диаметром 2,0–2,2 мм и глубиной 0,4–0,6 мм с ровными краями (фото 3, отм. 1). На корпусе гильзы отпечатывается след отражателя в виде прямоугольного рельефа размером 3–4 × 1,5–2,0 мм, часто с двойным контуром из-за специфики военной конструкции. На краю донца гильзы видна крючкообразная царапина длиной 2,5–3,5 мм от зацепа выбрасывателя (экстрактора), направленная от центра к краю. При стрельбе последнего патрона в магазине на основании корпуса гильзы может появляться продольная царапина длиной 4–6 мм от зацепа фиксатора затворной задержки. На корпусе гильзы иногда наблюдаются вертикальные царапины длиной 5–10 мм от контакта с пазами ствольной коробки для узлов экстракции (фото 4, отм. 2). Торец донца гильзы имеет блестящую крючковую полосу шириной 0,5–0,8 мм – след прижатия к заднему срезу патронника под давлением пороховых газов.

Фото 3–4. Следы на гильзах, стрелянных из автоматического карабина М4

Экспериментальная стрельба производилась из автоматического карабина М4 калибра 5,56×45 мм, патронами бронебойно-зажигательного типа 5,56×45 mm Cartridges SS109 LOT 94 IK 08 (по стандарту NATO STANAG 4172) (производства Босния и Герцеговина). В качестве мишеней использовались квадратные отрезки хлопковой ткани, которые прикреплялись к картону. Интервал дистанций составлял от 0 до 100 см.

**Огнестрельные повреждения на объектах из хлопковой ткани,
оставленные после выстрелов из автоматического карабина М4
калибра 5,56×45 мм**

Дистанция 0 см

Особенности и характеристики повреждения

Формат повреждения: действие пороховых газов (выстрел в упор).

Образовавшаяся форма повреждения: ромбовидная.

Характеристики зоны разряджения и образовавшегося дефекта – разрыв нитей параметрами 15,5×14,5 мм.

Формы краев повреждения: неравномерные, направлены в просвет разрыва. Имеется разволокнение свободных концов отсоединенных структур нитей, разведенных под различными углами. В смежной зоне нитки вытянуты из состава сплетения ткани.

Признаки пояска обтирания: зрительно невидимый (целиком покрыт усиленным отложением копоти).

Второстепенные следы выстрела

Механико-кинетическое влияние газов пороха: содержатся (на это указывает отсоединение структуры ткани).

Наслоение копотной гари: возникают два симметричных участка. Основной участок: наслоение проявленное, отчетливое, светло-черного и сероватого оттенка, контур овальный, параметрами до 10 мм. Боковые участки: наслоения серовато-черного оттенка, дымчатого и млечного оттенка с нечеткими видимыми линиями, параметрами до 30 мм.

Наслоение пороховых частиц: не просматривается.

Механико-кинетическое влияние частиц пороха: не просматривается.

Обгорелость и обугленность ткани: выявлены отдельные фрагменты обугливания хлопковых ниток, находящихся в области копотной гари.

Дистанция 20 см

Особенности и характеристики повреждения

Формат повреждения: действие пороховых газов (ближняя дистанция).

Образовавшаяся форма повреждения: трапециевидная.

Характеристики зоны разряджения и образовавшегося дефекта – разрыв нитей параметрами 8,5×14,5 мм.

Формы краев повреждения: неравномерные, направлены в просвет разрыва. Имеется разволокнение свободных концов отсоединенных структур нитей, разведенных под различными углами. В смежной зоне нитки вытянуты из состава сплетения ткани.

Признаки пояска обтирания: зрительно невидимый (покрыт отложением копоти).

Второстепенные следы выстрела

Механико-кинетическое влияние газов пороха: содержатся (на это указывает отсоединение структуры ткани).

Наслоение копотной гари: возникает один симметричный участок. Основной участок: наслоение слабопроявленное, неотчетливое, светло-черного и сероватого оттенка, контур овальный параметрами до 15 мм.

Наслоение пороховых частиц: не просматривается.

Механико-кинетическое влияние частиц пороха: не просматривается.

Обгорелость и обугленность ткани: выявлены отдельные фрагменты обугливания хлопковых ниток, находящихся в области копотной гари.

Дистанция 30 см

Особенности и характеристики повреждения

Формат повреждения: действие пороховых газов (ближняя дистанция).

Образовавшаяся форма повреждения: остроконечная с полосами. Характеристики зоны разряджения и образовавшегося дефекта – разрыв нитей параметрами 7×13,5 мм.

Формы краев повреждения: неравномерные, направлены в просвет разрыва. Имеется разволокнение свободных концов отсоединенных структур нитей, разведенных под различными углами. В смежной зоне нитки вытянуты из состава сплетения ткани.

Признаки пояса обтирания: зрительно невидимый.

Второстепенные следы выстрела

Механико-кинетическое влияние газов пороха: имеется (на это указывает отсоединение структуры ткани).

Наслоение копотной гари: возникает один симметричный участок. Основной участок: наслоение слабопроявленное, неотчетливое, светло-черного и сероватого оттенка, контур нечеткого овала, параметрами до 19 мм. Наслоение пороховых частиц: не просматривается.

Механико-кинетическое влияние частиц пороха: не просматривается.

Обгорелость и обугленность ткани: выявлены отдельные фрагменты обугливания хлопковых ниток, находящихся в области копотной гари.

Дистанция 40 см

Особенности и характеристики повреждения

Формат повреждения: от действия пули (ближняя дистанция).

Образовавшаяся форма повреждения: овальная.

Характеристики зоны разряджения и образовавшегося дефекта: разрыв нитей параметрами 2×1 мм.

Формы краев повреждения: неравномерные, направлены в просвет разрыва. Имеется разволокнение свободных концов отсоединенных структур нитей, разведенных под различными углами. В смежной зоне нитки вытянуты из состава сплетения ткани.

Признаки пояса обтирания: имеется, диаметром 5,7 мм.

Второстепенные следы выстрела

Механико-кинетическое влияние газов пороха: не имеется.

Наслоение копотной гари: возникает один симметричный участок. Основной участок: наслоение слабопроявленное, неотчетливое.

Наслоение пороховых частиц: не просматривается.

Механико-кинетическое влияние частиц пороха: не просматривается.

Обгорелость и обугленность ткани: выявлены отдельные фрагменты обугливания хлопковых ниток, находящихся в области копотной гари.

Дистанция 50 см

Особенности и характеристики повреждения

Формат повреждения: от действия пули (ближняя дистанция).

Образовавшаяся форма повреждения: в виде полосы. Характеристики зоны разряджения и образовавшегося дефекта: разрыв нитей параметрами 1,5×18,5 мм.

Формы краев повреждения: неравномерные, направлены в просвет разрыва. Имеется разволокнение свободных концов отсоединенных структур нитей, разведенных под различными углами. В смежной зоне нитки вытянуты из состава сплетения ткани.

Признаки пояска обтирания: слабо просматриваются.

Второстепенные следы выстрела

Механико-кинетическое влияние газов пороха: имеется, посредством частичного отсоединения структуры ткани.

Наслоение копотной гари: возникает один симметричный участок. Основной участок: наслоение проявленное, отчетливое, контур неопределенной формы, параметрами 20×10 мм.

Наслоение пороховых частиц: слабо просматривается.

Механико-кинетическое влияние частиц пороха: не просматривается.

Обгорелость и обугленность ткани: выявлены отдельные фрагменты обугливания хлопковых ниток, находящихся в области копотной гари.

Дистанция 60–100 см

Особенности и характеристики повреждения

Формат повреждения: от действия пули (близняя дистанция).

Образовавшаяся форма повреждения: овальная. Характеристики зоны разряжения и образовавшегося дефекта: разрыв нитей параметрами 1,1×11,5 мм.

Формы краев повреждения: неравномерные, направлены в просвет разрыва. Имеется разволокнение свободных концов отсоединенных структур нитей, разведенных под различными углами. В смежной зоне нитки вытянуты из состава сплетения ткани.

Признаки пояска обтирания: не просматриваются.

Второстепенные следы выстрела: не имеются.

Механико-кинетическое влияние газов пороха: не имеется.

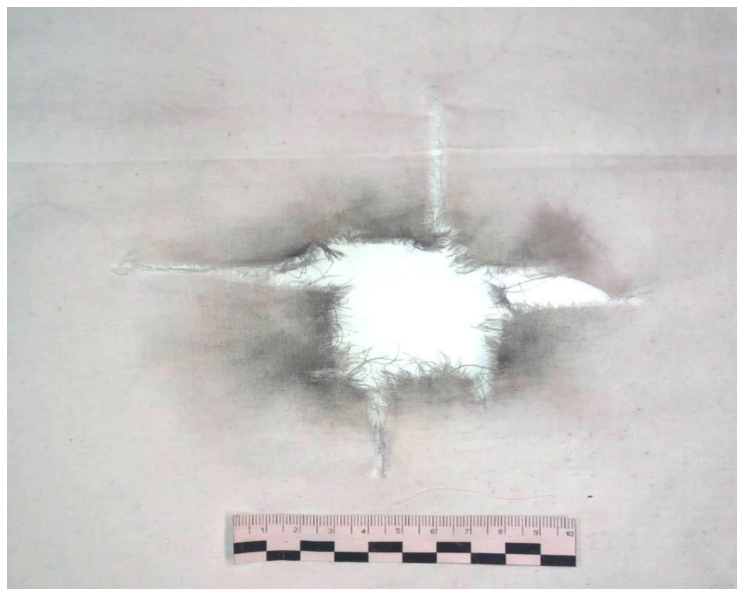
Наслоение копотной гари: не имеется.

Наслоение пороховых частиц: не просматривается.

Механико-кинетическое влияние частиц пороха: не просматривается.

Обгорелость и обугленность ткани: не имеется.

Иллюстрации огнестрельных повреждений на объектах из хлопковой ткани, оставленные выстрелами автоматического карабина М4 калибра 5,56х45 мм

Дистанция 0 см

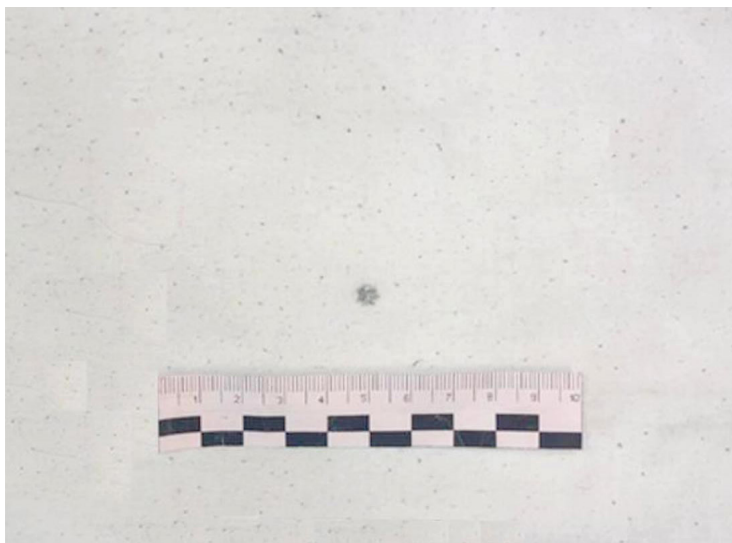
Дистанция 20 см

Дистанция 30 см

Дистанция 40 см

Дистанция 50 см

Дистанция 60–100 см

Итак, авторами детально были исследованы и описаны основные механизмы следообразования на стреляных пулях и гильзах. Особое внимание уделено характеристикам индивидуализирующих следов, оставляемых различными узлами оружия.

Анализ полученных в ходе экспериментов эмпирических данных позволил установить и научно обосновать комплекс диагностически значимых признаков, характерных именно для следов применения карабина М4. К ним относятся, прежде всего, динамика изменения морфологии входного отверстия (форма, размеры, состояние краев) и выраженности сопутствующих факторов (пороховая копоть, металлизация, термические повреждения в виде оплавления или обугливания, осаждение негоревших пороховых зерен) в зависимости от расстояния до преграды.

Проведенное исследование убедительно подтверждает сохраняющуюся высокую актуальность и необходимость дальнейшего углубленного изучения баллистических характеристик и особенностей следообразования современных широко распространенных образцов стрелкового оружия. Такие исследования являются важнейшим условием для непрерывного совершенствования методов криминалистической экспертизы, расширения ее возможностей в установлении истины по уголовным делам. Полученные результаты вносят значимый вклад в решение этой комплексной задачи.

Практическая значимость проведенного исследования заключается главным образом в разработке конкретных методических рекомендаций, направленных на оптимизацию процесса идентификации огнестрельных повреждений, образованных выстрелами из карабина М4, в рамках производства судебно-баллистических экспертиз. Эти рекомендации, основанные на систематизированных данных о специфике следообразования, могут быть непосредственно внедрены в экспертную практику, способствуя повышению точности и обоснованности выводов. Кроме того, результаты работы могут быть эффективно использованы в учебном процессе при подготовке и чтении спецкурсов криминалистического профиля в высших учебных заведениях, а также при разработке и актуализации справочно-методических материалов для экспертных подразделений правоохранительных органов.

Информация об авторах

В. М. Юрин – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз;

А. А. Нурушев – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трасологии и баллистики;

В. А. Федоренко – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий учебно-научной лабораторией криминалистического материаловедения;

С. А. Балтабаев – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V.M. Yurin – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, Professor of the Department of the criminal process, criminalistics and forensic;

A. A. Nurushev – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, associate professor of the Department of Traceology and Ballistics of the Department of Trauma Science and Ballistics;

V.A. Fedorenko – *kandidat nauk*, degree in Physic and Mathematic, Associate Professor, Head of the Educational and Scientific Laboratory of Forensic Materials Science;

S. A. Baltabaev – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 131–137.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 131–137.

Научная статья
УДК 343.98

ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Татьяна Петровна Курганникова

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск
tatkur.kms@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена реконструкция при производстве судебно-баллистических исследований, также дана характеристика некоторых ее видов. Особое внимание уделено реконструкции условий выстрела, отдельных предметов и внешнего облика человека, которые являются составляющей частью судебной баллистической экспертизы. Автор полагает, что эффективное применение реконструкции при производстве баллистических экспертиз, точное процессуальное оформление ее результатов позволят более наглядно изложить ход экспертного исследования, повысить достоверность и убедительность выводов эксперта.

Ключевые слова: реконструкция, баллистические исследования, экспертиза, выстрел, следы, патрон, спусковой крючок, место происшествия, огнестрельное оружие, следы, расследование

Для цитирования: Курганникова Т. П. Тактика проведения реконструкции при производстве судебно-баллистических исследований // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 131–137.

Original article

TACTICS FOR CONDUCTING RECONSTRUCTION IN FORENSIC BALLISTIC EXAMINATIONS

Tatyana P. Kurgannikova

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk
tatkur.kms@gmail.com

Abstract. In this article examines reconstruction in the production of forensic ballistic examinations, and also provides characteristics of some of its types. Particular attention is paid to the reconstruction of the conditions of the shot, individual objects and the appearance of a person, which is an integral part of the forensic ballistic examination. The author believes that the effective use of reconstruction in the production of ballistic examinations, the precise procedural registration of its results allows for a more visual presentation of the course of the expert examination, increases the reliability and persuasiveness of the expert's conclusions.

Keywords: reconstruction, ballistic studies, examination, shot, traces, cartridge, trigger, scene of the crime, firearms, traces, investigation

© Курганникова Т. П., 2025

For citation: Kurgannikova T. P. Tactics for conducting reconstruction in forensic ballistic examinations // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025; 4 (73): 131–137.

При производстве судебно-баллистических исследований очень часто возникает необходимость в реконструкции условий выстрела, обстановки места происшествия, отдельных предметов и внешнего облика человека. Рассмотрим более подробно отдельные виды реконструкции.

Реконструкция условий выстрела. В экспертной практике нередко исследования для решения вопроса о возможности выстрела без воздействия на спусковой крючок. При проведении таких исследований необходимо, во-первых, установить в представленном на экспертизу оружии наличие таких неисправностей или конструктивных особенностей, которые дают основание предположить, что выстрел без воздействия на спусковой крючок возможен. Во-вторых, экспериментальным путем проверяется, могли ли установленные неисправности или конструктивные особенности оружия вызвать выстрел без воздействия на спусковой крючок при конкретных обстоятельствах.

Наличие в исследуемом оружии неисправностей (или конструктивных особенностей), которые делают возможным выстрел без воздействия на спусковой крючок, само по себе еще не дает основания сделать вывод о том, что произошел именно такой выстрел. Как справедливо отмечает В. В. Филиппов, «оружие может иметь такие неисправности, которые никак не могли проявиться и вызвать выстрел без воздействия на спусковой крючок в условиях конкретного расследуемого происшествия» [1]. Поэтому для ответа на поставленный вопрос эксперт должен произвести эксперименты в условиях, максимально сходных с условиями происшествия. Для соблюдения этого требования и применяется реконструкция.

В экспертной практике сравнительно редко встречаются исследования с целью установления возможности выстрела без воздействия на спусковой крючок из стандартного нарезного оружия. Чаще всего такой вопрос решается в отношении охотничьих ружей. Выстрелы без воздействия на спусковой крючок происходят в результате сотрясения ружья или удара им о какой-либо предмет, нанесения удара по спущенным куркам, срыва курка в момент отведения его назад, накола капсюля о выступающую часть бойка при закрывании ружья и т. п.

Следователь и эксперт должны иметь в виду, что возможны и умышленные выстрелы без воздействия на спусковой крючок. В связи с этим вопрос о возможности выстрела без воздействия на спусковой крючок не может, как правило, решаться безотносительно к условиям, при которых произошло расследуемое событие. Такие условия определяются действиями обвиняемого или самого потерпевшего, поэтому следователь должен выяснить, в результате каких именно действий произошел выстрел, сформулировать вопрос применительно к обстоятельствам происшествия, сообщить эксперту исчерпывающие сведения об условиях, при которых произошел выстрел из представленного на экспертизу оружия. В соответствии с этим эксперт и осуществляет реконструкцию при производстве опытов.

Содержание реконструкции определяется конкретными обстоятельствами дела. При проведении опытов должны быть воспроизведены лишь те условия, от наличия которых зависит истинность выводов. Так, например, если выстрел без воздействия на спусковой крючок на месте происшествия произошел в результате падения ружья с определенной высоты, причем ударились оно прикладом, то при производстве экспертного эксперимента необходимо бросать ружье с такой же высоты и так, чтобы при падении оно ударились прикладом, а не другой частью. Определенное значение имеют и свойства материала поверхности, о которую ударились ружье при падении. Если на месте происшествия оно упало на землю, то при проведении экспертного эксперимента нельзя бросать ружье на деревянное или бетонное покрытие.

Большое значение имеет реконструкция условий выстрела при производстве экспериментальных стрельб с целью получения образцов для сравнительного исследования.

На отображение деталей рельефа частей оружия в следах на пулях и гильзах оказывают влияние следующие факторы: а) величина давления пороховых газов при выстреле; б) свойства материала следовоспринимающего объекта (пуль, гильз, капсюлей); в) состояние поверхности канала ствола и частей ударно-спускового механизма (изношенность, наличие смазки, нагара, продуктов коррозии, металлизация канала ствола и т. п.).

Реконструкция условий заключается в создании при экспериментальных выстрелах факторов, аналогичных тем, которые имели место при исследуемом выстреле. Разумеется, речь идет о воссоздании факторов, которые закономерно влияют на отображение идентификационных признаков оружия. Так, если выстрел на месте происшествия был произведен из оружия с заржавленным каналом ствола, нельзя вычищенное оружие подвергать коррозии для производства экспериментальных стрельб. Такая «реконструкция» пользы не принесет, так как следы от частиц ржавчины на пуле имеют случайный характер. Но если выстрел на месте происшествия был произведен из смазанного оружия, а к моменту проведения экспертизы оно заржавело, то воссоздание первоначального состояния канала ствола, заключающееся в удалении частиц ржавчины и нанесении слоя смазки, позволит получить отображение рельефа канала ствола на экспериментальных пулях в условиях, близких к условиям исследуемого выстрела.

Существенное влияние на отображение идентификационных признаков оружия оказывает величина давления пороховых газов. Воссоздание этого фактора, а также фактора, обусловленного свойствами материала следовоспринимающего объекта, осуществляется подбором патронов, по баллистическим свойствам и свойствам материала пуль, гильз и капсюлей, аналогичным патрону, использованному для выстрела на месте происшествия.

Наилучшим экспериментальным материалом являются патроны, относящиеся к той же партии, что и использованный преступником патрон. Следует, однако, учесть, что патроны даже одной и той же партии иногда значительно различаются по создаваемому ими давлению пороховых газов в результате некоторой неравномерности заряда пороха, его состояния и вариаций в действии капсюля.

Технология изготовления патронов предусматривает определенные допуски в количестве пороха, диаметре пуль и т. п. даже для одной и той же партии патронов. Если же для экспериментальных стрельб применяются патроны другой партии, различия в условиях выстрела будут еще больше.

Патроны в таких случаях следует подбирать, ориентируясь на диаметр пуль. Необходимо также увеличивать количество экспериментальных выстрелов. Если следы на представленной на экспертизу пуле выражены значительно лучше, чем на экспериментальных пулях, то допустимо для производства экспериментальных стрельб несколько увеличить заряд пороха в патроне.

Существенное влияние на баллистические свойства патронов оказывают также условия, в которых они хранились, поэтому, при возможности, следователь должен выяснить условия хранения патронов обвиняемым и полученные сведения сообщить эксперту, чтобы он мог учесть их при производстве экспериментальных стрельб.

Незнание экспертом условий исследуемого выстрела затрудняет оценку выявленных при сравнительном исследовании совпадений и различий в отображении рельефа частей оружия на изъятых с места происшествия и экспериментальных пулях и гильзах.

Так, В. В. Филиппов приводит случай, когда при сравнении исследуемой и экспериментальной пуль наблюдались существенные различия в следах полей нарезов канала ствола, и эксперт пришел к выводу, что они выстрелены из разных малокалиберных винтовок. Впоследствии выяснилось, что патроны хранились обвиняемым в неблагоприятных условиях, в результате чего их баллистические свойства резко ухудшились. Эксперт же использовал для экспериментальных стрельб обычные патроны. При проведении повторной экспертизы для

экспериментальных стрельб использовались патроны с уменьшенным на 20–40 % пороховым зарядом. При сравнении полученных таким образом экспериментальных пуль с исследуемой, оружие было идентифицировано [2].

На отображение идентификационных признаков оружия в следах на пулях и гильзах существенное влияние оказывает состояние поверхности его частей и механизмов в момент выстрела. Например, частицы смазки препятствуют отображению микрорельефа поверхности деталей оружия в следах на пулях и гильзах, и если не учитывается это обстоятельство, то эксперт может прийти к ошибочному выводу. Примером тому служат материалы уголовного дела, возбужденного СО Хабаровского ЛУ МВД России на транспорте. При исследовании двух пуль, изъятых с различных мест происшествий, эксперт дал заключение, что они выстрелены из разных пистолетов «ТТ». Когда же у обвиняемого изъяли оружие, повторная экспертиза установила, что обе пули выстрелены из одного и того же пистолета*. Различия в следах на пулях были вызваны тем, что при производстве одного выстрела канал ствола был смазан, а при производстве другого – смазки не имел.

Сведения о состоянии частей оружия в момент выстрела в некоторых случаях могут быть получены следователем при проведении допросов. Иногда эксперт сам может получить сведения о состоянии канала ствола оружия в момент выстрела. При выстреле из смазанного ствола значительно уменьшается выраженность первичных следов на пуле, образуемых гранями заднего среза полей нарезов, по сравнению со вторичными следами. О выстреле из смазанного оружия будет свидетельствовать также наличие частиц смазки на краях пулевой пробоины.

Реконструкция условий выстрела, определяемых состоянием оружия в момент выстрела, может заключаться в удалении с деталей, частей и механизмов оружия ржавчины, в удалении или нанесении смазки, в очистке канала ствола от нагара и т. п.

Таким образом, тщательная подготовка экспериментальной стрельбы, воссоздание при ее производстве всех существенных условий исследуемого выстрела позволяют получить экспериментальные пули и гильзы, равноценные представленным на экспертизу. Это облегчает сравнительное исследование и обеспечивает возможность безошибочного решения вопроса о наличии или отсутствии тождества.

Реконструкция отдельных предметов. При производстве судебно-баллистических исследований в целях установления дальности выстрела из охотничьих ружей по следам на преграде, для производства экспериментальных выстрелов необходимо использовать патроны, аналогичные использованным обвиняемым. Для соблюдения этого условия в случаях, когда такие патроны отсутствуют, прибегают к реконструкции – воспроизведению признаков патрона-оригинала, влияющих на его баллистические свойства, от которых во многом зависит площадь рассеивания дроби.

На площадь рассеивания дроби влияют следующие признаки патрона: 1) вид гильзы (картонная или латунная), а следовательно, и вид капсюля («жевеловый», «центробой»); 2) количество пороха, его вид (дымный или бездымный), марка; 3) количество дроби (картечи); 4) размер дроби, форма дробинок и их однородность в заряде по форме и размерам; 5) качество пыжей, определяемое их размерами и материалом, из которого они изготовлены; 6) способ снаряжения патрона.

Реконструкция осуществляется по сведениям о патроне-оригинале, сообщенным эксперту следователем, а также полученным самим экспертом. Следователь при допросе должен выяснить, каким образом снаряжался патрон, какие порох, дробь, пыжи использовались и т. п. При наличии у обвиняемого патронов, аналогичных использованному для производства исследуемого выстрела, следователь должен изъять их. Необходимо также изъять порох, дробь,

* Материалы уголовного дела № 1200100941000XXX, возбужденного СО Хабаровского ЛУ МВД России на транспорте // Архив ЭКЦ УТ МВД России по ДФО за 2022 год.

пыжи, гильзы и капсюли, аналогичные тем, которыми снаряжался патрон, и представить их эксперту. Все это он использует для реконструкции патронов. Сведения о реконструируемом патроне эксперт может получить также, исследуя вещественные остатки заряда, обнаруженные при осмотре места происшествия (дробь, пыжи, гильзы, прокладки и т. п.).

Необходимо иметь в виду, что обвиняемый может сообщить ложные или неточные сведения о компонентах заряда и способе снаряжения патрона, поэтому к таким сведениям следует относиться критически и, при возможности, сопоставлять их с источниками объективных сведений о патроне-оригинале. Так, А. В. Семенов приводит пример, когда при производстве экспертизы по делу о неосторожном убийстве для проверки сведений о патроне, сообщенных обвиняемым, эксперт использовал: а) обнаруженные при осмотре места происшествия остатки древесно-волокнутого пыжа, а также размеры пробоин от картечи на ветвях кустов; б) извлеченные из трупа две картечины; в) изъятую у обвиняемого стреляную картонную гильзу, снаряженную капсюлем «жеволо», данные проведенной ранее физико-химической экспертизы. Это обеспечило максимальную объективность реконструкции патрона [3].

Реконструированные патроны являются моделями патрона-оригинала, имеющими сходство с последним по основным признакам, но и отличающимися от него. При наличии полных и достоверных сведений о патроне-оригинале и тщательном воспроизведении всех существенных признаков, различия эти, как правило, бывают несущественными. Однако необходимо учитывать, что некоторые признаки патрона-оригинала могут быть неизвестны эксперту, например, что порох был отсыревшим. Это обстоятельство следует иметь в виду при оценке результатов экспертного исследования.

При проведении судебно-баллистических исследований может возникнуть необходимость в реконструкции отдельных предметов, разрушенных пулей (например, оконного стекла). Такая реконструкция осуществляется для установления направления и дальности выстрела, места нахождения стрелявшего и т. п.

Встречаются случаи, когда часть осколков разбитого стекла, в том числе и те, на которых расположена пулевая пробоина, отсутствуют. Если в раме остались части стекла с радиальными трещинами, образовавшимися при его разрушении, представляется возможным воссоздать положение пулевой пробоины в стекле. Реконструкция осуществляется следующим образом. Берут лист фанеры или картона, по размерам соответствующий разбитому пулей стеклу, и воспроизводят на нем имеющиеся на оставшейся в раме части стекла радиальные трещины. С помощью линейки и карандаша на листе картона проводят линии, являющиеся продолжением радиальных трещин. Точка пересечений этих линий будет соответствовать расположению центра пулевой пробоины в стекле в момент его разрушения. При наличии еще одной пробоины или следа рикошета восстановленная пулевая пробоина может быть использована для определения места положения стрелявшего. Как показали экспериментальные исследования, проведенные В. Ф. Берзиным, радиальные трещины в стекле, разрушенном пулей, имеют зигзагообразную форму только при выстреле с близких дистанций, при выстреле же со средних и дальних дистанций образуются прямолинейные радиальные трещины, поэтому положение пулевой пробоины в разбитом стекле будет восстановлено с достаточной для визирования точностью [4].

Реконструкция некоторых антропометрических характеристик человека.

При производстве судебно-баллистических исследований в целях установления направления выстрела, места нахождения стрелявшего, позы потерпевшего, взаимного положения стрелявшего и потерпевшего в момент выстрела и решения других вопросов применяют реконструкцию некоторых антропометрических характеристик потерпевшего. Она заключается в воспроизведении роста и телосложения потерпевшего на манекене или посредством графических изображений.

В случаях, когда известна траектория полета пули, через воспроизведенный на манекене раневой канал пропускают прямой стержень, обращают манекен входным отверстием от пули в сторону, где находился стрелявший, и совмещают стержень с линией полета пули. По положению манекена при этом определяют позу потерпевшего в момент поражения его пулей.

Аналогичным способом возможно решение обратной задачи: если известны положение и поза потерпевшего на месте происшествия, по воспроизведенному на манекене раневому каналу можно определить направление выстрела и местонахождение стрелявшего. Для воссоздания позы потерпевшего в момент выстрела и определения его положения относительно стрелявшего в случаях, когда известна траектория пули, может быть использован метод, разработанный А. С. Федоровцевой. Сущность его сводится к следующему. Составляется масштабный план места происшествия в вертикальной и горизонтальной плоскостях, проводятся антропометрические измерения трупа потерпевшего в целях получения данных, характеризующих его рост и телосложение. Затем изготавливают изображение сагиттального и фронтального контуров тела потерпевшего в том же масштабе, что и план места происшествия.

Техника изготовления этих контуров заключается в получении репродукций нужных изображений с рисунков из анатомических атласов. При этом учитываются данные антропометрических измерений трупа. Изображения отдельных частей тела вырезаются из бумаги и соединяются в местах крупных сочленений. В результате получают сагиттальный и фронтальный контуры тела с пропорциями, соответствующими пропорциям тела потерпевшего. На эти контуры наносится линия, изображающая направление пулевого канала в теле потерпевшего. Затем на масштабный план места происшествия в вертикальной плоскости наносится траектория полета пули. Контур тела (фронтальный или сагиттальный, в зависимости от положения раневого канала в теле потерпевшего) помещается в точку, где располагался в момент выстрела потерпевший, и ему придается такое положение, чтобы линия пулевого канала совпала с траекторией полета пули. Так определяют позу потерпевшего в момент выстрела (стоял, сидел и т. п.). По плану места происшествия в горизонтальной плоскости аналогичным способом определяют положение потерпевшего относительно стрелявшего (обращен к нему лицом, спиной, боком и т. п.).

Метод А. С. Федоровцевой может быть использован также для установления возможного местонахождения потерпевшего в момент выстрела, когда известна траектория полета пули, для определения направления выстрела и восстановления траектории полета пули, если известны положение потерпевшего и его поза в момент поражения пулей.

Таким образом, эффективное применение реконструкции при производстве баллистических экспертиз, точное процессуальное оформление ее результатов позволяют более наглядно изложить ход экспертного исследования, повышают достоверность и убедительность выводов, облегчают оценку заключения эксперта следователем и судом.

Список источников

1. Филиппов В. В., Титоренко Б. А., Комаров А. А. Современное отечественное ручное огнестрельное оружие военных образцов и патроны к нему: справ. пособие. М., 1996. 128 с.
2. Там же.
3. Семенов А. В., Ярмук К. В. Судебно-баллистическое исследование следов выстрела из гладкоствольного ружья при стрельбе патронами, снаряженными в заводских условиях. М., 2011. 55 с.
4. Яровенко В. В. Применение специальных знаний при исследовании объектов судебной баллистики // Право и политика. 2012. № 4. С. 801–806.

Информация об авторе

Т. П. Курганникова – старший преподаватель кафедры криминалистики.

Information about the author

T. P. Kurgannikova – senior lecturer of the Department of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 29.05.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 29.05.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 02.06.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 138–143.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 138–143.

Научная статья

УДК 3434.98

ВЛИЯНИЕ ГЛУШИТЕЛЯ ЗВУКА ВЫСТРЕЛА НА ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СЛЕДОВ ВЫСТРЕЛА ПРИ СТРЕЛЬБЕ ПАТРОНАМИ 9 × 18 ММ

Игорь Александрович Чулков

Волгоградская академия МВД России, Волгоград

chulkov09.02@mail.ru

Аннотация. На вооружении специальных подразделений силовых структур России стоит ряд образцов огнестрельного оружия, оснащенных глушителями звука выстрела, что вызывает необходимость изучения следов его применения и, в частности, отложенных продуктов выстрела. На основе экспериментальной стрельбы проведен анализ влияния глушителя звука выстрела на особенности отложения продуктов выстрела на объектах из ткани при стрельбе с дистанций от 0 до 240 см. Результаты проведенного исследования позволили составить определенное представление о влиянии глушителя звука выстрела на распределение, количество, размеры и интенсивность отложенных продуктов выстрела, что, несомненно, будет способствовать повышению объективности выводов при определении дистанции близкого выстрела.

Ключевые слова: следы близкого выстрела, глушитель звука выстрела, пистолет, отложение продуктов выстрела

Для цитирования: Чулков И. А. Влияние глушителя звука выстрела на особенности проявления дополнительных следов выстрела при стрельбе патронами 9 × 18 мм // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). 138–143.

Original article

THE EFFECT OF A SHOT SILENCER ON THE APPEARANCE OF ADDITIONAL TRACES OF A SHOT WHEN FIRING 9 × 18 MM CARTRIDGES

Igor A. Chulkov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd,

chulkov09.02@mail.ru

Abstract. The special units of the Russian security forces are armed with a number of firearms equipped with mufflers, which necessitates studying traces of their use, and in particular, residues from the shot. Based on experimental shooting from pistols, an analysis was made of the influence of a shot sound suppressor on the characteristics of the deposition of shot products

on fabric objects when shooting from distances from 0 to 240 cm. The results of the conducted study allowed us to form a certain idea about the influence of the muffler on the distribution, quantity, size and intensity of deposits of shot products, which will undoubtedly contribute to increasing the objectivity of conclusions when determining the distance of a close shot.

Keywords: traces of a close shot, silencer of the sound of a shot, pistol, residues from the shot

For citation: Chulkov I. A. The effect of a shot silencer on the appearance of additional traces of a shot when firing 9 × 18 mm cartridges // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025; 4 (73): 138–143.

На вооружении специальных подразделений силовых структур России стоит ряд образцов огнестрельного оружия, оснащенных глушителями звука выстрела, что вызывает необходимость изучение следов его применения и, в частности, отложений продуктов выстрела.

В криминалистической и судебно-медицинской литературе имеется ряд публикаций, посвященных исследованию данных следов. В этих работах отмечается, что глушитель изменяет динамику газов, что влияет на морфологию отложений продуктов выстрела [1–3 и др.]. Однако особенностям отложения продуктов выстрела при стрельбе патронами 9 × 18 мм из пистолетов с глушителями звука выстрела, признакам, позволяющим отличить следы применения данного оружия, особого внимания не уделялось.

Для специальных подразделений силовых структур на базе пистолета ПМ разработан пистолет ПБ, на базе пистолета АПС – пистолет АПБ, использующие одни и те же патроны 9 × 18 мм.

Ствол пистолета ПБ удлинен до 104 мм и имеет 10 отверстий диаметром 3,8 мм, выполненных по дну нарезов, для частичного отвода газов в расширительную камеру.

Конструктивная схема снижения звука и пламени выстрела пистолета ПБ включает в себя интегрированный и дополнительный съемный ПБС (насадок) – комбинированный глушитель звука выстрела.

На ствол надет кожух – расширительная камера диаметром 32 мм (интегрированный ПБС). Между стволом и кожухом уложена металлическая сетка. Насадок (дополнительный ПБС) крепится к передней части камеры. В насадке размещён сепаратор, состоящий из шайб, установленных под разными углами наклона к оси канала ствола.

Для установки глушителя ствол АПС увеличен на 21 мм и имеет две группы отверстий: у патронника и возле дульного среза. Поверх ствола надевается трубка (наствольная наклад-ка), закрывающая ствол и направляющая пороховые газы в сторону глушителя. Глушитель с камерами крепится на стволе с помощью резьбового соединения и пружинного фиксатора.

В целях изучения влияния глушителей звука выстрела на проявление дополнительных следов выстрела при стрельбе патронами 9 × 18 мм (ПМ)* была проведена экспериментальная стрельба из пистолетов ПМ, ПБ, АПС и АПБ. Стрельба осуществлялась на дистанциях до 260 см в мишени из белой бязи, при температуре окружающей среды 18–20°C.

При стрельбе из ПМ максимальная дистанция обнаружения копоти выстрела находится в пределах 40 см, из ПБ – 15 см, из АПС – 55 см, из АПБ – 25 см.

Центральная зона отложения копоти наблюдается на дистанциях до 20 см при стрельбе из ПМ, 15 см – из АПС, 3 см – из ПБ и АПБ.

Максимальная дистанция обнаружения зерен пороха составляет для ПМ 180 см, ПБ – 70 см, АПС – 180 см, АПБ – 80 см.

* Стрельба производилась патронами 9 × 18 мм ПС (ППО) производства АО «Тульский патронный завод».

Гомогенное отложение ионов меди оболочки пуль возможно на дистанциях до 40 см при стрельбе из ПМ, до 10 см – из ПБ, до 45 см – из АПС, до 20 см – из АПБ. Две зоны наблюдаются при стрельбе из ПМ на дистанциях до 25 см, из АПС – до 20 см, из ПБ и АПС – до 3 см.

Особенности отложений копоти, зерен пороха и металла оболочки пули приведены в табл. 1–3.

Таблица 1

Отложение копоти выстрела

Дистанция, см	ПМ	ПБ с насадком	АПС	АПБ
0	Центральная зона диаметром 20–25 мм. Наблюдается кольцо	Центральная зона диаметром 10–15 мм. Наблюдается кольцо	Центральная зона диаметром 15–25 мм	Центральная зона диаметром 10–20 мм
1	Центральная зона диаметром 50–55 мм	Центральная зона диаметром 20–23 мм	Центральная зона диаметром 55–70 мм	Центральная зона диаметром 20–25 мм
3	Центральная зона диаметром 80–90 мм. Наблюдаются радиальные лучи и кольцо	Центральная зона диаметром 40–50 мм	Центральная зона диаметром 80–100 мм. Наблюдаются радиальные лучи и кольца	Центральная зона диаметром 35–40 мм
5	Центральная зона диаметром 80–90 мм. Наблюдаются радиальные лучи и два-три кольца	Зоны не разделены. Отложение диаметром 45–55 мм	Центральная зона диаметром 100–110 мм. Наблюдаются радиальные лучи, замкнутые и незамкнутые кольца	Зоны не разделены. Отложение диаметром 40–60 мм
7	Центральная зона диаметром 70–90 мм. Наблюдается кольцо	Отложение диаметром 45–60 мм, слабой интенсивности	Центральная зона диаметром 65–100 мм. Наблюдаются радиальные лучи и кольца	Отложение диаметром 50–65 мм, слабой интенсивности
10	Центральная зона диаметром 70–85 мм. Наблюдается кольцо с четырьмя дугами	Отложение слабой интенсивности	Центральная зона диаметром 40–65 мм. Наблюдаются радиальные лучи и кольца	Отложение слабой интенсивности
15	Центральная зона диаметром 50–65 мм. Наблюдается кольцо и четыре слабо выраженные дуги	Отложение крайне слабой интенсивности	Центральная зона диаметром 40–65 мм. Наблюдаются одно-два кольца	Отложение слабой интенсивности
20	Центральная зона диаметром 55–65 мм. Наблюдается кольцо	Отсутствует	Зоны не разделены. Отложение диаметром 180–190 мм. Наблюдаются одно-два кольца	Отложение крайне слабой интенсивности
30	Отложение диаметром 120–140 мм		Отложение слабой интенсивности	Отсутствует
40	Отложение слабой интенсивности		Отложение слабой интенсивности	
45	Отсутствует		Отложение слабой интенсивности	
50			Отложение крайне слабой интенсивности	
60			Отсутствует	

Таблица 2

Особенности отложений зерен пороха

Дистанция, см	ПМ	ПБ с насадком	АПС	АПБ
0–3	Незначительное количество	Незначительное количество	Единичные	Единичные
5	Незначительное количество	Незначительное количество	Незначительное количество	Незначительное количество
10	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 50–55 мм	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 30–35 мм	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 45–60 мм	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 30–40 мм
20	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 70–85 мм	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 60–65 мм	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 65–70 мм	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 65–70 мм
30	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 85–100 мм	Количество умеренное	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 75–95 мм	Количество умеренное
40	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 100–120 мм	Количество незначительное	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 90–105 мм	Количество умеренное
50	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 130–150 мм	Количество незначительное	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 120–140 мм	Количество незначительное
55–60	Большинство зерен пороха в виде осыпи диаметром 140–170 мм	Единичные	Количество незначительное	Количество незначительное
70–80	Умеренное количество	Отсутствуют	Незначительное количество	Единичные
100–130	Количество незначительное		Единичные	Отсутствуют
140–180	Единичные		Единичные	
190	Отсутствуют		Отсутствуют	

Таблица 3

Особенности отложений металла

Дистанция, см	ПМ	ПБ с насадком	АПС	АПБ
0	ГО центральной зоны диаметром 30–35 мм. МО и ТО незначительные	ГО центральной зоны диаметром 12–15 мм. Наблюдается кольцо шириной около 2 мм. МО и ТО значительные	Зоны ГО не разделены. Диаметр отложения 25–30 мм. МО и ТО незначительные	ГО центральной зоны диаметром 10–20 мм. МО и ТО значительные
1	ГО центральной зоны диаметром 55–60 мм. МО и ТО незначительные	ГО центральной зоны диаметром 20–23 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 60–70 мм	ГО центральной зоны диаметром 55–65 мм. МО и ТО незначительные.	ГО центральной зоны диаметром 15–25 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 60–70 мм

Дис- тан- ция, см	ПМ	ПБ с насадком	АПС	АПБ
5	ГО центральной зоны диаметром 90–100 мм. В зонах четыре радиальных луча. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 40–50 мм	ГО слабой интенсивности, диаметром 50–60 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 60–80 мм	ГО центральной зоны диаметром 85–90 мм. В зонах четыре сдвоенных радиальных луча. МО и ТО значительные	ГО слабой интенсивности, диаметром 40–60 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 60–80 мм
7	ГО центральной зоны диаметром 35–40 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 55–60 мм	ГО слабой интенсивности, диаметром 40–45 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 50–55 мм	ГО центральной зоны диаметром 85–95 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 45–55 мм	ГО слабой интенсивности, диаметром 50–70 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 50–55 мм
15	ГО центральной зоны диаметром 50–55 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 75–85 мм	Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 65–85 мм	ГО центральной зоне диаметром 80–90 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 70–80 мм	ГО крайне слабой интенсивности. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 65–85 мм
20	ГО центральной зоны диаметром 50–60 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 75–90 мм	Большинство МО и ТО в виде осыпи	ГО слабой интенсивности, диаметром 180–190 мм. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 100–125 мм	ГО крайне слабой интенсивности. Большинство МО и ТО в виде осыпи
25	Зоны не разделены. ГО слабой интенсивности. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 85–95 мм	Большинство МО и ТО в виде осыпи	ГО слабой интенсивности. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 130–140 мм	Большинство МО и ТО в виде осыпи
30–35	ГО слабой интенсивности. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 85–100 мм	Большинство МО и ТО в виде осыпи	ГО слабой интенсивности. Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 115–140 мм	Большинство МО и ТО в виде осыпи
40	Большинство МО и ТО в виде осыпи диаметром 110–135 мм	МО и ТО умеренные	ГО крайне слабой интенсивности. МО и ТО значительные	МО и ТО умеренные
45–60	МО и ТО значительные	МО и ТО незначительные	Зоны не разделены. МО и ТО значительные	МО и ТО незначительные
70–80	МО и ТО умеренные	МО и ТО единичные	МО и ТО умеренные	МО и ТО отсутствуют
100–130	МО и ТО незначительные	МО и ТО отсутствуют	МО и ТО умеренные	
140–240	МО и ТО незначительные		МО и ТО незначительные	

Анализ отложений продуктов выстрела на пораженных мишенях показывает следующее:

– глушитель оказывает существенное влияние на отложение продуктов выстрела. Их распределение, количество и интенсивность в значительной степени изменяются, что объясняется снижением скорости истекающих газов за пределы глушителя и осаждением части продуктов выстрела внутри глушителя. Их размеры и интенсивность в несколько раз меньше, чем при стрельбе без глушителя звука выстрела;

– при стрельбе из ПБ и АПБ отсутствуют разрывы материала ткани;

– при выстреле из пистолета ПБ в упор, на пораженной преграде вокруг повреждения копоть выстрела отлагается в виде кольца незначительной ширины, внутренние границы которого в целом соответствуют внешнему диаметру переднего среза глушителя звука выстрела;

– о применении глушителя звука выстрела при выстрелах с дистанций от 3 до 10–15 см свидетельствуют незначительные размеры отложения копоти слабой интенсивности. На этих же дистанциях при стрельбе из оружия без глушителя звука выстрела размеры отложения копоти в 3–4 раза значительнее, хорошо выраженные, интенсивные;

– по отложению ионов меди вокруг огнестрельного повреждения также можно высказать суждение о применении глушителя звука выстрела. При стрельбе из оружия, оснащенного глушителями звука выстрела, однородное отложение незначительных размеров, более компактно (чем при стрельбе из оружия без глушителя), но мелкоочаговые и точечные отложения в значительном количестве, в своем большинстве в виде осыпи.

Установленные особенности отложения продуктов выстрела при стрельбе из оружия с глушителями звука выстрела, позволяющие отличить следы применения данного оружия от следов применения оружия без глушителей, следует учитывать как при осмотре места происшествия, так и при производстве судебно-баллистических экспертиз.

Список источников

1. Аветисян В. Р., Потапова Л. Ф. Влияние глушителя на отложение продуктов выстрела при стрельбе из разных видов оружия // Экспертная техника. 1990. Вып. 111. С. 49–61.
2. Артюшин А. А. Оценка влияния глушителя на отложение продуктов выстрела // Криминалистика и судебная экспертиза: межвед. науч.-метод. сб. Киев, 2003. Вып. 51. С. 96–101.
3. Николаев С. А. Влияние глушителя на отложение продуктов выстрела вокруг огнестрельного повреждения // Экспертная техника. 1994. Вып. 121. С. 17–21.

Информация об авторе

И. А. Чулков – старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности.

Information about the author

I. A. Chulkov – Senior Lecturer, Chair of Traceology and Ballistics of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activity.

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 03.06.2025.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 03.06.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 144–151.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 144–151.

Научная статья

УДК 343.982.35

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВИДОИЗМЕНЕННЫХ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ, НАНЕСЕННЫХ ПРИ ПОМОЩИ УДАРНЫХ КЛЕЙМ

Артём Игоревич Руднев¹, Людмила Викторовна Самуйленко²

¹ Краснодарский университет МВД России, Краснодар

² Волгоградская академия МВД России, Волгоград

¹ artem.rudnev.1987@mail.ru

² sovidzem@yandex.ru

Аннотация. Используя результаты анализа практики выполнения экспертных исследований, авторы отмечают важность установления содержания первоначальных маркировочных обозначений, нанесенных при помощи ударных клейм, для раскрытия и расследования краж колесных пар поездов.

Ключевые слова: маркировочные обозначения, способы клеймения, ударные клейма

Для цитирования: Руднев А. И., Самуйленко Л. В. Особенности криминалистического исследования видоизмененных маркировочных обозначений, нанесенных при помощи ударных клейм // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 144–151.

Original article

FEATURES OF FORENSIC STUDY OF MODIFIED MARKING SYMBOLS APPLIED USING IMPACT MARKS

Artem I. Rudnev¹, Lyudmila V. Samuilenko²

¹ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar

² Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

¹ artem.rudnev.1987@mail.ru

² sovidzem@yandex.ru

Abstract. Using the results of the analysis of the practice of performing expert research, the authors note the importance of establishing the content of the initial markings applied with the help of impact stamps for the detection and investigation of thefts of wheel sets of trains.

Keywords: marking symbols, stamping methods, impact stamps

For citation: Rudnev A. I., Samuilenko L. V. Features of forensic study of modified marking symbols applied using impact marks // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 144–151.

В настоящее время существуют различные виды и способы идентификации изделий, предметов и вещей, такие как: клеймение, штрих-коды, лазерное и механическое гравирование, QR-коды, способы термического наваривания на металлических поверхностях и др.

Идентификация – это процесс отождествления объекта (предмета) в определенной системе. Идентификации подлежит практически любой предмет, и это в большинстве случаев способствует раскрытию преступлений, связанных с хищением, выполнением различных видов подделок, и других преступных деяний. Например, при незаконном приобретении и краже изделий из металла, дерева и полимеров с индивидуальными заводскими знаками преступники для сокрытия их происхождения уничтожают или видоизменяют маркировку. Объектами криминалистического исследования чаще всего становятся огнестрельное и холодное оружие, двигатели, кузова автотранспортных средств, ювелирные изделия, часы, ордена и другие предметы с индивидуальными обозначениями.

Как было указано, одним из способов идентификации является клеймение. Клеймение – это действие по нанесению на изделие знаков, удостоверяющих его качество, а также их совокупность, характеризующая конкретное изделие. Данные знаки должны наноситься так, чтобы в процессе эксплуатации их невозможно было повредить или исправить, они не были бы заметны и не отражались бы на художественной ценности ювелирных изделий, предметов антиквариата и т. п. Имеются специальные правила, которые регламентируют клеймение изделий, изготовленных из серебра, золота, а также из других драгоценных металлов. В них оговариваются размеры, формы и содержание клейм, а также место их нанесения. Существует несколько способов клеймения: ударный способ; красковый способ; креплением в районе сварного шва бирки (таблички), изготовленной из металла или твердого картона по ГОСТ 20376–74.

В последние годы эксперты-криминалисты транспортной полиции стали чаще сталкиваться с видоизмененными маркировочными обозначениями, нанесенными при помощи ударных клейм, т. к. участились кражи с различными видоизменениями идентификационных маркировочных обозначений колесных пар поездов.

Колесная пара – это элемент ходовой части рельсовых транспортных средств, представляющий собой пару колес, жестко посаженных на ось и всегда вращающихся вместе с осью как единое целое.

Основные способы видоизменения маркировочных обозначений колесных пар:

- нанесение дополнительных маркировочных обозначений в идентификационный номер (добитие) или нанесение цифры поверх другой (рис. 1, 2);
- забитие маркировочных обозначений при помощи ударного инструмента – молотка и т. п. (рис. 3);
- механическое удаление маркировочных обозначений при помощи пневматического инструмента (бур, фрез и т. п.), углошлифовальной машинки и др. (рис. 4).

Рис. 1. Добавление (добитие) цифр «1» и «2» в идентификационный номер колесной пары

Рис. 2. Нанесение цифры поверх другой (цифры «6» на цифру «5») в идентификационном номере (год выпуска) колесной пары

Рис. 3. Забитие при помощи ударного инструмента части маркировочной площадки на торцевой поверхности шейки оси колесной пары

Рис. 4. Удаление маркировочных обозначений на торцевой поверхности шейки оси колесной пары при помощи углошлифовальной машинки

Преступники, видоизменяя идентификационный номер, продают похищенную колесную пару. Схема данных преступлений практически идентична и выглядит следующим образом. Руководитель организации, занимающейся ремонтом подвижного состава, организует схему обогащения за счет хищения и сбыта колесных пар. Он получает служебную информацию о прибытии вагонов с необходимыми ему техническими характеристиками, затем иные участники организуют незаконный вывод вагонов на резервные пути, где с помощью специального оборудования колесные пары выкатываются из-под вагонов. Похищенные колесные пары заменяются на заранее подготовленные, с измененными идентификационными

номера и непригодные для дальнейшей эксплуатации, а похищенные колесные пары перемещаются на «конспиративную» площадку. Сбыт колесных пар организатор группы осуществляет через аффилированные с ним фирмы. Подобным образом организованная группа может совершить десятки аналогичных преступлений, причинив различным железнодорожным компаниям и организациям ущерб на сумму в миллионы рублей*.

Однако причинение материального ущерба железнодорожным компаниям и организациям – это не самое страшное, что может произойти в случае данного преступного деяния. С каждым годом (в зависимости от региона) повышается пассажиропоток и оборот грузоперевозок, проходит плановую модернизацию и расширяется инфраструктура объектов транспорта, развивается сеть железнодорожных путей сообщения, строятся новые ж/д станции, магистрали и т. д. По данным объектам транспорта постоянно перемещается большое количество горюче-смазочных материалов, химических веществ и других материалов. Непригодные для дальнейшей эксплуатации колесные пары, поставленные на вагоны, могут сойти с ж/д путей, что может привести к техногенной катастрофе и гибели людей. Для того чтобы задержанные лица, занимающиеся данной незаконной деятельностью, понесли заслуженное наказание, эксперты-криминалисты должны обладать соответствующими теоретическими и практическими навыками проведения данного вида трасологических экспертиз.

1. Специалист должен знать, какие маркировочные обозначения должны находиться на торцевой поверхности оси колесной пары (при ее первоначальном осмотре) (рис. 5, 6).

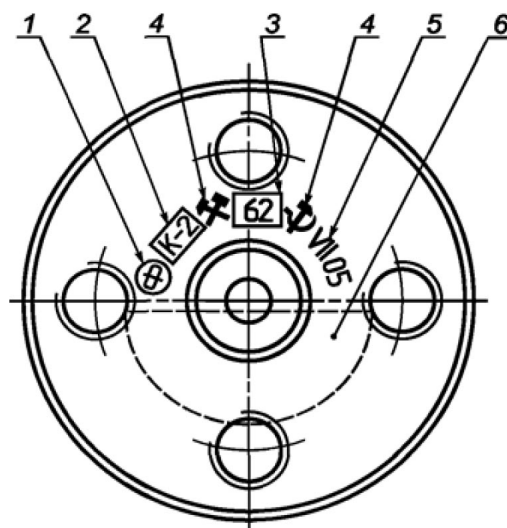

Рис. 5. Маркировочные обозначения на торцевой поверхности оси колесной пары:

- 1 – знак формирования;
- 2 – клеймо службы технического контроля;
- 3 – условный номер предприятия, сформировавшего колесную пару;
- 4 – приемочные клейма представителя потребителя;
- 5 – месяц (римскими цифрами) и год формирования (арабскими цифрами);
- 6 – клейма, относящиеся к изготовлению оси

* МВД Медиа. 02.08.2021. URL: <https://mvdmedia.ru/news/> (дата обращения: 15.05.2025).

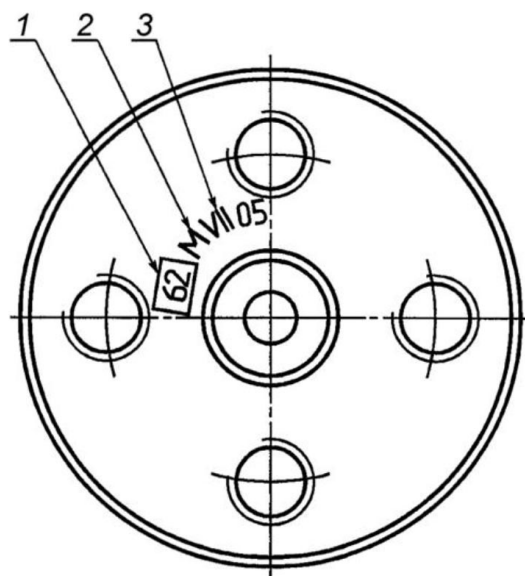

Рис. 6. Маркировочные обозначения на колесной паре:

- 1 – условный номер предприятия, производившего монтаж буксовых узлов;
- 2 – знак монтажа буксовых узлов;
- 3 – дата монтажа

2. У специалиста должна быть справочная литература с указанием размерных характеристик ударных клейм, которыми должны быть нанесены маркировочные обозначения (рис. 7).

3. Специалист должен определить способ удаления или видоизменения маркировочных обозначений (это в основном не представляет сложности).

4. Идентификационное исследование может иметь определенную сложность, если специалисту (эксперту) представлены объекты для проведения сравнительного исследования, при помощи которых преступники наносили маркировочные обозначения.

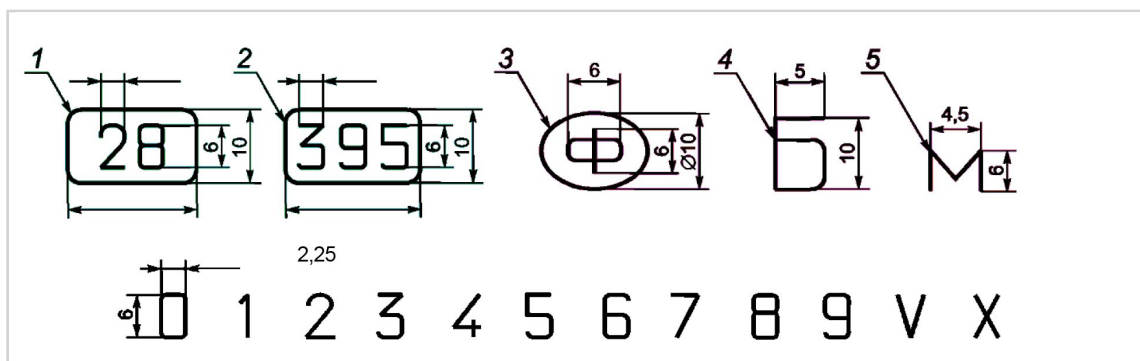

Рис. 7. Основные размеры клейм и знаков маркировки, наносимые на торцы осей:

- 1, 2 – условный номер предприятия, сформировавшего колесную пару;
- 3 – знак формирования; 4 – знак балансировки; 5 – знак монтажа буксовых узлов

Между тем специалистам (экспертам) чаще всего затруднительно провести идентификационное исследование маркировочных обозначений на торцевой поверхности колесных пар с представленными на исследование ударными клеймами или экспериментальными образцами. Обозначим причины этих затруднений.

1. Труднодоступность маркировочных обозначений на самой колесной паре. Исследуемая колесная пара часто находится под самим вагоном, что затрудняет доступ к маркировочной площадке (неснятая роликовая букса, обильное количество смазки). Невозможность проведения визуального микроскопического исследования (не относится к тем случаям, когда на исследование представлены фрагменты осей колесных пар).

2. Неправильные способы и методы фотофиксации маркировочных обозначений. Низкое разрешение средств фотофиксации (низкое качество фотоснимков).

3. Плохие погодные условия (если колесная пара находится вне помещения). Плохое освещение в помещении, неправильные осветители и источники света, применяемые специалистом (невозможность выявить идентификационные признаки слеодообразующего предмета).

4. Условия слеодообразования исследуемых маркировочных обозначений. Фрагментарное (частичное) отображение подлежащих исследованию маркировочных обозначений. Неправильный подбор ударного инструмента, состояние рабочей части ударных клейм, нарушение технологии клеймения.

Восстановление уничтоженных маркировочных обозначений на шейках осей колесных пар проводится в рамках судебной трасологической экспертизы и экспертизы по исследованию маркировочных обозначений на изделиях из металлов, полимерных и иных материалов. На разрешение экспертов, как правило, ставятся следующие вопросы

1. Каким способом нанесены знаки маркировки на представленных на экспертизу колесных парах?

2. Подвергались ли изменению или уничтожению маркировочные обозначения (номера) на торцевых поверхностях, представленных на экспертизу колесных пар, если да, то каким способом и при помощи какого инструмента (предмета)?

3. Каково было первоначальное содержание маркировочных обозначений на представленных на экспертизу колесных парах?

Для ответа на первые два вопроса последовательность действий эксперта-криминалиста была рассмотрена выше. Что касается третьего вопроса, то выявление измененных (уничтоженных) маркировочных обозначений на шейках оси колесных пар включает в себя три основные стадии: 1) подготовка исследуемой поверхности; 2) обработка подготовленной поверхности химическими реактивами; 3) закрепление с последующей фото-(видео)-фиксацией восстановленных маркировочных обозначений.

Далее мы рассмотрим положительный пример действий эксперта при восстановлении первоначального содержания маркировочных обозначений представленной на экспертизу шейки оси колесной пары.

Для определения природы материала был применен метод качественных химических реакций. На поверхность представленной шейки оси, в отдаленности от места, имеющего признаки, указывающие на возможное видоизменение (уничтожение) знаков маркировочных обозначений, наносили каплю 10 %-го раствора роданистого аммония в соляной кислоте, содержащую 2–3 капли азотной кислоты, предварительно зачистив экспериментальное место наждачной бумагой. При этом на экспериментальной поверхности объекта, в результате взаимодействия раствора с металлом, проявлялось темно-красное окрашивание. Данная реакция указывала на то, что основным компонентом, образующим сплав, является железо. В связи с этим для выявления следов знаков маркировочных обозначений на исследуемой поверхности применялся метод химического травления.

Выявление следов знаков маркировочных обозначений проводились с помощью изготовленной ванночки из пластилина, огораживая таким образом исследуемые маркировочные площадки поверхностей верхней и нижней части шейки оси. Затем в полученную ванночку наливался реактив – травящий раствор. В качестве травящего раствора использовался 25 %-й раствор концентрированной азотной кислоты (ГОСТ 11125–84) в дистиллированной воде. Контроль за процессом травления осуществлялся визуально. По мере загрязнения травящего раствора, он менялся для визуального контроля процесса травления. Участки поверхности после травления покрывались черным налетом – смесью продуктов реакции металла с кислотами. Налет удалялся ватным тампоном, увлажненным дистиллированной водой, затем поверхность промывалась тампоном с этиловым спиртом. Через 10 минут на исследуемых поверхностях верхних частей шейки оси появлялись контуры выявленных знаков маркировки.

В ходе проведенного химического исследования (травления) на исследуемой поверхности были выявлены: пятый и шестой знаки маркировочного обозначения первого цифрового ряда объекта, которые отобразились в виде цифр «5» и «9». Таким образом, знаки первого цифрового ряда маркировочного обозначения объекта представляют следующий ряд цифр: «029059775» (рис. 8–10).

Рис. 8. Исследуемая маркировочная площадка представленной на экспертизу шейки оси колесной пары

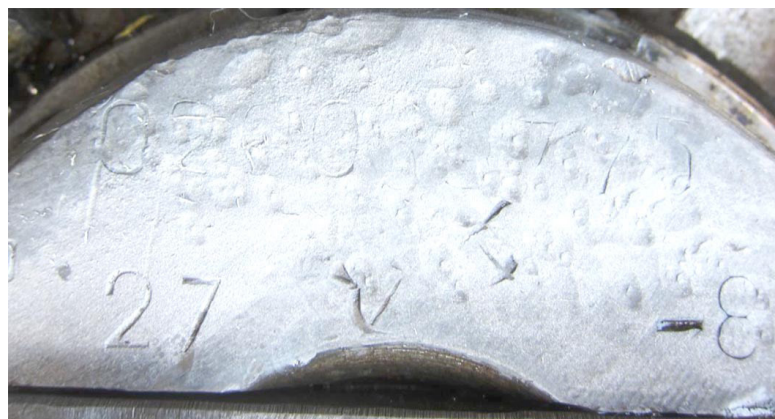

Рис. 9. Исследуемая маркировочная площадка представленной на экспертизу шейки оси колесной пары после применения метода химического травления

Рис. 10. Исследуемая маркировочная площадка представленной на экспертизу шейки оси колесной пары с выявленными знаками маркировочного обозначения

Таким образом, идентификация и восстановление первоначального содержания видоизмененных маркировочных обозначений, нанесенных при помощи ударных клейм, играет важную роль при раскрытии и расследовании особых видов преступлений, в частности краж колесных пар поездов.

Информация об авторах

А. И. Руднев – преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности;

Л. В. Самуйленко – преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности.

Information about the authors

A. I. Rudnev – Lecturer of the Department of Forensic Expertise;

L. V. Samuilenko – Lecturer of the Chair of research of documents of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities.

Статья поступила в редакцию 28.05.2025; одобрена после рецензирования 31.05.2025; принята к публикации 31.05.2025.

The article was submitted 28.05.2025; approved after reviewing 31.05.2025; accepted for publication 31.05.2025.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE FIELD OF COMBATING CRIME

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 152–158.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 152–158.

Научная статья
УДК 343.9

СОТРУДНИЧЕСТВО ПОЛИЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА (ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ)

Петр Николаевич Кобец¹, Илья Викторович Никитенко²

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва
vnii04@tn.mvd.ru

² Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск
dfvnii@mail.ru, ORCID: 0009–0006–7406–7998, Researcher ID: KJM-5058–2024

Аннотация. В статье предпринят анализ практики ряда стран по вопросу сотрудничества полиции и общества в сфере охраны общественного порядка. Раскрыты особенности установления и дальнейшего развития взаимодействия полицейских институтов и общественности в ряде зарубежных стран с целью имплементации зарубежного положительного опыта противодействия преступности в отечественную правоохранительную работу.

Ключевые слова: международная практика, правоохранительные органы, гражданское общество, охрана общественного порядка, зарубежный опыт, предупреждение преступности, гражданские инициативы

Для цитирования: Кобец П. Н., Никитенко И. В. Сотрудничество полиции и общественности в сфере охраны общественного порядка (обзор международной практики) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С.152–158.

Original article

POLICE AND PUBLIC COOPERATION IN THE SPHERE OF PUBLIC ORDER PROTECTION (REVIEW OF INTERNATIONAL PRACTICE)

Peter N. Kobets¹, Ilya V. Nikitenko²

¹ Russian research Institute of Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow
vnii04@tn.mvd.ru

² Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk
dfvnii@mail.ru, ORCID: 0009-0006-7406-7998, Researcher ID: KJM-5058-2024

Abstract. The article analyzes the practice of a number of countries on the issue of cooperation between the police and society in the field of public order protection. The article reveals the specifics of establishing and further developing cooperation between police institutions and the public in a number of foreign countries in order to implement foreign positive experience in countering crime in domestic law enforcement work.

Keywords: international practice, law enforcement agencies, civil society, public order protection, foreign experience, crime prevention, civil initiatives

For citation: Kobets P. N., Nikitenko I. V. Police and public cooperation in the sphere of public order protection (review of international practice) // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025; 4 (73): 152–158.

Отечественная правоохранительная практика на протяжении многих лет являлась демонстрацией того, что эффективно и успешно реализовать вопросы противодействия преступности возможно лишь при наличии активного сотрудничества правоохранителей и граждан. В то же время многолетний отечественный опыт данной работы дает основание утверждать и то, что эффективное сотрудничество правоохранительных структур и населения является очень непростой задачей [1, с. 36]. Но все же, несмотря на это, такое взаимодействие является одним из немногих инструментов, позволяющих наиболее результативно вести борьбу с различными криминальными вызовами. Именно тесное взаимодействие правоохранительных органов и общественности помогает не только быстрее выявлять и раскрывать преступления, но и осуществлять меры по их профилактике, нейтрализуя криминогенные факторы, детерминирующие преступления вообще, и особенно посягающие на общественный порядок и общественную безопасность [2].

Для активизации взаимодействия населения и правоохранителей возможен учет зарубежного опыта такой деятельности.

Считаем правильным начать с освещения подобной деятельности в Соединенных Штатах Америки. В 1980 г. там был принят специальный документ – Стратегия поддержания правопорядка. В частности, она предписывала развитие взаимоотношений между полицейскими структурами и гражданами на основе новых методов обеспечения общественной безопасности. Полиции следовало налаживать взаимодействие с общественностью и принимать к сведению ее информационные данные, выстраивать приоритетные направления работы таким образом, чтобы как можно быстрее разрешать все возникающие в обществе проблемные ситуации. Полицейские должны входить в контакт с общественностью, узнавая проблемы населения, и налаживать правоохранительную работу на основе практики проблемно-ориентированной защиты [3, с. 27].

Нельзя не отметить, что в Соединенных Штатах действует своеобразная система по обеспечению правопорядка на административно-территориальных единицах. Полицейская структура США является нецентрализованной и принципиально отличается от схожих структур многих государств мира, в том числе и от европейской полиции. На федеральном уровне

полиции нет вовсе. В соответствии «с десятой поправкой Конституции США полномочия федеральных исполнительных властей ограничиваются и обеспечивается развитие местного самоуправления, поэтому правоохранительный функционал возложен на полицию муниципалитетов и местного самоуправления, создаваемых в каждом штате» [4, с. 307].

Взаимодействие с населением осуществляется на основе концепции community policing – «полиция на службе общества». Прежнюю концепцию общество воспринимало в виде некоего стереотипа, описывающего сотрудников полиции сидящими в патрульных машинах и ждущих вызова на происшествие [5, с. 81]. Сегодня американским полицейским руководством подбираются наиболее эффективные пути для улучшения работы сотрудников полиции, в частности, делается упор на «политику содействия» гражданскому обществу.

Также примечательно, что оценка работы полицейских структур ориентируется на показатели раскрываемых преступных посягательств и др., в то же время после распространившейся в США концепции community policing больше доверяют оценкам, полученным от жителей. В связи с этим, наряду с традиционными методами отчетов полицейских структур, все чаще используют практику изучения общественного мнения о работе правоохранительных [6, с. 90].

Немаловажно отметить, что большая часть органов полиции «является шерифскими подразделениями штатов, во главе которых шерифы – должностные лица, выполняющие административные функции и обладающие большими полномочиями в сфере обеспечения правопорядка» [7, с. 766]. В большинстве случаев шерифами используется весь набор имеющихся у них властных полномочий, при этом финансирование их деятельности происходит из местных бюджетов [8, с. 6]. Патрульно-постовая служба является ядром американской полиции, но поскольку в США реализуется «децентрализованная полицейская система, в формах организации деятельности ППС нет единства»*.

В то же время важно указать на то, что в Соединенных Штатах с начала нового тысячелетия правоохранители при оказываемой обязательной поддержке со стороны населения стремятся воплощать в условиях современной реальности концепцию, направленную на защиту порядка и безопасности. Основная идея данной концепции состоит в том, что общество желает не только владеть всей информацией о тех проблемах, которые в нем имеются, но также активно способствовать их успешному разрешению. В настоящее время в США принимаются разного рода программы, направленные на формирование из представителей общественности групп, осуществляющих не только контроль за соблюдением правопорядка своими соседями, но и общий надзор за противоправными проявлениями во всем районе непосредственного проживания. Причем в большинстве случаев лица, желающие вступить в подробные группы охраны правопорядка, вначале обязаны пройти специальные подготовительные курсы в участках полиции, чтобы приобрести навыки и умения по распознаванию криминала и уметь в надлежащей мере ему противодействовать [9, с. 22].

Также в США широко распространен институт вспомогательных полицейских – Auxiliary police – резерв регулярных полицейских подразделений. В их составе не только добровольцы, но и лица, получающие денежное вознаграждение. Немаловажно, что сотрудники вспомогательной полиции обладают самостоятельными правами по задержанию правонарушителей. Для работы в Auxiliary police существуют собственные требования, в частности: данным гражданам должно быть не менее 21 года; у них должно быть водительское удостоверение; они должны иметь «чистое» прошлое и не быть ранее замешанными в преступлениях и административных правонарушениях; им также необходимо иметь хорошую физическую и психическую подготовку; их место жительства должно совпадать с населенным пунктом, на территории которого происходит несение службы; они должны быть задействованы не менее

* Шалягин Д. Д. Полиция США: организационные и правовые основы деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 45.

8 часов в месяц в работе по охране правопорядка. Важно, что в дальнейшем лица, работавшие во вспомогательной полиции, обладают преимущественным правом для трудоустройства в полицейских подразделениях США.

Чрезвычайно популярны в Соединенных Штатах народные полицейские академии, создаваемые для знакомства граждан с полицейскими буднями, с целью формирования более позитивного отношения общества к полицейским. После окончания подобных академий граждане лучше понимают специфику деятельности правоохранителей, они начинают оказывать им поддержку, лучше с ними взаимодействуют [10, с. 42]. Кроме того, большим общественным признанием в Соединенных Штатах пользуется программа Neighborhood Watch Program – «Сторож соседского дома». В ее основе – оказание помощи гражданами полицейским структурам на основе использования социальных сетей и Интернета. В случае совершения противоправных деяний, полицейские через соцсети информируются об этом и вовремя реагируют на подобные факты [11, с. 19].

Также вызывает интерес опыт совместной деятельности полицейских структур и граждан по охране правопорядка на основе «концепции коммунальной полиции», которая предусматривает взаимодействие государственных и общественных субъектов по оказанию помощи населению* по различным проблемным ситуациям, когда полицейские структуры выступают в качестве многофункциональной социальной службы. Важность реализации рассматриваемой концепции коммунальной полиции состоит в том, что полицейские и общественность налаживают партнерские взаимоотношения, направленные на борьбу с преступностью.

Большое признание в Соединенных Штатах имеет общественное движение «Триада», созданное для оказания помощи пожилым людям. Представители общественных формирований работают совместно с правоохранителями. Пожилые американские граждане могут получать квалифицированную юридическую помощь, а также защиту от различных преступных посягательств [12, с. 2016].

Также важно отметить, что для американского общества характерна бдительность. В стране совершенно нормально оказывать помощь полицейским структурам даже в тех случаях, когда возникают подозрения относительно незаконной деятельности близких людей и хороших знакомых. Это позволяет сотрудникам полиции пресекать многие противоправные деяния на стадии приготовления к их совершению. И здесь еще раз следует назвать Neighborhood Watch – народные отряды, которые на добровольной основе принимают участие в патрулировании.

Принципы работы полицейских подразделений, направленные на активное социальное партнерство, подразумевают обязательное интегрирование общественной заинтересованности в правоохранительной работе. При этом «основными современными, результативными формами участия американских граждан в правоохранительной работе выступают: подготовка полицейского резерва, совместное патрулирование, создание правоохранительных формирований граждан» [13, с. 27].

Таким образом, Соединенные Штаты имеют большой положительный опыт в сфере взаимодействия полицейских подразделений и общественности, продолжая развивать партнерские отношения посредством воплощения в жизнь разного рода правоохранительных программ.

В Индии действует движение «Друзья полиции», которое объединяет тысячи добровольных полицейских помощников, в полной мере участвующих в охране правопорядка. Опыт работы индийских полицейских подразделений, направленной на активное социальное партнерство с общественностью, очень интересен. Такая совместная работа способствует чрезвычайно высокой активизации населения в охране общественного правопорядка.

* Ермолович Г. П. Добровольные организации в США по борьбе с преступностью (историко-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 136.

Благодаря этому движению качество работы индийских правоохранителей за последние годы существенно улучшилось. Основные цели работы индийских общественных формирований, содействующих полицейским подразделениям, направлены на то, чтобы общественность вне зависимости от кастовой принадлежности могла находиться в доверительных взаимоотношениях с правоохранительными органами [14, с. 19].

В Японии также придается огромное значение вовлечению населения в работу по профилактике правонарушений. Число групп, занимающихся правоохранительной деятельностью, постоянно растет. Полиция рассматривает эти группы как незаменимых партнеров в предупреждении преступности [15, с. 201]. Примечательно, что с 2007 г. в Стране восходящего солнца предусмотрен механизм по поощрению (в том числе денежному) граждан, информирующих полицейских о совершении опасных противоправных деяний.

В Республике Беларусь законодательно закреплено положение о том, что органы внутренних дел могут осуществлять взаимодействие с общественными объединениями и гражданами*. Гражданам также разрешено добровольное участие в решении задач, стоящих перед органами внутренних дел Беларуси. Участие граждан и их объединений в охране правопорядка строится на следующих принципах: добровольность, законность, гуманность и уважение прав человека, гласность, тесное взаимодействие с государственными органами, осуществляющими охрану правопорядка [16, с. 155]. Кроме того, всем органам, физическим и юридическим лицам в Беларуси, в соответствии с нормами действующего законодательства в рассматриваемой сфере, также предоставлено право по оказанию помощи ОВД.

В Республике Казахстан с целью повышения доверия населения к деятельности ОВД проводится работа по взаимодействию с институтами гражданского общества и применяется система общественного контроля**. Добровольное участие граждан в сфере профилактики правонарушений регулирует специальный Закон Республики Казахстан «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка», в соответствии с которым ОВД Казахстана предоставлено право определения порядка, форм и видов привлечения граждан к мероприятиям по обеспечению общественного порядка, не связанного с контрольными и надзорными функциями; разъяснение гражданам, участвующим в охране правопорядка, их прав и обязанностей; организация на базе участковых пунктов полиции правовой подготовки граждан, участвующих в обеспечении общественного порядка»***.

Примечательно, что у полицейских кадров большинства стран Европейского союза в процессе их профессиональной подготовки в первую очередь стремятся развивать социально-психологическую компетентность. Это обусловлено тем, что в этих государствах полицейских рассматривают как специальную службу, которая оказывает правоохранительные услуги по обеспечению правопорядка и предупреждению противоправной деятельности, что, в свою очередь, невозможно без хорошо отлаженного сотрудничества с обществом, достигаемого исключительно в процессе установления полного доверия и взаимопонимания. Положительными чертами института добровольных полицейских помощников во многих государствах Европейского союза являются: минимальное финансовое обеспечение данной работы; компенсирование недостающей штатной численности в полицейских подразделениях; перемещение высвободившихся полицейских сил на более важные участки работы; пополнение штатной численности за счет новых сотрудников – представителей общественности [17, с. 219].

* Статья 7 Закона Республики Беларусь от 17.07.2007 № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/docume nt/?guid=3871&p0=h10700263> (дата обращения: 10.01.2025).

** Об органах внутренних дел Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 23.04.2014 № 199-V (с изм. и доп. по состоянию на 01.05.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31538985 (дата обращения: 10.01.2025).

*** Об участии граждан в обеспечении общественного порядка: закон Республики Казахстан от 09.07.2004 № 590-II (с изм. и доп. по состоянию на 01.05.2023). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1049312&show_di=1#sub_id=0 (дата обращения: 10.01.2025).

Таким образом, важнейшим из направлений по укреплению правоохранительной деятельности в различных государствах мира является совершенствование механизмов развития институтов гражданского общества в борьбе с преступностью. Поэтому во многих странах имеется результативный опыт по сотрудничеству полицейских структур с институтами гражданского общества, реализуемому на основе специально разработанных программ. При этом основополагающий принцип работы зарубежных полицейских органов в рассматриваемом направлении основан на активном социальном партнерстве [18, с. 61]. В результате представители общественности, взаимодействующие с полицейскими структурами, на добровольной основе заняты в определенных мероприятиях, связанных с охраной порядка и обеспечением безопасности.

В заключение следует отметить, что анализ зарубежной практики сотрудничества полиции и общества свидетельствует о том, что правоохранители в большинстве стран стремятся к убеждению граждан совместно нести ответственность за правопорядок в районах собственного проживания. При этом сотрудники полиции готовы учитывать мнения и пожелания общественности и осуществлять взаимодействие с учетом требований интересов граждан. Необходимо подчеркнуть, что партнерство полицейских и населения имеет существенный успех в первую очередь потому, что между ними установлены отношения полнейшего доверия. Одним словом, обладая разного рода практиками, серьезным анализом полицейской деятельности, зарубежные правоохранительные структуры в полном объеме воспользовались разнообразными средствами и инновациями, чтобы как можно эффективнее действовать в сфере правопорядка. При этом они смогли осуществить трансформацию от репрессивных механизмов в своей деятельности к социально ориентированным, которые основаны на профилактических и предупредительных мерах борьбы с преступностью.

Список источников

1. Кобец П. Н. Историко-правовой аспект участия общественных формирований и граждан в противодействии преступности // История государства и права. 2018. № 4. С. 35–39.
2. Никитенко И. В. Причины и динамика преступлений против порядка учета и регистрации мигрантов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 2 (51). С. 38–42.
3. Robert R. Friedmann. Community Policing: Comparative Perspectives and Prospects. New York, 1992.
4. Глушков М. Р. К вопросу о регулировании досудебного производства в США // Библиотека криминалиста. 2016. № 2(25). С. 305–318.
5. Андреева И. А. Реализация концепции "Community policing" в практике некоторых западных стран // Вестник МВД России. 2007. № 6. С. 79–84.
6. Зимин Е. А. Концепция "Community policing": общие предпосылки возникновения, доктринальная и практическая неопределенность // Проблемы права. 2014. № 1(44). С. 88–91.
7. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1997.
8. Собиров М. С., Норов В. И. Поездка в Америку: отчет, впечатления, опыт. Ташкент, 1991.
9. Головкин А. Диктант для полицейских // Полиция России. 2012. № 12. С. 22–23.
10. Киричек Е. В. Совершенствование деятельности полиции по обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина и взаимодействию с институтами гражданского общества: комплексные меры // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 40–49.
11. Случевская Ю. Зарубежный опыт партнерских отношений между полицией и населением // Професионал. 2011. № 3. С. 17–20.
12. Медведицкова Л. В., Зубенко В. В. Опыт эффективного взаимодействия населения и полиции в зарубежных странах в процессе профилактики и раскрытия преступлений // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). С. 199–201.
13. Robert R. Friedmann. Community Policing: Comparative Perspectives and Prospects.
14. Кобец П. Н. Особенности формирования и эффективного функционирования механизма взаимодействия гражданского общества и полиции Индии в сфере противодействия преступности // Вестник развития науки и образования. 2018. № 12. С. 15–22.
15. Кобец П. Н. Положительный опыт японской полиции в сфере охраны правопорядка и профилактики преступности // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 2 (97). С. 199–204.
16. Федчук И. Л. Взаимодействие органов внутренних дел с гражданами, участвующими в охране правопорядка, в Республике Беларусь // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1 (39). С. 154–159.

17. Зыков А. П. Готовность сотрудников полиции к урегулированию кризисных ситуаций как фактор укрепления социального доверия граждан (на примере отечественного и зарубежного опыта) // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (18). С. 67–76.
18. Нижник Н. С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 52–66.

Информация об авторах

П. Н. Кобец – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник;

И. В. Никитенко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the authors

P. N. Kobets – Doctor of Law, Professor, chief researcher;

I. V. Nikitenko – Doctor of Law, Professor, professor of the Department of criminal law and criminology.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 25.08.2025; accepted for publication 25.08.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 159–165.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 159–165.

Научная статья
УДК 343.9

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Елена Олеговна Деревянко¹, Валентин Евгеньевич Политов²

^{1,2} Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва

¹ ederevianko4@mvd.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы перехода на заключение многосторонних соглашений в международном сотрудничестве по возврату коррупционных активов из-за рубежа, в частности, с компетентными органами стран-участников БРИКС. Вносятся предложения по совершенствованию нормативной правовой базы и ее адаптации в условиях осложнения международной обстановки.

Ключевые слова: коррупция, возврат коррупционных активов, международное сотрудничество, конфискация имущества

Для цитирования: Деревянко Е. О., Политов В. Е. Актуальные вопросы международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации в области противодействия коррупции // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 159–165.

Original article

CURRENT ISSUES OF INTERNATIONAL COOPERATION BODIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION

Elena O. Derevyanko¹, Valentin E. Politov²

^{1,2} All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

¹ ederevianko4@mvd.ru

Abstract. The article discusses the transition to multilateral agreements in international cooperation on the return of corrupt assets from abroad, in particular, with the competent authorities of the BRICS member countries. Proposals are being made to improve the regulatory framework and adapt it in the face of a complicated international situation.

Keywords: corruption, return of corrupt assets, international cooperation, confiscation of property

For citation: Derevyanko E. O., Politov V. E. Current Issues of International Cooperation of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in the Field of Anti-Corruption // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4(73): 159–165.

В период проведения специальной военной операции Российская Федерация столкнулась с беспрецедентной агрессией западных стран и санкционными ограничениями, касающимися, в частности, деятельности государства по противодействию преступности и в том числе коррупции на международных площадках Интерпола, Европола и FATF.

Нелегитимная санкционная политика стала возможной, в частности, благодаря наличию в имеющихся международных правовых актах неопределенных и обобщенных категорий, а также вариативности теоретико-правовых интерпретаций общепризнанных международных принципов, служащих основой для сотрудничества стран в указанной сфере. Существенным образом это отразилось на процессах организации оказания правовой помощи. По сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, только в период с 1 января по 20 сентября 2024 г. компетентными органами Канады, Швейцарии и Европейского союза неправомерно отказано в исполнении 27 запросов о правовой помощи по уголовным делам и по 67 запросам о выдаче лиц, находящихся в розыске*.

Несмотря на давление, периодически оказываемое некоторыми государствами, Российская Федерация абсолютно игнорирует всякого рода провокационные выпады и продолжает добросовестно выполнять свои обязательства по участию в международных организациях. В 2023 г. совместные усилия МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации не позволили создать на международной площадке дискриминационный механизм по исключению России из состава Интерпола**.

По мнению аналитиков, одной из наиболее эффективных форм противодействия коррупции является межгосударственное сотрудничество на уровне правоохранительных органов. Об эффективности подобного взаимодействия свидетельствуют неединичные примеры экстрадиции лиц, осужденных за коррупционные преступления, а также оказание взаимной правовой помощи по возвращению доходов, полученных преступным путем [1].

Изучение опыта иностранных партнеров по возвращению коррупционных активов из-за рубежа показало, что правоохранительным органам Российской Федерации в складывающихся условиях необходимо совершенствовать существующие механизмы международного сотрудничества с акцентом на использование всего потенциала межгосударственных и межрегиональных объединений с дружественными странами.

В настоящее время на фоне враждебных действий западных стран особое внимание во внешней политики Российской Федерации уделяется***:

- укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственных объединений, таких как БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, РИК, и других международных организаций;
- поддержке региональной и субрегиональной интеграции в рамках дружественных многосторонних институтов, диалоговых площадок и региональных объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке;
- повышению устойчивости международно-правовой системы и ее прогрессивному развитию.

Перспективными представляются следующие направления деятельности Российской Федерации в сфере международного сотрудничества, в том числе взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации в указанной сфере:

* О неконструктивном подходе компетентных органов ряда государств, преимущественно входящих в Европейский союз, в ходе международного сотрудничества по уголовным делам, в том числе в сфере экстрадиции // genproc.gov.ru [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98370353> (дата обращения: 15.07.2025).

** Россия игнорирует провокации, работая с Интерполом: интервью начальника НЦБ Интерпола МВД России Валерия Калачева // ria.ru [сайт]. URL: <https://ria.ru/20241003/kalachev-1976089227.html?Ysclid=m60bekhi81946431069> (дата обращения: 20.07.2025).

*** Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229.

- сотрудничество в рамках существующих международных организаций (БРИКС, ШОС и др.) как на глобальном, так и на локальном уровнях;
- расширение двусторонних соглашений, активизация сотрудничества с дружественными странами по вопросам возврата активов;
- создание альтернативных платформ для борьбы с коррупцией и отмыванием денег;
- усиление роли Конвенции ООН против коррупции, использование ее потенциала для продвижения национальных интересов.

Целесообразность и актуальность использования механизма взаимодействия полицейских структур неоднократно обсуждалась на различных международных площадках международного объединения БРИКС, в том числе в рамках работы антикоррупционной группы, и обусловлена, прежде всего:

- поиском новых подходов к решению проблем борьбы с транснациональной коррупцией;
- пресечением каналов легализации преступных доходов и финансирования трансграничной преступности;
- формированием институциональных и инфраструктурных условий сотрудничества, в том числе на базе использования цифровых валют, в целях обеспечения экономических интересов государств – партнеров объединения;
- реализацией крупных международных, энергетических, инфраструктурных и инвестиционных проектов, с повышенными рисками, проведением представительских и спортивных мероприятий, развитием государственно-частного партнерства и цифровой экономики;
- установлением цифровых и финансовых следов коррупционных преступлений и правонарушений, возвращением и репатриацией доходов от коррупции*.

По нашему мнению, создание эффективного механизма межгосударственного сотрудничества компетентных (полицейских) органов в рамках объединения БРИКС потребует решения следующих задач.

1. Укрепление двустороннего и многостороннего сотрудничества, в том числе путем учреждения наднациональной коллективной структуры (организации или координационного центра), в которой будут приниматься решения в организационно-управленческой деятельности; финансово-распорядительной и административно-технической сфере; в области взаимодействия и сотрудничества.

В качестве примера следует отметить заявление Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова, сделанное 20 октября 2024 г. в ходе рабочей встречи в Рио-де-Жанейро с национальным директором Службы уголовного преследования ЮАР, о подготовке Генпрокуратурой России проекта многостороннего соглашения о взаимодействии в вопросах возврата коррупционных активов между органами прокуратуры стран, входящих в БРИКС**.

В целях реализации данной меры, в рамках компетенции органов внутренних дел Российской Федерации видится создание аналога БКБОП на новом пространстве или аналогичной организации полицейского сотрудничества стран – участниц Ассоциации государств Юго-Восточной Азии АСЕАНАПОЛ.

Помимо государств – участников Координационного совета руководителей органов налоговых (финансовых) расследований государств – участников Содружества Независимых Государств (КСОНР), членами соответствующей платформы по взаимодействию правоохранительных органов могут выступить Китай, Индия, ЮАР, иные государства – пар-

* XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация. 23 октября 2024 г. // kremlin.ru [сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 09.08.2025).

** Краснов призвал западных коллег не политизировать вопросы правовой помощи // rg.ru [сайт]. URL: https://rg.ru/2024/10/21/krasnov-prizval-zapadnyh-kolleg-ne-politizirovat-voprosy-pravovoj-pomoshchi.html?ysclid=m582_gla6k235389760 (дата обращения: 29.07.25).

тнеры Российской Федерации по БРИКС, ШОС и других международных организаций, а за координацией действий компетентных органов при непосредственном взаимодействии профильных подразделений могут выступать контактные пункты в национальных юрисдикциях. В частности, в структуре НЦБ Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации возможно создание контактного центра на примере действующего в структуре НЦБ Интерпола МВД России национального контактного пункта по взаимодействию с Европолом, обеспечивающего:

- поддержание прямых связей между МВД России и региональными полицейскими организациями или правоохранительными органами разных стран через специальные механизмы обмена информацией;

- внедрение информационных технологий, в том числе на основе искусственного интеллекта, и формирование единой информационно-аналитической базы данных по различным направлениям международного сотрудничества (уголовно-правового, гражданско-правового и оперативно-розыскного);

- получение и анализ компетентными органами Российской Федерации информации на всех стадиях межгосударственного сотрудничества по розыску, аресту, конфискации коррупционных активов, а также отдельных аспектов их управления, раздела и распоряжения [2];

- координацию деятельности компетентных органов с зарубежными партнерами при проведении на территории нескольких национальных юрисдикций совместных оперативно-розыскных мероприятий и международных оперативно-профилактических операций [3, с. 241].

2. Развитие правовой базы путем заключения межправительственных соглашений о взаимной правовой помощи.

Правовым основанием для оказания взаимной правовой помощи по делам, связанным с арестом и конфискацией имущества, являются международные договоры и двусторонние соглашения. Как показывает практика, чем больше у страны имеется соглашений о взаимной правовой помощи, тем успешней она будет в контексте противодействия перемещению преступных, в том числе коррупционных, активов за рубеж и их возврата в страну происхождения [4, с. 100].

В современную эпоху цифровизации экономики и реализации крупных международных, энергетических, инфраструктурных и инвестиционных проектов с повышенными рисками назревает необходимость в заключении многостороннего Соглашения о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и правоохранительными органами партнеров по БРИКС в области противодействия коррупции [5, с. 448].

Возможность заключения указанного многостороннего соглашения предусмотрена Концепцией участия Российской Федерации в объединении БРИКС, утвержденной Президентом Российской Федерации, Конвенцией ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, Конвенцией ООН против коррупции, международными договорами Российской Федерации и документами, принятыми на саммитах государств – участников БРИКС.

Соглашение в сфере поиска (розыска) коррупционных активов в иностранных юрисдикциях может быть рамочным и содержать следующее положения*:

1) стороны осуществляют деятельность по следующим направлениям:

- профилактика коррупционных преступлений и правонарушений;
- предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений коррупционной направленности, носящих международных характер;

* О заключении соглашений о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и компетентными ведомствами иностранных государств: постановление Правительства РФ от 29.06.1995 № 653. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- информационно-аналитическое обеспечение;
- экспертно-криминалистическое и техническое сопровождение;

2) обмен информацией в пределах компетенции между сторонами Соглашения осуществляется:

2.1) в отношении:

– компаний, являющихся резидентами стран – участниц Соглашения, подлежащих привлечению к ответственности за совершение коррупционных преступлений и правонарушений;

– граждан (подданных) государств, являющихся сторонами Соглашения, проверяемых на предмет совершения коррупционных преступлений и правонарушений или совершивших преступления коррупционной направленности на территории страны – участника Соглашения;

– граждан иностранных государств, не являющихся сторонами Соглашения и совершивших или планирующих совершить преступление коррупционной направленности, в случае если преступление направлено против интересов одной из сторон Соглашения;

– лиц, подозреваемых в причастности к коррупции при осуществлении совместной экономической, инвестиционной и представительской деятельности;

2.2) относительно:

– фактов и событий, связанных с коррупцией, в рамках реализации совместных проектов и проводимых мероприятий международного характера;

– владения активами и цифровыми валютами в иностранных юрисдикциях сторон Соглашения лицами, на которых распространены ограничения, запреты и требования, установленные национальным законодательством о противодействии коррупции;

– решений судебных органов о признании незаконным отчуждение государственной собственности в пользу иностранных резидентов стран – участниц Соглашения и вывода этих активов за рубеж, в случае если действия направлены против интересов и экономической безопасности одной из сторон Соглашения;

– имевших место или предполагаемых контактов между отдельными лицами и преступными группами, действующими на территории государств – сторон Соглашения;

– форм и методов осуществления преступной деятельности;

– способов сокрытия финансовых активов и цифровых валют в юрисдикциях сторон, подписавших Соглашение.

– результатов проведенных мероприятий высшими органами аудита стран – участниц Соглашения;

2.3) в части, касающейся:

2.3.1) наличия экономических интересов, имеющих у проверяемых лиц и компаний в юрисдикции одной из сторон Соглашения, в том числе:

– наличия у них недвижимости, транспортных средств, счетов в банках, иных финансовых инструментов, а также цифровых валют;

– участия в деятельности инвестиционных фондов;

– получения сведений из реестров юридических лиц и их бенефициарных владельцев, из баз данных фискальных органов, которые в зависимости от юрисдикции могут содержать информацию об органах управления, о фактических владельцах, об уставном капитале, отчетности компании;

2.3.2) перемещений проверяемых лиц, их близких родственников, близких и иных аффилированных с ними лиц в иностранных юрисдикциях стран – участниц Соглашения;

2.3.3) проживания указанной категории лиц на территории одной из сторон Соглашения;

2.3.4) наличия гражданства или подданства, иных правоустанавливающих документов, полученных в странах – участницах Соглашения;

3) Стороны осуществляют деятельность в следующих формах:

- проведение согласованных и/или совместных оперативно-розыскных и технических мероприятий в цифровой среде, в том числе в сетях Интернет и его анонимном сегменте Даркнет;

- проведение согласованных и/или совместных специальных и оперативно-профилактических операций, носящих международных характер;

- взаимодействие в соответствии с компетенцией с высшими органами аудита стран – участниц Соглашения;

- взаимодействие и оказание правовой помощи при проведении мероприятий, в том с привлечением специалистов органов финансовой разведки страны – участницы Соглашения;

- обмен опытом работы, в том числе путем проведения совещаний, конференций и семинаров;

- обмен законодательными и иными нормативными правовыми актами своих государств, материалами о практике их исполнения, статистическими данными и методическими рекомендациями;

- содействие в проведении экспертиз, в том числе комплексных и международных сетевых, с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, а случае необходимости содействие в получении образцов и результатов экспертных исследований и оценок;

- осуществление координации деятельности по вопросам, возникающим в процессе сотрудничества, включая создание рабочих групп и обмен представителями.

В целом примеры успешного возврата коррупционных активов в масштабах мирового сообщества по-прежнему остаются немногочисленными и не такими значительными в процентном соотношении убытков государства и возвращенного имущества в страну происхождения. Очевидными причинами являются недостатки в организации процесса ареста и конфискации имущества, отсутствие оперативности, формальный подход и слабое внедрение в деятельность правоохранительных органов технических новаций для возврата незаконно выведенных средств, а именно искусственного интеллекта и современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Многосторонний уровень международного сотрудничества представляется наиболее эффективной формой взаимодействия в процессе возврата коррупционных активов. Он позволяет более полно учесть интересы каждой из сторон и закрепить механизмы совместной деятельности.

Взаимодействие МВД России с компетентными органами стран – участников объединения БРИКС на основании предложенного соглашения позволит оперативным подразделениям органов внутренних дел Российской Федерации повысить эффективность поиска коррупционных активов в иностранных юрисдикциях в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Список источников

1. Никитенко И. В., Глазырин В. В. Криминологическая профилактика служебного подлога // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. трудов. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2022. С. 283–287.
2. Маслов В. А. Конфискация имущества: российский и зарубежный опыт правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 10. С. 110–122.
3. Лаптев Д. Б., Федоров А. А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 239–245.
4. Красинский В. В. Современные подходы к теоретическому обоснованию защиты государственного суверенитета // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 97–112.
5. Клейменов М. П. Экономическая преступность, УК РФ и задачи криминологии // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права (30–31 мая 2013 г., Москва). М.: Юрлитинформ, 2013. С. 446–448.

Информация об авторах

Е. О. Деревянко – кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела научно-исследовательского центра № 3;

В. Е. Политов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела научно-исследовательского центра № 3.

Information about the authors

E. O. Derevyanko – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, Head of the Department for Research Center;

V. E. Politov – *kandidat nauk*, degree in History, Leading Researcher of the Department of the Research Center.

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 02.10.2025.

The article was submitted 19.09.2025; approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 02.10.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 166–171.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4 (73): 166–171.

Научная статья

УДК 340.15 + 343.2/.7

ОСОБЕННОСТИ КОНВЕРГЕНЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ В ПЕРИОД МОНГОЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Земфира Рустамовна Набиева

Казанский юридический институт МВД России, Казань

nabiyevaz@list.ru, ORCID: <http://0009-0006-9257-7351>

Аннотация. В статье исследуются проблемы правового регулирования на территории Китая в период династии Юань. Особое внимание уделяется особенностям регулирования уголовного права. В ходе создания Великой монгольской империи наряду с системой улусов сознательно создавались анклавов и эксклавов внутри каждого из них, они являлись пространством и способом ускоренной аккультурации инородных правовых систем. На этапе завоевания конвергенция права осуществлялась преимущественно императивными методами правовой экспансии, в последующем наблюдается в большей степени аккультурация степняков и их правовых норм. На примере норм уголовного права выявляется разностороннее влияние дискреционного и обычного права номадов на танские правовые традиции.

Ключевые слова: анклавов, эксклавов, аккультурация, Империя Джучидов, Золотая Орда, правовая экспансия, юридическая конвергенция, нормы права

Благодарности: автор выражает признательность Чжао Чжу-Чэню, Р. Ф. Набиеву, И. Р. Тагирову, И. А. Сабирову за предоставленную консультативную помощь.

Для цитирования: Набиева З. Р. Особенности конвергенции норм уголовного права на территории Китая в период монгольского владычества // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 4 (73). С. 166–171.

Original article

FEATURES OF CONVERGENCE OF CRIMINAL LAW NORMS IN CHINA DURING THE PERIOD OF MONGOL RULE

Zemfira R. Nabieva

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan
nabievaz@gmail.ru

Abstract. The article explores the problems of legal regulation in China during the Yuan Dynasty. Particular attention is paid to the peculiarities of criminal law regulation. During the creation of the Great Mongol Empire, along with the system of uluses, enclaves and exclaves were deliberately created within each of them, they were a space and a way of accelerated acculturation of foreign legal systems. At the stage of conquest, the convergence of law was carried out mainly by imperative methods of legal expansion, but subsequently, acculturation of the steppe inhabitants and their legal norms is observed to a greater extent. The example of criminal law norms reveals the diverse influence of the discretionary and customary law of the nomads on the Tang legal traditions.

Keywords: enclaves, exclaves, acculturation, Jochid Empire, Golden Horde, legal expansion, legal convergence, legal norms

Acknowledgements: the author expresses his gratitude to Zhao Zhu-Chen, R. F. Nabiev, I. R. Tagirov, I. A. Sabirov for their advisory assistance.

For citation: Nabieva Z. R. Features of convergence of criminal law norms in China during the period of mongol rule // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 4(73): 166–171.

Прежде всего, следует отметить известный постулат: нормы права завоевателей и законы завоеванных государств требуют согласования. Если на этапе завоевания для ограбления завоеванного населения достаточно дискреционного способа управления, то для создания многоотраслевой экономики с устойчивой налоговой системой нужна сложная система позитивного права на основе выработанных столетиями в данной конкретной местности норм права.

Проблема взаимодействия правовых систем монголов и Китая рассматривалась неоднократно, но чаще всего фрагментарно. Преобладающее мнение синологов и востоковедов в целом можно выразить следующей фразой: после завоевания Китая монголы, как и все предшествующие волны «варваров», постепенно ассимилировались, их культура растворилась в великой китайской культуре, а собственные законы были утрачены. Лишь относительно недавно появились работы, содержащие результаты сравнительных исследований права юристами (Франсуаза Обен, Беттин Бирге) [1; 2], которые засвидетельствовали многовекторный характер правового взаимодействия. Утверждение о том, что после периода завоевания монголы были лишь реципиентами китайского права, оказалось ошибочным. Представление о монголах исключительно как о реципиентах китайских культуры и права верно лишь для части монголов и, преимущественно, для последних десятилетий владычества.

В отечественной науке наиболее значительный вклад в исследование монгольского и золотоордынского права внес Р. Почекаев [3; 4 и др.]. В ранних своих работах он рассматривал монгольское имперское право преимущественно в качестве донора в процессе взаимодействия различных правовых систем [5]. В последних его изысканиях наблюдается большое разнообразие объектов и средств в процессе взаимодействия этих правовых систем*. При этом следует

* Почекаев Р. Ю. Правовое наследие Монгольской империи в тюрко-монгольских государствах: доклад на форуме «Политико-правовые системы тюркских государств» 02.11.2022. URL: <http://rutube.ru/video/8638d622992391adebfdace9371cb7a1/> (дата обращения: 04.02.2025).

подчеркнуть, что в науке пока отсутствуют монографические работы, рассматривающие процесс конвергенции права на территории Великой монгольской империи (ВМИ), и особенно в эксклавах на территории Китая.

Следует отметить, что уже в глубокой древности сложилась необходимость взаимодействия и конструктивного симбиоза кочевых сообществ с оседлыми земледельцами и южными империями. Так, известный этнолог и антрополог А. М. Хазанов на основе многолетних практических исследований по всему миру пришел к выводу о том, что номады никогда и нигде не были оторваны от оседлых культур. Более того, последние были средой, из которой выделялись номады [6]. Этот вывод не только подтверждает давнее утверждение Л. Н. Гумилева об исконном симбиозе номадов и земледельческих культур, но и дает основания для предположения о древнейшей конвергенции культур и их правовых систем.

Результаты исследований последних десятилетий выявили множество примеров подобного симбиоза. Интересен ряд древнейших земледельческих культур (Трипольская, Черняховская, длительно развивавшихся в Южно-русских степях), крупные поселения которых не имели укреплений. Существование подобных поселений было возможно только в том случае, если население находилось под покровительством законов могущественных государственных образований, обладавших многочисленной конницей.

Следы инородческих анклавов на территории различных территориальных культур довольно часто встречаются и в последующие века. Например, Тушемлинская культура, с ее городками, инородческие кварталы в крупных торговых городах Хазарии. Тот же принцип территориальной автономии различных общин в пределах одного города зафиксирован и в Сараях [7, с. 307]. Таким образом, мы видим многовековое успешное применение евразийскими империями принципа сегрегации – параллельного раздельного и замкнутого проживания и развития разных культур под общим управлением.

Существует научная проблема многовековой инкорпорации зарубежных правовых норм в общегосударственную имперскую правовую систему и, напротив, правовой экспансии со стороны «степных» держав по отношению к зависимым территориям и анклавам.

На протяжении многих столетий, спустя три-четыре поколения, завоеватели становились новой династией Великого Китая, а еще через некоторое время захватчики полностью ассимилировались в среде высокоразвитой китайской культуры. Время правления монгольской династии примерно соответствует выявленной закономерности, поэтому среди правоведов-синологов (например, Пол Хэн-чао Чэнь) нередко встречается мнение, что влияние монгольского права было краткосрочным и ничтожным. Нормы права номадов были поглощены более развитым китайским законодательством [8, р. 53 и др.].

Монгольская империя объединила под своей властью всех «северных и восточных варваров», ранее системно вытеснявшихся ханьцами из плодородных районов. ВМИ воплотила многовековые надежды номадов на возвращение ранее утраченных плодородных территорий. Поэтому она первоначально относилась к китайской общности как к чуждому элементу, незаконно присвоившему принадлежащие им земли.

Судя по сложившейся обстановке в первые десятилетия завоевания, монголы были верны заветам Чингисхана о полном уничтожении врагов и беспощадно грабили и убивали китайцев. Это был период неограниченного дискреционного правления завоевателей, к которому с трудом подходит определение правовой экспансии, т. к. ханьское население вообще не имело никаких прав. Вследствие тотального террора против населения миллионы крестьян Восточной Азии забросили свои поля и производства. Большая часть из них переселилась в южные районы, где им были гарантированы государственная защита и фиксированное налогообложение южно-китайской династией Сун [9].

Чингисхан, как и многие предшествующие великие завоеватели, не мог не задуматься о закреплении своих успехов. Опыт предшествующих «варварских» династий Китая

свидетельствовал о том, что рано или поздно завоевания прекратятся, после чего начнется процесс распада, а прямое и непосредственное управление стомиллионным Китаем завершится ассимиляцией монголов. С целью избежания этой опасности правительством Чингисхана был предпринят ряд мер, среди которых вводились новшества в административно-территориальном делении империи – так называемые анклавов [см. 10]. Для предотвращения последующих раскола и междоусобных войн основатель империи ввел ряд мер институционального характера. В составе каждой вновь завоеванной территории выделялись анклавов тем принципам-чингисидам, чьи войска завоевывали тот или иной район [11, с. 49].

С юридической точки зрения выделение анклавов в составе «Четырех улусов» означало несколько уровней согласования правовых норм: общеимперских (ВМИ), указы *чжуванов* (правителей четырех великих улусов/империй)*, законы вассальных государств, обычное право различных народов. На некоторые территории, находившиеся под юрисдикцией джучидов, указывал Цю Ихэо (Qiu Yihao) [12]. Такое упоминание также предполагает, как минимум, дуальную систему дискреционного и императивного метода правового регулирования регионом.

Некоторое время процесс управления тремя крупными китайскими провинциями осуществлялся из Поволжья. Вряд ли допустимо утверждать о полноценном вхождении китайских провинций в состав Государства Джучидов (Золотой Орды), однако какое-то время там действовала администрация, назначаемая джучидами. Более того, во время временного правления в масштабах всей ВМИ будущего золотоордынского хана *чжувана* Берке**, его управление этими тремя областями было реальным и бесспорным. Эти эксклавы улуса Джучи первоначально обладали правом экстерриториальности по отношению к китайской администрации и платили налоги в пользу далекого Сарая-на-Волге. Это обстоятельство позволяет говорить еще об одном уровне конвергенции права на территории Китая: взаимодействие на определенной территории положений джучидских *чжуванов*, степного обычного права и мусульманского права. К середине 60-х гг. XIII в. каждая из четырех империй создала свою «вертикаль власти», устранив региональные администрации конкурентов. В каждой из четырех империй укреплялась своя система позитивного права. Однако с восстановлением конфедерации четырех империй в Китае появились новые анклавов инородцев, живущих по своим внутренним законам.

Бесспорным доказательством и полноценным материальным юридическим документом, подтверждающим действие общих правил на всей территории ВМИ, кроме известных бумажных денег (*чхао*), являлась *пайцза* (*басма*) – удостоверение личности с общеизвестными правами. Их формальные критерии проявляют явную преемственность по отношению к предшествующим империям. Текст часто дублировался на разных языках. Система удостоверений *пайцза*, по существу, являлась результатом юридической конвергенции и правовым институтом позитивного права. Государственные печати также содержали символику в традициях китайского и «варварских» искусств.

Примером дискреционного регулирования трансконтинентальной торговли стала ответственность региональных органов власти за жизнь и имущество купцов. На начальном этапе монгольской власти крупными коммерсантами были мусульманские купцы, а уголовной ответственности за их мнимые или реальные потери подлежала вся община, на территории которой произошло ограбление. Волей хана община погашала ущерб купцу, а преступники подлежали смертной казни [13]. В данном случае налицо пример произвола верховной власти, претворяемый в рамках правовой экспансии.

* Этот термин является одним из следов глубокой конвергенции правовых систем в период ВМИ. Он сохранился в русском языке в слове «чваниться» со значением «чрезмерно хвалиться своими предками».

** По номенклатуре чингисидов, в китайской «табели о рангах» должность золотоордынских ханов называлась *чжуван*.

Совершенно бескомпромиссным выглядит уголовное наказание за неисполнение воли держателя пайцзы или ярлыка. В данном случае речь идет не столько о покушении на дипломатический иммунитет, сколько о любой степени неповиновения. По описанию Марко Поло, санкция указана в самом формуляре пайцзы – смертная казнь. Большинство реальных находок не содержит указания на смерть, потому что она предполагалась имплицитно и санкция не требовала дополнительного напоминания.

Согласование интересов степной элиты и китайской экономики на территории Китая в целом завершилось процессом новой кодификации законодательства, проведенной конфуцианским ученым Ли Мэном при Буянту-хане [14]. Многие полагают, что проведение кодификации на основе развитой системы законодательства предшествующих китайских государств (на основе систематизации законов периода Тан) способствовало развитию именно китайской культуры и снижению роли монгольской военной элиты, которая вслед за этим (и вследствие этого) вскоре была повержена [15, р. 53]. Однако другие ученые, отслеживая развитие конкретных направлений, выявляют существенное отраслевое влияние монгольского законодательства. Так, Б. Бирге считает китайское уголовное, наследственное и брачное право отраслями, в которых монголы оставили значительный след [16, р. 87].

Применяя сравнительно-юридический и конкретно-исторический методы к исследованию вопроса о взаимодействии двух правовых систем, Б. Бирге сравнила правовую политику династий Ляо и Цзинь с политикой династии Юань. Так, например, она сравнила степень уголовной ответственности на примере преднамеренного убийства в период стабилизации государства и общества после завоевания. Танское законодательство, утвердившееся в Китае, отличалось в этом вопросе жесткой реакцией государства и санкционировало смертную казнь.

Все «варварские» династии вводили разные нормы ответственности для представителей своего народа и китайцев. «Свои», как правило, компенсировали нанесенный ущерб: в случаях убийства или кражи преступник должен был выплатить компенсацию жертве или семье жертвы скотом. Каан Хубилай принял в 1265 г. синтезированный уголовный кодекс, совмещавший степные и китайские законы [17, р. 90–91].

Ф. Обен также отметила, что монголы часто по-разному судили эти группы граждан, но при этом ввели универсальную меру компенсации ущерба *шаомайинь* 燒埋銀 (шаомайцянь 燒埋錢) – «серебро на похороны и расходы на погребение» [18, р. 133–134]. Компенсация служила для восстановления чувства морального равновесия между негосударственными субъектами. Прецедентное судопроизводство, характерное для Китая, существенно влияло на величину компенсации в зависимости от объективных обстоятельств [19, р. 91]. Вышеприведенный пример можно рассматривать как вариант консолидации правовых норм.

Основатель династии Мин Чжу Юаньчжан критиковал монголов и утверждал, что это он восстановил законы, чтобы поддерживать конфуцианские ценности. Однако, как отмечают исследователи, влияние культуры и права Юань и концепций, полученных из степных практик, несомненно, очевидны в уголовных законах династии Мин [20, р. 101].

На основании вышеизложенного автором сделаны наиболее общие выводы.

1. В ходе завоевания монгольскими войсками Северного Китая на некоторых территориях были выделены округа и провинции с джучидской администрацией, управлявшейся с берегов Волги и обслуживающей интересы Государства Джучидов. Эти округа следует рассматривать как эксклавы Государства Джучидов. Они первоначально обладали правом экстерриториальности по отношению к китайской администрации и платили налоги в пользу далекого Сарая-на-Волге.

2. Процесс конвергенции правовых систем был сложным и включал в себя несколько уровней.

3. В ходе юридической конвергенции наблюдаются признаки влияния степных правовых традиций на традиционное танское уголовное право.

Список источников

1. Aubin F. Some Characteristics of Penal Legislation among the Mongols // Central Asian Law: A Historical Overview: A Festschrift for the Ninetieth Birthday of Herbert Franke / Wallace Johnson and Irina Popova. eds. Lawrence, Kansas: Society for Asian Legal History, 2004. Pp. 128–152. (318 p).
2. Bettine Birge. How the Mongols Mattered // How Mongolia Matters: War, Law, and Society. ed. Rossabi M. Leiden: Brill, 2017. Pp. 87–104.
3. Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды / под ред. И. М. Миргалеева. Казань: ФЭН АН РТ, 2009. 260 с.
4. Почекаев Р. Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. СПб.: Наука, 2017. 206 с.
5. Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды.
6. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб.: СПбГУ, 2008. 512 с.
7. Золотая Орда в источниках / сост. Р. П. Храпачевский. М., 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. 448 с.
8. Paul Heng-chao Ch'en, Chinese Legal Tradition under the Mongols. The Code of 1291 Reconstructed. Princeton: Princeton University Press, 2023, 232 p.
9. Набиев Р. Ф. Государство Джучидов в XIV веке: проблемы экономического развития. Казань: Татарское кн. изд-во, 2014. 415 с.
10. Набиев Р. Ф., Чжао-чжу Чэн, Набиева З. Р. Анклавы и эксклавы как одна из особенностей административно-территориального деления Государства Джучидов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 1 (42). С. 10–18.
11. Золотая Орда в источниках / сост. Р. П. Храпачевский. М.: Наука, 2009. Т. 3. 336 с.
12. Brose Michael. Qipchak Networks of Power in Mongol China // How Mongolia Matters: War, Law, and Society / Rossabi M. (ed.). Leiden: Brill, 2017. Pp. 69–86.
13. Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах / под ред. Л. И. Думан. М.: Наука, 1965. 222 с.
14. Там же.
15. Qiu Yihao. Understanding Berke's Announcement of Islamic Conversion in a Genealogical Perspective // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 2024, B. 67, no. 1+2 [The Mongols and Religion]. Pp. 45–74.
16. Bettine Birge. How the Mongols Mattered.
17. Там же.
18. Aubin F. Some Characteristics of Penal Legislation among the Mongols.
19. Bettine Birge. How the Mongols Mattered.
20. Там же.

Информация об авторе

З. Р. Набиева – адъюнкт.

Information about the author

Z. R. Nabieva – postgraduate.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 15.05.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала (уголовно-правовые науки).

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: https://mvd.ru/upload/site134/folder_page/003/378/423/Litsenzionnyy_dogovor_2.pdf) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде по электронной почте vestnikdvui@yandex.ru.

5. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

6. Представляемые к опубликованию научные статьи должны соответствовать следующим требованиям:

- объем – 10–18 страниц при наборе текста в программе Word шрифтом Times New Roman размером 14 пунктов с использованием полуторного межстрочного интервала;

- статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7–2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление»;

- после названия статьи указываются фамилия, имя, отчество всех авторов полностью, полное название организации – места работы каждого автора (на русском и английском языках). Указывается адрес электронной почты каждого автора, а также ORCID автора (**пройти регистрацию на сайте <http://orcid.org/>**) или другие его идентификационные номера;

- информация об авторе (авторах) указывается в конце статьи после списка источников. Указываются: ученая степень, ученое звание, занимаемая должность (на русском и английском языках);

- название статьи, аннотация (не более 250 слов), ключевые слова (не менее 3 и не более 15 речевых единиц) приводятся на русском и английском языках;

- указывается код универсальной десятичной классификации (УДК);

- приставленный список источников размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованную при написании статьи литературу;

- ссылки на официальные документы, авторефераты диссертаций, интернет-источники оформляются по тексту как подстрочные;

- статья должна быть подписана автором (авторами). Статья адъюнкта (аспиранта, соискателя), кроме того, должна быть подписана его научным руководителем.

7. Ответственность за достоверность фактов, приводимых цитат, за правильность ссылок на источники, точность предоставленных персональных данных, а также корректность перевода на английский язык несут авторы.

8. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей, редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

9. Плата за опубликование статей не взимается.

10. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте. При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова,

редакционно-издательский отдел, журнал «Вестник ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова».

Тел. (4212) 92-02-59

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru